

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГАОУ ВПО «Российский государственный профессионально-
педагогический университет»

**ХРЕСТОМАТИЯ
ПО ПРАВОСЛАВНОЙ
ЭТИКЕ**

Учебное пособие

Екатеринбург
РГПТУ
2010

УДК 241(075.8)

ББК Э 372я73-1

X 91

Хрестоматия по православной этике [Текст]: учеб. пособие / сост. Е. Э. Рахова; ФГАОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т». Екатеринбург, 2010. 231 с.

В хрестоматию включены тексты и фрагменты из нравственно-аскетических творений святых отцов и подвижников Православной Церкви. В святоотеческих материалах раскрываются цели, содержание, особенности христианской духовно-нравственной жизни.

Хрестоматия предназначена для студентов теологической и других специальностей, аспирантов, преподавателей, всех интересующихся проблемами православной этики.

Рецензенты: д-р филос. наук, проф. А.П. Ветошкин (НОУ ВПО «Уральский институт бизнеса»), д-р филос. наук, проф. С.З. Гончаров (ФГАОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет»)

© ФГАОУ ВПО «Российский государственный
профессионально-педагогический
университет», 2010

ПРЕДИСЛОВИЕ

Важность обращения к нравственно-аскетическому учению Православной Церкви обусловлена необходимостью решения задач воспитания, в т.ч. православного воспитания подрастающего поколения, восстановления и укоренения возвышенных христианских нравственных идеалов, ценностей и строя жизни нашего народа и православных христиан.

Святоотеческие творения содержат богатый и спасительный опыт подвижнической жизни, опыт борьбы христианина с собственными страстями и похотями, стяжания христианских добродетелей, достижения высоких степеней нравственного совершенства, преображения, обожения подвижника благодатью Святого Духа в таинствах Церкви. Подвиг и таинства являются равно необходимыми основаниями и условиями христианской нравственности и ее совершенствования.

Христианская нравственная жизнь – это жизнь не естественная и не самозаконная, а благодатная, вышеестественная, сверхъестественная – жизнь по спасительной воле Божией, по святым Божественным заповедям, жизнь во Христе, жизнь в Духе Святом. К этому призван всякий христианин, просвещенный святым крещением, ищущий вечного спасения.

В данной хрестоматии тексты авторов-подвижников сгруппированы в историческом порядке в двух разделах: в I разделе представлены писания древнехристианских и византийских отцов, во II разделе – творения русских святых угодников Божиих. Здесь показываются и исследуются различные примеры жизненных подвигов святых – мученичество за Христа, девство, юродство во Христе, монашеское аскетическое и молитвенное делание, церковные служения и послушания, терпение жизненных скорбей и страданий ради Христа, но в них обнаруживаются единые цели и законы христианской духовно-нравственной жизни.

Святоотеческие материалы, включенные в хрестоматию, позволяют основательнее усвоить этическое содержание христианского учения, уяснить непреходящее значение и спасительную силу Священного Предания Православной Церкви и снискать в нем надежную опору для христианского жительства.

О ЧТЕНИИ СВЯТЫХ ОТЦОВ

Беседа и общество ближних очень действует на человека. Беседа и знакомство с учеными сообщает много сведений, с поэтом - много возвышенных мыслей и чувствований, с путешественником - много познаний о странах, о нравах и обычаях народных. Очевидно: беседа и знакомство со святыми сообщают святость. С преподобным преподобен будешь, и с мужем неповинным неповинен будешь, и со избранным избран будешь [Пс. 17, 26-27].

Отныне, во время краткой земной жизни, которое Писание не назвало даже жизнью, а странствованием, познайся со святыми. Ты хочешь принадлежать на небе к их обществу, хочешь быть участником их блаженства? - отныне поступи в общение с ними. Когда выйдешь из храмины тела, - они примут тебя к себе, как своего знакомого, как своего друга [Лк. 16, 9].

Нет ближе знакомства, нет теснее связи, как связь единством мыслей, единством чувствований, единством цели [1 Кор. 1, 10]. Где единомыслие, там непременно и единомушие, там непременно одна цель, одинаковый успех в достижении цели.

Усвой себе мысли и дух святых Отцов чтением их писаний. Святые Отцы достигли цели: спасения. И ты достигнешь цели по естественному ходу вещей. Как единомысленный и единомушный святым Отцам, ты спасешься.

Небо приняло в свое блаженное недра святых Отцов. Этим оно засвидетельствовало, что мысли, чувствования, деяния святых Отцов благоугодны ему. Святые Отцы изложили свои мысли, свое сердце, образ своих действий в своих писаниях. Значит: какое верное руководство к небу, засвидетельствованное самим небом, - писания Отцов!

Писания святых Отцов все составлены по внушению или под влиянием Святого Духа. Чудное в них согласие, чудное помазание! Руководствующий ими имеет, без всякого сомнения, руководителем Святого Духа.

Все воды земли стекаются в океан, и, может быть, океан служит началом для всех вод земных. Писания Отцов соединяются все в Евангелии; все клонятся к тому, чтоб научить нас точному исполнению заповедей Господа нашего Иисуса Христа; всех их и источник и конец - святое Евангелие.

Не сочти для себя достаточным чтение одного Евангелия, без чтения святых Отцов! Это - мысль гордая, опасная. Лучше пусть приведут тебя к Евангелию святые Отцы, как возлюбленное свое дитя, получившее предварительное воспитание и образование посредством их писаний.

Многие, все, отвергшие безумно, кичливо святых Отцов, приступившие непосредственно, со слепую дерзостью, с нечистым умом и сердцем к Евангелию, ниспали в гибельное заблуждение. Их отвергло Евангелие: оно допускает к себе одних смиренных.

Чтение писаний отеческих - родитель и царь всех добродетелей. Из чтения отеческих писаний научаемся истинному разумению Священного Писания, вере правой, жителству по заповедям евангельским, глубокому уважению, которое должно иметь к евангельским заповедям, словом сказать, - спасению и христианскому совершенству.

Чтение отеческих писаний, по умалении Духоносных наставников, соделалось главным руководителем для желающих спастись и даже достигнуть христианского совершенства (Преп. Нил Сорский. Правила).

Книги святых Отцов, по выражению одного из них, подобны зеркалу: смотря на них внимательно и часто, душа может увидеть все свои недостатки.

Опять - эти книги подобны богатому собранию врачебных средств: в нем душа может приискать для каждого из своих недугов спасительное врачество.

Говорил святой Епифаний Кипрский: «Один взор на священные книги возбуждает к благочестивой жизни» (Алфавитный Патерик).

Чтение святых Отцов должно быть тщательное, внимательное и постоянное: невидимый враг наш, ненавидящий глас утверждения [Притч. 11, 15], ненавидит в особенности, когда этот глас исходит от святых Отцов. Этот глас обличает козни нашего врага, его лукавство, открывает его сети, его образ действий: и потому враг вооружается против чтения святых Отцов различными гордыми и хульными помыслами, старается свергнуть подвижника в суетные попечения, чтоб отвлечь его от спасительного чтения, борет его унынием, скукою, забывчивостью. Из этой брани против чтения святых Отцов, мы должны заключить, как спасительно для нас оружие, столько ненавидимое врагом. Усильно заботится враг о том, чтоб исторгнуть его из рук наших.

Каждый избери себе чтение Отцов, соответствующее своему образу жизни. Отшельник пусть читает Отцов, соответствующее своему образу жизни; инок, живущий в общежитии, - Отцов, написавших наставления для монашеских общежитий; христианин, живущий посреди мира, - святых Отцов, произнесших свои поучения вообще для всего христианства. Каждый, в каком бы звании не был, почерпай обильное наставление в писаниях Отцов.

Непрерывно нужно чтение, соответствующее образу жизни. Иначе будешь наполняться мыслями, хотя и святыми, но неисполнимыми самим делом, возбуждающими бесплодную деятельность только в воображении и желании; дела благочестия, приличествующие твоему образу жизни, будут ускользать из рук твоих. Мало того, что ты сделаешься бесплодным мечтателем, мысли твои, находясь в беспрестанном противоречии с кругом действий, будут непременно рождать в твоём сердце смущение, а в поведении неопределенность, тягостные, вредные для тебя и для ближних. При неправильном чтении Священного Писания и святых Отцов, легко можно уклониться со спасительного пути в непроходимые дебри и глубокие пропасти, что и случилось со многими.

Святитель Игнатий Брянчанинов. Аскетические опыты: В 2 тт. Т.1. Минск: Лучи Софии, 2001. С. 33-35.

РАЗДЕЛ I

Тертуллиан

К МУЧЕНИКАМ

Ученики Христовы, которым предстоит мученичество! В то время как наша мать и владычица Церковь, а также отдельные братья-христиане помогают вам в темнице поддерживать свое бренное тело, примите и от меня скромный дар для подкрепления вашего духа...

Итак, прежде всего, *не огорчайте Духа Святого* [Еф. 4, 30], Который вместе с вами вошел в темницу; ведь если бы Он не был с вами, то и вас сегодня не было бы там. Старайтесь, чтобы Он оставался с вами, и Он приведет вас оттуда к Господу. Конечно, и темница — обитель дьявола, в которой он держит рабов своих, но вы туда вошли, чтобы посрамить его в его же твердыне, как уже делали это и в других местах. Пусть не хвалится он тем, что вы в его власти, что он искусит вас упадком духа и взаимными распрями; да убежит он от вас, да скроется в глубоких пещерах, и да пресмыкается там, как ядовитая змея, укрощенная заклинанием. Да не будет он настолько удачлив, чтобы победить вас у себя дома; да найдет вас постоянно готовыми и облаченными в доспехи любви. Мир между вами — для него война. За этим миром к мученикам в темницу даже с воли приходят их собратья по вере. Тем более вы должны хранить между собою мир, чтобы при случае могли поделиться им с другими.

Пусть остальные заботы, как и родители ваши, провожают вас только до темничных дверей. Тут разлучились вы с миром и не жалеете, что распрощались с ним. Если учесть, что мир сам по себе — темница, вы скорее вышли из темницы, чем вошли в нее. Темна ваша темница, но мир покрыт еще большим мраком, ослепляющим ум. Вы — в оковах, но мир налагает на душу еще более тяжелые цепи. Вы — в грязи, но мир полон еще большей грязи людского распутства. Наконец, в мире заключено еще больше подсудимых, а именно весь род человеческий, и ему грозит суд не проконсула, но самого Бога. Поэтому вы, благословенные, попали не в тюрьму, а скорее в надежное убежище. Оно мрачно, но вы сами — *свет мира* [Мф. 5, 14]. Здесь оковы, но в глазах Бога вы свободны. Здесь зловоние, но вы сами — благоухание. Вы ждете приговора, но настанет

время, когда вы сами будете судить судей ваших. Неважно, что вы в мирской темнице, ибо сами вы — уже вне этого мира, и если вы лишились радостей жизни, то приобрели гораздо больше. Я уж не говорю о награде, которую Бог обещает мученикам...

Перестанем же темницу именовать темницей и назовем ее лучшим местом уединения. Хотя в нем и заключено ваше тело, но духу вашему нет преград. Вы можете не только мысленно гулять по тенистым аллеям и под сенью длинных портиков, но и идти по дороге, ведущей к Богу. Мысленно идя по ней, вы уже свободны. Тело не чувствует тяжести оков, когда душа возносится к небу. Она уносит человека, куда пожелает: *Где будет душа твоя, там и сокровище твое* [Мф. 6, 21]. Поэтому пусть будет душа наша там, где мы хотим обрести сокровище.

Допустим, что темница даже христианам в тягость. Но мы призваны на службу Бога Живого с тех пор, как при крещении дали присягу. Между тем, ни один воин в походе удобств не знает. Не с мягкой постели он встает, чтобы идти в сражение, но выходит из лагеря, где жесткость земли, суровость воздуха и грубость пищи закалили его тело. Даже в мирное время воины заняты упражнениями: маршируют с оружием, ходят в учебные атаки, роют окопы, учатся строить «черепаху». Они делают все это в поте лица, чтобы закалить тело и душу — и в тени, и на солнце, и под дождем; сменяя платье на доспехи, тишину на крик, отдых на тревогу. Вот почему, воины Христовы, какими бы жестокими ни казались ваши испытания, считайте, что они призваны закалить вас. Вам предстоит прекрасное состязание, устроитель которого — Бог Живой, распорядитель — Святой Дух, а призами служат вечная жизнь, ангельское обличье, небесная обитель и слава во веки веков. И вот, ваш наставник Иисус Христос, который умастил вас Святым Духом и вывел на эту борцовскую площадку, пожелал, чтобы вы накануне состязания подвергли себя определенным ограничениям для укрепления сил. Ведь и борцы для укрепления тела соблюдают строгий режим: воздерживаются от роскоши, от тонких лакомств и изысканных вин. Чем больше они потрутся в воздержании, тем больше уверены в предстоящей победе. Но *они*, по словам апостола, *ищут тленных венков, а мы стремимся стяжать нетленный* [1 Кор. 9, 25]. Так будем же тюрьму считать площадкой для тренировок, откуда нас выведут подготовленными на старт: ведь мужество в испытаниях крепнет, тогда как роскошь его расслабляет.

Господь учит нас, что *плоть слаба, но дух вынослив* [Мф. 26, 41]. И не будем обольщаться тем, что *плоть* Он признал *слабой*. Сначала Он сказал, что *дух вынослив*, и этим показал нам, что *плоть* должна подчиняться *духу*, то есть слабое — сильному, чтобы почерпнуть от него стойкости. Пусть дух беседует с плотью об их общем спасении, не думая о тяготах тюрьмы, но готовясь к предстоящей борьбе. Плоть, может, и испугается тяжести меча, высоты креста, ярости зверей, казни на костре и палача, искусного в пытках. Но дух должен напомнить себе и плоти, что, хотя это и жестокое испытание, многие со славой выдержали его — не только мужчины, но даже и женщины...

Тертуллиан. Избранные сочинения. М.: Прогресс, Культура, 1994. С. 273-276.

Священномученик Мефодий Патарский

О ДЕВСТВЕ

Девство есть нечто чрезвычайно великое, дивное и славное и, если можно сказать откровенно, следуя священным Писаниям, оно - питомник нетления, цвет и начаток его. Оно только одно есть превосходнейший и прекраснейший подвиг. Посему и Господь обещает вход в царство небесное тем, которые сами себя сделали девственниками, когда в Евангелии говорит о различии скопчества [Мф. 19, 12]; потому что очень редко и трудно для людей девство; и чем оно выше и величественнее, тем большим подвергается опасностям. Нужны крепкие и мужественные природные силы, которые стремительно воспарив над потоком сладострастия, направляют колесницу души в высоту и не уклоняются от этой цели до тех пор, пока легко перенесшись чрез мир быстрейшим полетом мысли и ставши поистине у небесного свода, не узрят прямо самого нетления, исходящего из чистых недр Вседержителя. Земля не в состоянии производить этот нектар; одно небо может источать его. Ибо девство, хотя ходит по земле, но, нужно думать, касается небес. Некоторые, стремившиеся к нему и взиравшие только на конец его, приступив с неомытыми ногами и несовершенными в трудах, возвратились с половины пути, не получив надлежащего направления мыслей от этого подвига; потому что не только нужно сохранять тела чистыми, подобно как храмам не следует оказываться лучше святынь их; но нужно, чтобы

души, - эти святыни тел, были соблюдаемы, украшаясь правдою. А соблюдаются и очищаются они более тогда, когда, неленостно соревнуя слушать божественные изречения, не престают дотоле, пока не достигнут того, что есть «истинное», приходя к дверям мудрых [Сир. 6, 36]. Как солью истребляется гной и гнилость и все вредное в мясе, так и в деве все неразумные плотские пожелания обуздываются учением. Душа не орошаемая, как бы солью, глаголами Христовыми, по необходимости, портится и производит червей, подобно как царь Давид, раскаинаясь со слезами, взывал в горах: *смердят и гноятся раны мои* [Пс. 37, 6]; потому что он не обуздал самого себя, как бы солью, целомудрием, но по нерадению увлекся похотью и засмердел прелюбодеянием. Посему в книге Левит [Лев. 2, 13] запрещается приносить в жертву Господу Богу всякий дар, если он не осолится солью. А для нас едкою солью, очищающею на пользу, служит всякое духовное упражнение в Писаниях, без которого душа не может разумно принести себя в жертву Вседержителю; *ибо вы соль земли* [Мф. 5, 13], сказал Господь Апостолам. Итак, деве всегда нужно стремиться к доброму и отличаться между первенствующими в мудрости и не иметь никакого нерадения и легкомыслия, но подвизаться и помышлять о приличном девству, постоянно очищая разумом гной сладострастия, чтобы какая-нибудь малая скрывшаяся гнилость не произвела червя невоздержания. *Ибо незамужняя заботится о Господнем, как угодить Господу, чтоб быть святою и телом и духом* [1 Кор. 7, 34], говорит блаженный Павел. Между тем многие, считая слушание (Св. Писания) делом маловажным, думают, что они оказывают большую заслугу, если на короткое время обращают к нему слух свой, который нужно было бы заградить; потому что душе легкомысленной, низкой и воображающей себя мудрою, не следует сообщать божественного учения. И не смешными ли можно назвать тех, которые в вещах маловажных употребляют все усилия, чтобы наилучшим образом достигнуть желаемого; а к предметам необходимым, чрез которые у них особенно усиливается любовь к целомудрию, не прилагают величайшего усердия?..

Что же Господь, истина и свет, сделал пришедши (в мир)? Он, приняв плоть, сохранил ее нерастленной - в девстве. Так и мы, если хотим быть подобными Богу и Христу, должны стараться соблюдать девство. Ибо подобие Божие состоит в воздержании от растления. А что вочеловечившееся Слово стало перводевственником, и первопастырем, и

первопророком Церкви, это объяснил нам вдохновенный Христом Иоанн в книге Откровения, сказав: *и взглянул я, и вот Агнец стоит на горе Сионе, и с ним сто сорок четыре тысячи, у которых имя Его и имя Отца Его написано на челах. И слышал я голос с неба, как шума от множества вод и как звук сильного грома; и услышал голос как бы гуслистов, играющих на гуслих своих. Они поют новую песнь пред престолом и пред четырьмя животными и старцами; и никто не мог научиться сей песни, кроме сих ста сорока четырех тысяч, искупленных от земли. Это суть те, которые не осквернились с женами: ибо они девственники; это суть те, которые следуют за Агнцем, куда бы Он ни пошел* [Апок. 14, 1-4]. Притом заметь, как велико достоинство девства пред Богом: *они искуплены из людей, как первенцы Богу и Агнцу, и в устах их нет лукавства; они непорочны, и следуют за Агнцем, куда бы Он ни пошел* [Апок. 14, 4-5]...

Вот, что говорит Апостол: *относительно девства я не имею повеления Господня, а даю совет, как получивший от Господа милость быть Ему верным. По настоящей нужде за лучшее признаю, что хорошо человеку оставаться так. Соединен ли ты с женою? не ищи развода. Остался ли без жены? не ищи жены. Впрочем если и женишься, не согрешишь; и если девица выйдет замуж, не согрешит. Но таковые будут иметь скорби по плоти; а мне вас жаль* [1 Кор. 7, 5-28]. Весьма осторожно начав речь о девстве и намереваясь предложить совет, кому угодно отдавать дочь свою замуж, чтобы в делах святости ничто не было по необходимости и принуждению, но по свободному произволению души, (потому что это угодно Богу), - он хочет говорить об этом, т.е. относительно замужества девицы, не в виде повеления и воли Господней. Именно, сказав: *если девица и выйдет замуж, не согрешит*, он опять предусмотрительно ограничивает это снисхождение, объявляя, что дает такой совет, как человеческое позволение, а не божественное. Далее после слов: *если девица выйдет замуж не согрешит*, он тотчас прибавил: *но таковые будут иметь скорби по плоти; а мне вас жаль* [1 Кор. 7, 28], т.е. я, щадя вас, други, дал такое позволение, если уже вы предпочитаете так рассуждать, - чтобы не показалось, будто я влеку вас силою к этому и принуждаю кого-нибудь. Впрочем, если вы, будучи не в состоянии переносить девства, более склоняетесь к этому позволению, то и при этом, я думаю, для вас полезнее умерять плотские раздражения, не давая своим членам, под предлогом позволения вступать в брак, нечистого

употребления. Поэтому он прибавляет: *я вам сказываю, братия: время уже коротко; так что имеющие жен должны быть, как не имеющие* [1 Кор. 7, 29]. Потом опять настойчиво убеждая к тому же, он так ведет речь, чтобы еще сильнее утвердить расположение к девству. В дополнение к вышесказанному, он буквально говорит следующее: *я хочу, чтобы вы были без забот. Неженатый заботится о Господнем; а женатый заботится о мирском, как угодить жене. Есть разность между замужнею и девицею: незамужняя заботится о Господнем, чтоб быть святою и телом и духом; а замужняя заботится о мирском, как угодить мужу* [1 Кор. 7, 32-34]. Без сомнения ясно для всех, что заботиться о Господнем и угождать Богу гораздо лучше, нежели заботиться о мирском и угождать жене. Кто же так глуп и слеп, чтобы не понять отсюда, что увещание Павла клонится больше к девству? *Говорю это*, продолжает он, *для вашей же пользы, не с тем, чтобы наложить на вас узы, но чтобы вы благочинно* (служили Господу) [1 Кор. 7, 35]...

Итак, шествуйте, юные дщери новых веков! Шествуйте, наполняйте ваши сосуды правдою! Ибо уже время встать и идти навстречу Жениху. Шествуйте, смело проходя мимо забав и прелестей житейских, смущающих и очаровывающих душу; ибо вы получите обещанное.

Св. Мефодий Патарский. Пир десяти дев или о девстве.//Св. Григорий Чудотворец и св. Мефодий Патарский. Творения. М.: Паломник, 1996. С. 161-170.

Святитель Василий Великий

О БЛАГОДАРЕНИИ

Всегда радуйтесь, говорит апостол, непрестанно молитесь. О всем благодарите [1 Фес. 5, 16-18]. Что значит радоваться? Какая от того польза? Как возможно исправлять непрестанную молитву и воздавать за все благодарение Богу?

Апостол приглашает всегда радоваться не всякого, но того, кто подобен ему самому, не живет уже во плоти, но имеет живущего в себе Христа... Поэтому непонимающие апостольской мысли и не разумеющие, что он призывает нас к жизни евангельской, дерзают обвинять Павла, будто предписывает нам невозможное.

Но пусть узнают, сколько Божией великодаровитостию дано нам поводов разумно радоваться. Мы из небытия приведены в бытие, сотворены по образу Создавшего, имеем и разум, и слово, которые составляют совершенство нашей природы, и которыми познали мы Бога. Тщательно же изучая красоты творения, по оным, как по некоторым письменам, уразумеваем великий Божий о всем Промысл и Божию премудрость. Мы имеем способность различать доброе и худое; самую природою научены избирать полезное и отвращаться вредного. Будучи отчуждены от Бога грехом, снова воззваны мы к общению с Ним, освобожденные кровию Единородного от бесчестного рабства. А надежда воскресения, а наслаждения ангельскими благами, Царство на небесах, обетованные блага, превосходящие силу разумения и слова!

Как же всего этого не признавать достаточною причиною к непрекращающейся радости и к непрестанному веселию, а напротив того, думать, что тот, кто пресыщает чрево, забавляется звуками свирели, возлежит на мягком ложе, тот один проводит жизнь, достойную радости? А я бы сказал, что имеющим ум, прилично - о нем плакать, ублажать же должно тех, которые настоящую жизнь проводят в надежде будущего века и настоящее обменивают на вечное. Соединившиеся с Богом, хотя пребывают в пламени, как три отрока в Вавилоне, хотя заключены вместе со львами, хотя поглощены китом, должны и нами быть ублажаемы, и сами проводить жизнь в радости, не скорбя о настоящем, но увеселяясь надеждою на уготованное нам впоследствии. Ибо думаю, что добрый подвижник, однажды вступив на поприще благочестия, мужественно должен переносить удары противников, в надежде славы - быть увенчанным. И в телесных подвигах, привыкшие к трудам ратоборства не теряют духа от боли удара, но продолжают борьбу с противником, по причине желания, чтобы их провозгласили победителями, презирая настоящие труды. Так и у ревнителя добродетели, хотя встретится что-либо трудное, не омрачит сие радости; потому что скорбь терпение соделовает, терпение же искусство, искусство же упование, упование же не посрамит [Рим. 5, 3-5]. Посему тот же Апостол и в другом месте повелевает нам в скорби быть терпеливыми и радоваться упованием [Рим. 12, 12]. Итак, надежда делает, что радость обитает в душе добродетельного...

Если когда случится с тобою что-либо неприятное, прежде всего,

упорядочив свои мысли, не подвергайся смущению, а потом упованием на будущее облегчай для себя настоящее. Как больные глазами, отвращая взоры от предметов слишком блестящих, успокаивают их, останавливая на цветах и зелени; так и душе надобно не смотреть непрерывно на скорбное и не заниматься настоящими горестями, но возводить взор свой к созерцанию истинных благ. Так в состоянии будешь всегда радоваться, если жизнь твоя всегда обращена будет к Богу, и надежда на воздаяние будет облегчать житейские скорби. Обесчещен ты? Но взирай на славу, какая уготована за терпение на небесах. Нанесен тебе убыток? Но простирай взор к небесному богатству и сокровищу, которое собираешь себе добрыми делами. Изгнан ты из отечества? Но имеешь отечеством Небесный Иерусалим. Лишился ты чад? Но имеешь Ангелов, с которыми будешь ликовать пред престолом Божиим и веселиться вечным веселием. Так настоящим горестям противопоставляя ожидаемые блага, соблюдеши душу свою беспечальною и невозмущенною, к чему и призывает нас закон апостольский. И счастливое течение дел человеческих да не производит в душе твоей неумеренной радости, и скорби да не унижают ее бодрости и возвышенности унынием и стеснением. Ибо кто не приобучен предварительно смотреть так на дела житейские, тот никогда не будет жить без тревожений и смущений. Но в сем легко успеешь, ежели будешь иметь при себе заповедь, которая советует тебе всегда радоваться, станешь устранять от себя беспокойства плоти, собирать же душевные веселия, восходить выше ощущения настоящего, устремлять мысль к упованию вечных благ, о которых и одного представления достаточно, чтобы наполнить душу веселием и вселить в сердца наши ангельское радование о Христе Иисусе, Господе нашем, Которому слава и держава во веки. Аминь.

Святитель Василий Великий. Беседы. М.: Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2001.

<http://pagez.ru/ltn/0212.php>

Святитель Василий Великий

О ТОМ, ЧТО МОЛИТВУ ДОЛЖНО ПРЕДПОЧИТАТЬ ВСЕМУ

Молясь, смотри не попроси одного вместо другого и не прогневай Господа. Не проси ни имения, ни славы человеческой, ни власти, ни

другого чего преходящего, но проси Царствия Божия, и все служащее на потребу тела Он подаст тебе, как говорит Сам Господь: Ищите Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам [Мф. 6, 33].

Молитва же, возлюбленный, имеет два вида: первый - славословие со смиренномудрием, а второй, низший, - прошение. Посему, молясь, не вдруг приступай к прошению; в противном случае сам обнаруживаешь свое произволение, что молишься Богу вынужденный потребностью.

Поэтому, начиная молитву, оставь себя самого, жену, детей, расстанься с землею, минуй небо, оставь всякую тварь, видимую и невидимую, и начни славословием все Сотворившего. И когда будешь славословить Его, не блуждай умом туда и сюда, не баснословь язычески, но выбирай слова из Святых Писаний и говори: «Благословляю Тебя, Господи, долготерпеливого и незлобивого, ежедневно являющего Свое долготерпение мне, грешнику, и всем нам дающего свободу покаяться. Ибо для того, Господи, молчишь и терпишь нас, чтобы мы славословили Тебя, домостроительствующего спасение рода нашего, посещавшего нас то страхом, то увещаниями, то чрез Пророков, а напоследок пришествием Христа. Ибо Ты сотворил нас, а не мы. Ты Бог наш» [Пс. 99, 3].

Когда же кончишь славословие, по мере сил твоих заимствованное из Писаний, и восшлешь хвалу Богу, тогда начни со смиренномудрием и говори: «Я недостоин, Господи, говорить пред Тобою, потому что весьма грешен». Так надобно говорить тебе, хотя бы ты и не сознавал за собою ничего худого. Ибо никто не безгрешен, кроме единого Бога. А мы, согрешая во многом, большей части грехов за собою не замечаем...

Когда же прострешь слово смиренномудрия и скажешь: «Благодарю Тебя, Господи, что долготерпел Ты моим грехопадениям и доньше оставлял меня ненаказанным, ибо давно достоин я был претерпеть тысячи бедствий и быть отринутым от лица Твоего, но незлобное Твое человеколюбие было ко мне долготерпеливо; благодарю Тебя, хотя и нет у меня достаточных сил к благодарению за незлобие Твое» и когда совершишь обе части - славословия и смиренномудрия, - тогда уже проси, чего должен ты просить, то есть, как выше сказал я, не богатства, не славы земной, не здравия телесного, потому что Сам Он создал тебя и печется о твоём спасении и знает, что полезно каждому, здоровым ли быть или больным, - но, как повелено тебе, проси только Царствия Божия, ибо о

потребностях тела твоего, как я сказал выше, Он заботится Сам. Царь наш преславлен и негодует, если кто попросит у Него какой малости, если кто из нас просит у Него недостойного. Поэтому молитвою своею не наведи на себя негодования, но проси себе того, что достойно Царя Бога.

А прося того, что достойно Бога, не отступай, пока не получишь. Ибо, на сие наводя мысль, Господь говорит в Евангелии: кто от вас имеет друга, и идет к нему в полунощи, и речет ему: друже, даждь ми взаим три хлебы, понеже друг прииде с пути ко мне, и не имам чесо предложить ему. И той извнутри ответит: Не твори ми труды, уже двери затворены суть, и дети моя со мною на ложи суть; не могу встав дати тебе. Глаголю же вам, аще и не даст ему встав, зане друг ему есть, но за безочьство его, встав даст ему, елика требует [Лк. 11, 5-8]. Господь представляет нам пример, чтобы научить нас быть неослабными и ревностными в вере. Он берет пример с человека и для человека же, чтобы научился ты никогда не терять надежды, чтобы, когда будешь просить и не получишь, не отставал, пока не получишь, если только, как я сказал прежде, просишь того, что Богу угодно, и чтобы не говорил: «Я грешник, и потому не услышан». А чтобы не отчаялся ты, для сего говорит Он: аще и не даст ему, зане друг ему есть, но за безочьство его даст ему, елика требует. Наконец, хотя пройдет месяц, хотя год, три года и большее число лет, пока не получишь, не отступай, но проси с верою, непрестанно делая добро...

Если кто по непостоянству предается пожеланиям и сам себя выдает врагам, то Бог не помогает ему и не слушает его, потому что он предварительно сделал себя чуждым Богу чрез грех. Кто хочет иметь помощь от Бога, тот не изменяет долгу, а кто не изменяет долгу, тому никогда не изменяет Божие содействие. Поэтому не надобно доводить себя до того, чтобы осуждала в чем-либо собственная совесть, и в таком состоянии призывать Божию помощь; призывать же ее должно не с нерадением, не скитаясь умом туда и сюда. Такой не только не получит просимого, но еще более преогорчит Владыку. Если и тот, кто стоит и ведет речь пред князем, стоит с великим страхом, не позволяя блуждать как внешнему своему оку, так и внутреннему, душевному, чтобы не подвергнуться опасности, то не тем ли паче со страхом и трепетом надобно стоять пред Богом, весь ум устремляя к Нему единому, а не к чему-либо иному? Ибо Он не только, подобно людям, видит внешнего человека, но прозирает и во внутреннего. Посему если будешь стоять пред Богом, как

надобно, и с своей стороны все сделаешь, то не переставай просить, пока не получишь просимого тобою. Если же будешь осуждаем своею совестью как презритель и если будешь стоять на молитве рассеянно, то не дерзай стоять пред Богом, чтобы молитва твоя не обратилась в грех. А если, изнемогши от греха, ты не в состоянии молиться без развлечения, то принуждай себя, сколько станет сил, и продолжай стоять пред Богом, к Нему устремляя ум и собирая его в себя самого, и Бог простит тебе, потому что не из пренебрежения, но по немощи не имел ты сил стоять пред Богом, как должно. Если так будешь себя принуждать ко всякому делу благому, не переставай просить, пока не получишь просимого тобою, но терпеливо толкай в дверь Его, прося тобою просимого. Всяк бо, сказано, просяй приемлет, и ищай обретает, и толкущему отвержется [Лк. 11, 10]. Ибо чего иного желаешь ты получить, как не единого спасения в Боге?

Хочешь ли знать, возлюбленный, как терпеливы были святые и не отчаивались? Бог призвал Авраама в юности и из земли Ассирийской переселил его в Палестину, сказав ему: тебе дам землю сию и семя твоему по тебе, и как звезды небесные, так будет семя твое, которое не исчислится [Быт. 17, 8; 15, 5]. И прошло большое число лет, омертвела в нем природа, кончина была уже при дверях, но он не сказал: «Господи, Ты всегда обещаешь мне детей и предсказываешь, что буду отцом всех народов; мертвы во мне от старости естественные движения, и у Сарры, жены моей, по старости не бывают уже женская [Быт. 18, 11], потому обетование ложно. Ибо какая остается надежда нам двоим, престарелым?» Он не сказал и не помыслил сего, но пребывал непоколебимым в вере, и хотя он был стар возрастом, но юна была надежда; тело и приходило в бессилие, и внушало отчаяние, но вера подкрепляла и душу, и тело. «Давший мне обетование,- говорит он,- есть Бог и Владыка естества; и не может быть иначе. Это Тот, Кто и невозможное делает возможным, потому что все творит и претворяет [Ам. 5, 8], как Ему угодно». Подражай и ты вере Авраамовой. Итак, когда природа изнемогла и движения омертвели, тогда ожило обетование Божие. Вот тебе примеры.

А мы помолимся год и оставим, попостимся два года и перестанем. Не будем же ослабевать, имея в виду обетование Божие. Ибо Обещавший Аврааму умножить семя его и нам обещал, что просящим даст просимое. Ибо говорит: Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз

упокою вы [Мф. 11, 28]. Когда был ты далеко от Него, умиласердившись над тобою, труждающимся и обремененным тяжкою ношею греха, призвал Он тебя, чтобы облегчить от бремени и даровать тебе напоследок покой [Мф. 11, 29]; ужели не веришь Ему? Но если бы захотели мы молчать, то изобличит нас совесть наша. Ибо не Ему не верим в том, что может упокоить нас, но отказываемся взять на себя иго Его благое и легкое [Мф. 11, 30] и узкими вратами войти в Царство Небесное; а напротив, предпочитаем носить бремя грехов, ходить широким путем страстей сластолюбия и пространными вратами войти в пагубу [Мф. 7, 13].

Но говоришь: «Много раз просил я, и не получал». Без сомнения, потому, что просил худо, или с неверием, или рассеянно, или бесполезного тебе. А если нередко и полезного просил, то не имел постоянства. Ибо написано: в терпении вашем стяжите души ваша [Лк. 21, 19] и претерпевый до конца, той спасен будет [Мф. 10, 22].

Бог знает сердце молящихся. Поэтому, говоришь, какую нужду имеет Бог в нашем прощении? Разве не знает Он, в чем имеем нужду? Посему какая нужда в прощении? Бог знает, что нам нужно, и все телесное дает нам обильно в наслаждение [1 Тим. 6, 17] и, будучи благ, дождит на праведных и неправедных, и солнце Свое сияет на злых и благих [Мф. 5, 45] еще прежде прощения нашего [Мф. 6, 8]. Но веры, заслуг добродетели, Царства Небесного, если не будешь просить с трудом и многим терпением, не получишь, потому что должно прежде пожелать, а пожелав, искать искренно в вере и терпении, употребив с своей стороны все нужное, так чтобы ни в чем не осуждала собственная совесть, будто бы просишь или нерадиво, или лениво; и тогда уже получишь, если угодно сие Богу. Ибо Он лучше тебя знает, что полезно тебе.

И может быть, Он медлит даровать просимое, умудряя тебя в усердии к Нему, и чтобы ты узнал, что такое дар Божий, и со страхом хранил данное. Ибо все, что приобретает кто-нибудь со многим трудом, старается он сохранить, чтобы, потеряв это, не потерять и многого труда своего и, отринув благодать Божию, не соделаться недостойным вечной жизни. Какую пользу принесло Соломону, что он скоро получил дар мудрости и утратил оный? Посему не малодушествуй, если не скоро получаешь просимое. Ибо если бы благий Господь видел, что ты, скоро получив дар, не утратишь его, то готов был бы даровать оный и прежде твоего прощения. А теперь из попечительности о тебе делает это. Ибо если

принявший талант и сохранивший его в целости осужден за то, что не пустил его в оборот, то не тем ли паче осужден будет утративший его?

Посему, зная это, получаем ли скорее или медленнее, пребудем благодарными Господу, потому что все, что ни делает Владыка, домостроительствует ради нашего спасения, только мы да не будем из малодушия прекращать прошения. Ибо Господь для того и сказал притчу о вдовице, которая своею неотступностью преклонила незаконного судию, чтобы и мы ради своей неотступности получали по прошениям своим. В этом выказывается и вера ваша, и любовь к Богу, когда, и не скоро получая, пребываем благодарными Ему. Будем же всегда благодарить Его, чтобы быть нам достойными сподобиться вечных благ Его.

Святитель Василий Великий. Слова подвижнические. М.: Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2001.

<http://hesychia.narod.ru/library.htm>

Святитель Василий Великий

О ПОСТЕ

Пост - дар древний, не ветшающий, не стареющийся, но непрестанно обновляемый и цветущий во всей красоте... Он современен человечеству. Пост узаконен в раю. Такую первую заповедь принял Адам: от древа, еже разумети доброе и лукавое, не снете [Быт. 2, 17]. А сие: не снете - есть узаконение поста и воздержания. Если бы постилась Ева и не вкусила с древа, то мы не имели бы теперь нужды в этом посте. Ибо не требуют здравии врача, но болящие [Мф. 9, 12]. Мы повреждены грехом - уврачуемся покаянием; а покаяние без поста не действенно. Проклята земля: терния и волчцы возрастит тебе [Быт. 3, 17-18]. Велено сокрушаться духом, а не предаваться роскоши. Постом оправдись пред Богом...

Не подражай преслушанию Евы, не принимай опять в советники змия, который предлагает снедь, поблажая плоти. Не ссылайся на недуги и немощь тела. Не мне представляешь сии предлоги, но Всеведущему. Скажи мне: поститься ты не можешь, а пресыщаться и подавлять тело бременем поедаемого можешь? И больным, сколько знаю, врачи предписывают не разнообразие снедей, но неядение и малоядение. Как же это выполнять можешь, а о том говоришь, что не можешь? Что легче для чрева: провести ли ночь после умеренного вкушения пищи или лежать

обремененному обилием яств, лучше же сказать, не лежать, а часто ворочаться, потому что яства теснят и распирают? Разве скажешь, что кормчим удобнее спасать перевозное судно, когда оно нагружено товарами, нежели когда груз его мал и легкий? Но и судно, когда нагружено много, заливают мало поднявшаяся волна. А если на нем соразмерный груз товаров, то оно удобно идет по волнам, и ничто не препятствует ему держаться над водою высоко. Подобно сему и тела человеческие, обременяемые всегдашним пресыщением, удобно поглощаются недугами; а если употребляется пища умеренная и легкая, то и ожидаемых от болезни худых последствий они избегают, как восстания бури, и начавшиеся уже припадки отражают от себя, как порыв вихря.

Пост препосылает молитву на небо, делаясь для нее как бы крыльями, при восхождении горе. Пост - приращение домов, мать здоровья, воспитатель юности, украшение старцев, добрый спутник путешественникам, надежный сожитель супругам. Муж не подозревает измены в супружеской верности, видя, что жена свыклась с постом. Жена не сдается ревностию, примечая, что муж возлюбил пост. Кто истощил дом свой во время поста? Сочти, что в нем теперь; сочти, что будет после; от поста ничто не убудет в доме...

У постящегося и цвет лица почтенный; он не переходит в бесстыдную багровость, но украшен целомудренною бледностию; взор у него кроткий, походка степенная, лицо осмысленное, не обезображиваемое неумеренным смехом; у него мерность в речи, чистота в сердце.

Приведи на память святых, бывших от начала века, ихже не бе достоин мир, иже приидоша в милотех, в козиях кожах, лишени, скорбяще, озлоблени [Евр. 11, 37-38]. Подражай их образу жизни, если домогаешься части с ними. Что упокоило Лазаря в недрах Авраамовых? Не пост ли? А жизнь Иоаннова была единый пост. У него не было ни одра, ни стола, ни возделанной земли, ни вола земледельца, ни хлеба, ни хлебника, ни иного чего нужного для жизни. Потому не воста в рожденных женами болий Иоанна Крестителя [Мф. 11, 11]. А Павла между прочим и пост, о котором он также упоминает, хвалясь своими скорбями, возвел на третье небо [2 Кор. 12, 1-5]...

Пост есть оружие для ополчения против демонов, потому что род сей не исходит, токмо молитвою и постом [Мф. 17, 21]. И столько благ от поста! А пресыщение - начало всякого вреда. Ибо вместе с роскошью,

пьянством и всякого рода лакомствами, тотчас возникают все виды скотской невоздержности... Впрочем, пользу поста не ограничивай одним воздержанием от снелей, потому что истинный пост есть устранение от злых дел. Разрешай всяк союз неправды [Ис. 58, 4]. Прости ближнему оскорбление; прости ему долги... Господь же, приведший нас в сей круг времени, да поможет нам, как борцам, в сих предварительных подвигах, показав твердость и силу терпения, достигнуть и дня, готовящего венцы: ныне (дня) воспоминания спасительного страдания, а в будущем веке (дня) мздовоздаяния за совершенное нами на праведном суде Самого Христа.

Святитель Василий Великий. Беседы. М.: Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2001.

<http://pagez.ru/lsn/0177.php>

Святитель Василий Великий

О ЗАВИСТИ

Другой страсти, более пагубной, чем зависть, и не зарождается в душах человеческих. Она менее вредит посторонним, но первое и ближайшее зло для того, кто имеет ее. Как ржавчина изъедает железо, так зависть - душу, в которой живет она. Лучше же сказать, как об ехиднах говорят, что они рождаются, прогрызая носившую их утробу, так и зависть обыкновенно пожирает душу, в которой зарождается.

Зависть есть скорбь о благополучии ближнего. Поэтому у завистливого никогда нет недостатка в печалях и огорчениях. Урожай ли на поле у ближнего? дом ли изобилует всеми житейскими потребностями? или нет у него недостатка в радостях? - все это - пища болезни и приращение скорби для завистливого. Поэтому нимало не разнится он с человеком, который ничем не покрыт, и в которого все мечут стрелы. Крепок ли кто или здоров? - это поражает завистливого. Красив ли другой лицом это - новый удар завистнику. Такой-то превосходит многих душевными преимуществами, обращает на себя взоры и возбуждает соревнование своим благоразумием и силою слова; другой богат, славится щедростию подаваний и общительностию с нуждающимися и получает много похвал от облагодетельствованных. Все это - удары и раны, наносимые в самое сердце завистника.

И тяжело в этой болезни то, что завистливый не может сказать об ней. Хотя потупляет он глаза, ходит унылый, смущенный, печальный и погибает от недуга; однако же, когда спросят о страдании, стыдится сделать гласным свое несчастье и сказать: «Я человек завистливый и злой; меня сокрушают совершенства друга; сетую о благодущии брата; не могу видеть чужих совершенств; напротив того, благоденствие ближнего считаю для себя несчастьем». Так надлежало бы сказать ему, если бы захотел говорить правду. Но поелику не решается высказать сего, то в глубине удерживает болезнь, которая гложет и снедает его внутренности.

Поэтому не принимает он врачующего болезнь, не может найти никакого врачевства, избавляющего от страданий, хотя Писания полны таких целительных средств. Напротив, он ждет одного утешения в бедствии - видеть падение кого-либо из возбуждающих его зависть. Один предел ненависти - увидеть, что внушавший зависть из счастливого стал несчастным, и возбуждавший соревнование сделался жалким. Тогда примиряется и делается другом, когда видит плачущим, встречает печальным. С веселящимся не веселится вместе, но с сетующим проливает слезы. И если оплакивает переворот жизни, по которому человек из такого счастья впал в такое несчастье, то не из человеколюбия, не из сострадательности хвалит прежнее его состояние, но чтобы более тягостным сделать для него бедствие. По смерти сына, хвалит его, превозносит тысячами похвал, что он был и прекрасен, и понятен к учению, и способен ко всему; а если бы младенец был жив, язык не вымолвил бы доброго о нем слова. Как скоро видит, что многие с ним вместе начинают хвалить, опять переменяется, опять начинает завидовать умершему. Дивится богатству по разорении. Телесную красоту или силу и здоровье хвалит и превозносит уже по наступлении болезней. И вообще, он враг того, что есть, и друг того, что погибло. Что же может быть пагубнее этой болезни? Это - порча жизни, поругание природы, вражда против того, что дано нам от Бога, противление Богу...

Зависть есть самый непреодолимый род вражды. Других недоброжелателей делают более кроткими благотворения. Завистливого же и злонравного еще более раздражает сделанное ему добро. Чем больше видит он себе благодетелей, тем сильнее негодует, печалится и огорчается. Он более оскорбляется силою благодетеля, нежели чувствует благодарность за соделанное для него. Какого зверя не превосходят и

завистливые с жестокостью своих нравов? Не превышают ли свирепостию самого неукротимого из них? Псы, если их кормят, делаются кроткими; львы, когда за ними ходят, становятся ручными. Но завистливые еще более свирепеют, когда оказывают им услуги.

Завистливых можно узнать несколько и по самому лицу. Глаза у них сухи и тусклы, щеки впалы, брови навислы, душа возмущена страстию, не имеет верного суждения о предметах. У них не похвальны ни добродетельный поступок, ни сила слова, украшенная важностию и приятностию, ни все прочее, достойное соревнования и внимания. Как коршуны, пролетая мимо многих лугов, многих мест приятных и благоухающих, стремятся к чему-либо зловонному, и как мухи, минуя здоровое, поспевают на гной, так завистливые не смотрят на светлость жизни, на величие заслуг, нападают же на одно гнилое. И если случится в чем проступиться (как часто бывает с людьми), они разглашают это, хотя, чтобы по одному этому узнавали человека, как и недобрые живописцы лицо изображаемого ими на картине отличают искривленным носом, или каким-нибудь рубцом, или другим недостатком природным либо происшедшим вследствие болезни. Они искусны сделать презренным и похвальное, перетолковав в худую сторону, и оклеветать добродетель, представив ее в виде порока с ней смежного: мужественного называют дерзким, целомудренного - нечувствительным, справедливого - жестоким, благоразумного - коварным. Кто любит великолепие, на того клеветают, что у него грубый вкус; о щедром говорят, что расточителен, и о бережливом опять, что он скуп. И вообще всякий вид добродетели не остается у них без такого имени, которое заимствовано от противоположного порока...

Поэтому если из зависти, как из источника, истекают для нас смерть, лишение благ, отчуждение от Бога, смешение уставов, низвращение всех в совокупности житейских благ, то послушаемся Апостола, и не бываем тщеславны, друг друга раздражающе, друг другу завидяще [Гал. 5, 26]; но будем паче блази, милосерди, прощающе друг другу, якоже и Бог простил есть нам во Христе Иисусе, Господе нашем [Еф. 4, 32].

Святитель Василий Великий. Беседы. М.: Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2001.

<http://pagez.ru/lsn/0258.php>

**О ТОМ, ЧТО ПОДВИЖНИКУ НЕ ДОЛЖНО
ДОМОГАТЬСЯ ПОЧЕСТЕЙ И ОТЛИЧИЙ**

Почестей нисколько не должно домогаться подвижнику. Ибо если за труды и заслуги ищет он воздаяний здесь, то жалок тем, что чрез временное вознаграждение теряет вечное. Если же вознамерился он подвизаться здесь, а венцы получить на небе, то должен не только сам не домогаться почестей, но бегать и отказываться от тех, какие ему воздают, чтобы здешняя почесть не послужила к умалению тамошней славы. Ибо настоящая жизнь вся предоставлена трудам и подвигам, а будущая - венцам и наградам, как и великий Павел, приближаясь к скончанию в здешней жизни и к переселению в жизнь тамошнюю, говорит: подвигом добрым подвизався, течение скончах, веру соблюдох; прочее соблюдается мне венец правды, егоже воздаст ми Господь не здесь, но в день он, праведный Судия [2 Тим. 4, 7-8]. И еще Спаситель говорит: в мире сем скорбни будете [Ин. 16, 33]; и опять тот же Апостол говорит: многими скорбьми подобает нам внити в Царствие Небесное [Деян. 14, 22]. Поэтому если хочешь царствовать в будущем веке, то ищи здесь не упокоения, не почести, а напротив того, если в настоящее время и скорби потерпишь за слово, то есть за истину, знай, что впоследствии будешь царствовать. Ибо сия награда определена за здешнюю скорбь, подъятую ради доброго. Если же не терпишь скорбей, то не ожидай и тамошних венцов, как не выходящий здесь на подвиги и труды, какие назначены для получения венцов.

Посему подвижник нимало да не домогается почестей и предпочтения другим. Ибо всяк возносяйся смирится, и смиряяйся вознесется [Лк. 14, 11]. Если подвижник будет возноситься, то есть у него тяжкий и сильный смиритель, который может низвести до ада. Если же будет смиряться, то блистательно и величественно будет вознесен, потому что Бог собственною силою возвышает смиренного. Итак, подвижник, жди Того, Кто прекрасно возвышает, и никак не малодушествуй ради настоящего. Ибо ты борец и делатель Христов, условившийся целый день провести в борьбе и претерпеть зной целого дня [Мф. 20]. Почему же, не исполнив еще меры дня, домогаешься упокоения? Дождись вечера, предела здешней жизни, и тогда Домовладыка придет и отсчитает тебе плату. Ибо вечеру

бывшу, сказал господин винограда к приставнику своему: призови делатели и даждь им мзду [Мф. 20, 8], а не в полдень, не при начале найма. Посему жди предела жизни и тогда достойно примешь награду; теперь же люби последнее место, чтобы тогда получить первое.

Святитель Василий Великий. Слова подвижнические. М.: Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2001.

<http://hesychia.narod.ru/library.htm>

Святитель Григорий Нисский

О МОЛИТВЕ

Священное и божественное сие дело – молитва – многими во время жизни оставляется в нерадении и небрежении... Вижу, что в настоящей жизни о всем другом прилагается больше тщания, – один к одному, другой к другому устремлен душой, но благо молитвы не с усердием взыскуется людьми. Мелочный торгаш с раннего утра сидит с товарами, стараясь прежде промышляющих тем же показать покупателям свое, чтобы, предварив других, удовлетворить потребности нуждающегося и продать свое. А также и покупатель, имея в виду не остаться без потребного ему, если прежде захватит другой, спешит не в дом молитвы, а на рынок. И у всякого, кто имеет равное пожелание получить выгоду и старается предупредить ближнего тем, о чем он заботится, похищается час молитвы, будучи перенесен на торжище. Так занимающийся рукоделием, так и упражняющийся в науках, так подсудимый, так получивший право судить – каждый, всецело увлекаясь заботливостью о том, что у него под руками, предает забвению упражнение в молитве, признавая богомыслие утратой для предлагаемого ему дела; потому что кто занимается искусством, тот Божие в предлагаемом ему деле содействие почитает чем-то бесполезным и ни к чему не служащим: почему, оставив молитву, возлагает надежду на свои руки, не памятуя о Том, Кто дал ему эти руки. А также, кто прилагает попечение об образовании в себе дара слова, тот не помышляет о Том, от Кого имеет сей дар, но как будто сам себя возвел в естество, обращает внимание только на себя и предается изучению уроков, в той мысли, что от Божия содействия не будет для него ничего доброго, своей тщательности отдает предпочтение пред молитвой. Подобно сему и прочие занятия

заботливостью о телесном и земном не дают душе досуга на попечение о важнейшем и небесном.

Посему-то великий это в жизни грех, непрестанно от разных приращений более и более увеличивающийся, соединенный со всеми человеческими заботами, отчего и забвение о Боге преобладает всеми, и благо молитвы не включается людьми в число заслуживающего их заботливость. С торговлей привходит любостязательность, а любостязательность есть идолослужение. Так, земледелец не с необходимыми потребностями соразмеряет труды земледелия, но, простирая всегда тщательность до большей меры, доставляет греху свободный вход в занятие тем, что вносит оное в чуждые пределы. Отсюда происходят нескончаемые споры, когда одержимые подобным недугом любостязательности входят между собой в состязания о границах земли. От сего раздражения, побуждения к злым делам, и взаимные нападения друг на друга часто оканчиваются кровопролитием и убийством. А также усиленные хождения по судам, изобретая тысячи извинений неправде, служат множеству разных грехов. Судья, или произвольно за взятку кривит весами правосудия, или против воли введенный в обман старающимися затемнить истину, подтверждает неправду. И что если пересказать подробно это множество видов и способов, какими грех примешивается к человеческой жизни?

Причиной же греха не иное что, а единственно то, что люди к тем средствам достигнуть желаемого, какие у них под руками, не хотят присовокупить и Божию помощь. Если усильному старанию предшествовать будет молитва, то грех не найдет доступа к душе. Пока в сердце твердо памятование о Боге, недействительными остаются примышления сопротивника; потому что в делах сомнительных везде за нас ходатайствует правда. Молитва и земледельца удерживает от греха, на малом пространстве земли умножая плоды, так что грех не входит уже с пожеланием большего. Так путешественник, так вступающий в воинские ряды или в супружество, так всякий, к чему бы ни было направлено его стремление, если каждое дело будет делать с молитвой, благоуспешностью в том, чем он занят, будет отвращен от греха, так как ничто противное не увлечет души его в страсть. Если же кто отступит от Бога, по всей необходимости непременно перейдет он во власть противника. Отлучается же от Бога, кто не в единении с Богом посредством молитвы.

Посему надлежит нам тому сперва научиться в этом слове, что *должно всегда молиться и не унывать* [Лк. 18, 1]. Ибо следствие молитвы то, что бываем мы с Богом: а кто с Богом, тот далек от противника. Молитва есть охранная стража целомудрия, доброе направление раздражительности, обуздание кичливости, очистительное средство от памятозлобия, истребление зависти, уничтожение неправды, исправление нечестия. Молитва есть крепость телу, обилие в доме, благоустройство в городе, могущество царства, победный памятник на брани, безопасность во время мира, собрание разьединенных, постоянная совокупность соединившихся. Молитва есть печать девства, верность супружества, оружие путешественникам, страж спящим, смелость бодрствующим, плодоноsie земледельцам, спасение плавающим. Молитва – защитник подсудимых, освобождение узников, успокоение утружденных, ободрение скорбящих, удовлетворение радующихся, утешение плачущих, венец вступающих в супружество, торжество в день рождения, погребальная пелена умирающим. Молитва – собеседование с Богом, созерцание невидимого, несомненная уверенность в вожделеваемом, равночестие с Ангелами, преспеяние в добре, низложение зла, исправление согрешающих, наслаждение настоящим, осуществление будущего....

Присовокупим еще нечто к слову, потому что, по Божией благодати, благ всякого рода у нас много, для воздаяния же за полученное имеем у себя это одно – возможность платить долг Благодетелю молитвой и благодарением. Посему рассуждаю, что если и целую жизнь продолжим свое собеседование с Богом, пребывая в благодарении и молитве, то воздаяние наше будет так же малоценно, как если бы мы не позаботились еще положить и начала исполнению этой обязанности – чем-либо воздать Благодетелю.

Святитель Григорий Нисский. О молитве. М.: Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2001. С. 3-10.

Святитель Иоанн Златоуст

УВЕЩАНИЕ ПРИХОДИТЬ В ЦЕРКОВЬ

Когда посмотрю на вашу малочисленность и вижу, что наше стадо уменьшается в каждое собрание, то и скорблю, и радуюсь: радуюсь из-за вас, которые здесь теперь; скорблю из-за тех, которых здесь нет. Вы

достойны похвал за то, что не стали беспечнее и от малочисленности; они заслуживают порицания за то, что не возбуждаются к усердию и вашей ревностью. Поэтому и называю вас счастливыми и блаженными за то, что вам нисколько не повредила беспечность тех; а тех почитаю жалкими и оплакиваю за то, что им не принесла никакой пользы ваша ревность. Не слышали они, что говорит пророк: «желаю лучше быть у порога в доме Божиим, нежели жить в шатрах нечестия» [Пс. 83, 11]. Не сказал: желаю жить в дому Бога моего, ни: обитать, ни: войти, но: «быть у порога». Я рад, говорит, быть и в числе последних; доволен буду и тем, если удостоюсь войти в преддверие; почту за величайший дар, если меня поставят между последними в доме Бога моего. Любовь усваивает себе общего всех Господа: такова уже любовь. «В доме Божиим».

Любящий желает видеть не только самого любимого, и не только дом его, но и преддверие; и не только преддверие дома, но и самую улицу и переулок (т.е. дом любимого человека); и если увидит хоть одежду или обувь друга, думает, что пред ним сам друг его. Таковы были пророки: так как они не видели бестелесного Бога, то взирали на храм, и в нем представляли себе присущим самого Бога. «Желаю лучше быть у порога в доме Божиим, нежели жить в шатрах нечестия». Всякое место, всякий дом, – будет ли то судилище, или сенат, или частный дом, – в сравнении с домом Божиим, есть селение грешников, потому что хоть и там бывают молитвы и моления, но неизбежно бывают также раздоры, и ссоры, и брани, и совещания о житейских делах: а этот дом Божий чист от всего этого. Вот почему те места – селения грешников, а это – дом Божий. И как пристань, защищенная от ветров и волн, дает полную безопасность входящим в нее судам, так и дом Божий, как бы исторгая входящих в него из бури мирских дел, дает им стоять спокойно и безопасно, и слушать слово Божие. Это место есть школа добродетели, училищелюбомудрия. Приди, не только во время собрания, когда бывает чтение Писания, духовное поучение, и собор честных отцов; нет, и во всякое другое время приди только в преддверие – и тотчас отложишь житейские заботы. Войди в преддверие – и как бы ветерок какой духовный повеет на твою душу. Эта тишина внушает страх и учит любомудрию, возбуждает ум и не дает помнить о настоящем, переносит тебя с земли на небо. Если же так полезно быть здесь и без собрания, то какую пользу получают здесь присутствующие, и какую потерю несут отсутствующие тогда, когда

пророки вопиют со всех сторон, когда апостолы благовествуют, когда Христос стоит посреди, когда Отец одобряет происходящее здесь, когда Дух Святой сообщает свою радость?

Хотел бы я знать, где теперь уклонившиеся от собрания, что удержало их и отвлекло от этой священной трапезы, – о чем у них разговор? Впрочем, я хорошо знаю это: они или разговаривают о вещах непристойных и смешных, или предались житейским заботам, а занятие тем и другим непростительно и заслуживает самого строгого наказания. О первых не нужно и говорить и доказывать: но что и те, которые ссылаются пред нами на домашние дела и говорят, будто неизбежная надобность по этим делам удерживает их от присутствия в церкви, – что и эти люди не могут получить прощения, так как призываются сюда только однажды в неделю, между тем и в это время не хотят предпочесть духовное земному – это ясно из Евангелия. Званные на духовное брачное пиршество извинялись вот как: один купил рабочих волов, другой купил землю, третий женился; однако они наказаны [Лк. 14, 18-24]. Дела необходимые, но и они не извинительны, когда призывает Бог, потому что все, необходимое для нас, ниже Бога. Сперва честь Богу, а потом уже забота о прочем. Какой слуга, скажи мне, станет заботиться о своем доме прежде, чем исполнит господскую службу? Так не странно ли – по отношению к людям, где господство – голое имя, оказывать господам такое почтение и повиновение, а к истинному Владыке, не только нашему, но и горних сил, не иметь и такого уважения, какое оказываем подобным нам рабам?

О, если бы вы могли войти в совесть не пришедших в церковь, тогда ясно увидели бы, сколько у них ран, сколько терний! Как земля, не обрабатываемая руками земледельца, глохнет и зарастает кустарником, так и душа, не пользующаяся духовным наставлением, произращает терния и волчцы. Если и мы, каждодневно слушающие пророков и апостолов, едва удерживаем свой гнев, едва обуздываем ярость, едва укрощаем похоть, едва извергаем из себя гной зависти, и постоянно напевая своим страстям стихи из божественного Писания, едва усмиряем этих наглых зверей, то они, никогда не пользующиеся этим врачевством и не слушающие божественноголюбомудрия, – они какую, скажи мне, могут иметь надежду на спасение? Хотелось бы мне быть в состоянии показать вашим глазам душу их: вы увидели бы, как она нечиста, осквернена, расстроена, унижена и безнадежна! Как тела не пользующихся банею покрываются множеством

пыли и грязи, так и душа, не пользующаяся духовным учением, покрывается великою нечистотою грехов. Церковь есть духовная баня, теплотою Духа очищающая всякую нечистоту; еще более, огонь Духа очищает не только нечистоту, но и самый цвет. «Если, - говорит Бог, - будут грехи ваши, как багряное, - как снег убелю» [Ис. 1, 18]; пусть греховная скверна так крепко вопьется в существо души, что получит уже неизменный цвет краски, и тогда Я могу привести ее в противоположное состояние, потому что довольно одного Моего мановения - и все грехи истребятся.

Святитель Иоанн Златоуст. Избранные творения. Собрание поучений. Кн. 1. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1993. С. 25-28.

Святитель Иоанн Златоуст

О МИЛОСТЫНЕ

Тогда и мы бываем услышаны, когда сами слышим приходящих к нам нищих. «Кто затыкает, - говорится в Писании, - ухо свое от вопля бедного», молитвы того не послушает Бог [Притч, 21, 13]; «Блажен, кто помышляет о бедном! В день бедствия избавит его Господь» [Пс. 40, 2]. Это не иной какой-нибудь день, но тот день, который будет тяжким для грешников. Что значит «помышляет»? Понимающий, что такое нищий, вникающий в его бедствие, - ведь кто постигнет его бедствие, тот, конечно, тотчас окажет ему милость. Когда ты увидишь нищего, то не отворачивайся от него, но тотчас подумай, каков был бы ты сам, если бы был на его месте, чего хотел бы ты получить от всех? «Помышляет», - говорит. Представь, что и он свободен так же, как ты, имеет одинаковую с тобою благородную природу, и все у него общее с тобою; и между тем его, который несколько не хуже тебя, ты часто не равняешь даже с своими собаками; эти вполне насыщаются хлебом, а тот нередко засыпает голодным, так что свободный становится ниже твоих рабов. Но рабы, скажешь, оказывают нам услуги. Какие, объясни мне? Они тебе хорошо служат? Но если я докажу, что и он оказывает тебе услугу гораздо больше их, - что ты скажешь? Он предстанет в день суда и избавить тебя от огня. Могут ли все рабы сделать что-нибудь подобное? Когда умерла Тавифа

[Деян. 9], кто воскресил ее? Рабы ли, окружавшие ее, или бедные? А ты не хочешь поставить свободного наравне даже с рабами.

Вот сильная стужа; нищий лежит на помосте, одетый в рубище, умирая с холода, скрежеща зубами, и видом и одеждою возбуждая сострадание; но ты, одетый тепло и опьяневший, проходишь мимо, не обращая на него внимания. Как же ты желаешь, чтобы Бог избавил тебя, когда находишься в несчастьи? Ты часто говоришь: если бы я был в таком положении, что кто-нибудь много согрешил бы против меня, то я простил бы его, - Бог ли не простит мне? Не говори этого; сам ты презираешь того, который даже ни в чем не согрешил против тебя, и которому ты мог бы помочь. Если же ты презираешь такого человека, то как Бог простит тебе грехи твои против Него? Не заслуживает ли это геенны? И вот что странно: нередко тело мертвое, безжизненное, уже не чувствующее почестей, ты прикрываешь множеством разнообразных позолоченных одежд; а тело страждущее, болезненное, мучимое и изнуряемое голодом и холодом, ты презираешь; более угождаешь тщеславию, нежели страху Божию. И, о, если бы только это! Но тотчас начинаются еще укоризны на подходящего бедняка. Почему, говоришь ты, он не работает? Зачем ест хлеб, не трудясь? Но ты сам, скажи мне, своими ли трудами приобрел то, что имеешь? Не отцовское ли получил наследство? А если бы ты и трудился, то неужели поэтому ты можешь укорять другого? Разве ты не слышал слов Павла: «Вы же, братия, не унывайте, делая добро»? И это говорит после того, как сказал: «если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» [2 Фес. 3, 13,10].

Но он, говоришь ты, обманщик. Что говоришь ты, человек? Из-за одного хлеба и одежды ты называешь его обманщиком? Но он тотчас продаст ее, говоришь ты. А ты сам хорошо ли распоряжаешься всем своим имуществом? Как, неужели все нищие сделались такими от праздности? Неужели никто от кораблекрушений, никто от судилищ, никто от воров, никто от несчастий, никто от болезней, никто от каких-нибудь других обстоятельств? Между тем мы, слыша бедного, жалующегося на подобные несчастья, взывающего громким голосом, устремляющего взоры на небо, с открытою головою, с распущенными волосами, одетого в рубище, тотчас называем его обманщиком, плутом, лицемером. Не стыдно ли тебе? Кого ты называешь обманщиком? Если не хочешь ничего дать, то, по крайней мере, не поноси человека. Но, говоришь ты, он имеет средства и

притворяется. Это служит к осуждению тебя, а не его; он знает, что имеет дело с людьми жестокосердыми, скорее со зверями, нежели с людьми, и что, сколько бы он ни произносил жалобных слов, никого не тронет, а потому и принужден принимать на себя вид еще более жалкий, чтобы преклонить твою душу. Когда мы увидим, что кто-нибудь подходит к нам в опрятной одежде, то говорим: он обманщик, он подходит в таком виде, чтобы показать, что он из благородных; а когда увидим кого-нибудь в противоположного свойства одежде, то укоряем и его. Что же им делать? О, жестокость! О, бесчувственность! Для чего, говоришь ты, они обнажают изувеченные члены? Для тебя. Если бы мы были сострадательны, то им не нужно было бы прибегать к таким средствам; если бы они могли трогать с первого взгляда, то не ухищрялись бы подобным образом. Какой несчастный захотел бы так вопить, принимать на себя отвратительный вид, вместе с обнаженною женою рыдать пред всеми, вместе с детьми посыпать себя пеплом? Что может быть хуже такой крайности? Но и за это мы не только не оказываем им сострадания, а еще осуждаем их. Как же после того мы можем негодовать, что Бог не внемлет нашим молитвам? Как можем роптать, что Он не удовлетворяет нашим прошениям? Не страшно ли это, возлюбленные?

Но, говоришь ты, я часто подавал. А ты разве не каждый день принимаешь пищу? Разве ты отталкиваешь детей, хотя они и часто просят тебя? О, бесстыдство! Ты называешь нищего бесстыдным. Сам, похищая чужое, ты не считаешь себя бесстыдным; а просящий хлеба бесстыден? Ужели ты не знаешь, как сильна потребность желудка? Не делаешь ли ты все для него? Не оставляешь ли ты для него духовных предметов? Тебе обещано небо и царствие небесное; а ты, покоряясь насилию чрева, не переносишь ли все и не пренебрегаешь ли тем обещанным? Вот истинное бесстыдство! Не видишь ли ты увечных старцев? Но, - о, злословие! - этот, говорите вы, дает в долг по столько-то золотых, а тот по столько-то, и между тем выпрашивают милостыни. Вы рассказываете басни и сказки малых детей, которые они всегда слышат от своих нянек; я не думаю, не верю, не может быть. Такой-то дает деньги в рост, а сам при своем достатке просит милостыни? Для чего же, скажи мне? Что может быть постыднее прошения милостыни? Лучше умереть, нежели просить. Но доколе мы будем жестокосердыми? Как, неужели все они дают деньги в рост? Неужели все обманщики? Неужели нет ни одного действительно

нищего? Есть, говоришь ты, и много. Почему же ты не оказываешь помощи им, если ты точно знаешь жизнь их? Нет, это - предлог и отговорка. «Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся» [Мф. 5, 42; Лк. 6, 30]; «Да не будет рука твоя распростертою к принятию и сжатою при отдании» [Сир. 4, 35]. Мы не поставлены быть судьями жизни других; иначе мы никому не подадим милостыни.

Когда ты молишься Богу, то не говоришь ли: «грехов юности моей и преступлений моих не вспоминай» [Пс. 24, 7]? Так и о нищем, хотя бы он был великий грешник, думай то же и не поминай грехов его. Ныне время человеколюбия, а не строгого суда, - милости, а не осуждения. Он хочет есть: если желаешь, дай ему; если же не желаешь, откажи, не исследуя, почему он беден и несчастен. Для чего ты и сам не подаешь ему, и желающих подать отклоняешь? Ведь когда кто-нибудь услышит от тебя, что этот нищий - обманщик, а тот - лицемер, ростовщик, то не подаст ни тому, ни другому, подумав, что они все таковы. Известно, как легко мы верим худому, и как нелегко - хорошему. Мы должны быть не просто милосерды, но как «Отец наш Небесный» [Мф. 5, 48]. Он питает и блудников, и прелюбодеев, и обманщиков, и вообще всякого рода злодеев. В настоящем мире необходимо быть и такого рода многим; Он же всех одевает, и никто никогда не умирал с голоду, разве только по собственной воле.

Так и мы должны быть милосерды. Если кто просит у тебя и находится в нужде, помоги ему. Но мы ныне дошли до такого безумия, что поступаем так не только с нищими, ходящими по переулкам, но и с монашествующими: он, говорят, обманщик! Не внушал ли я вам и прежде, что если мы будем подавать всем без разбора, то постоянно будем оказывать милосердие; а если станем исследовать, то никогда не окажем милосердия?

Что говоришь ты? Неужели он притворяется для того, чтобы получить хлеба? Если бы он просил талантов золота и серебра, или драгоценных одежд, или рабов, или чего-нибудь подобного, то справедливо можно было бы назвать его обманщиком; но если он не просит ничего такого, а только пищи и одежды, вещей самых умеренных, то, скажи мне, свойственно ли это обманщику? Оставим эту неуместную, сатанинскую, пагубную разборчивость. Когда кто-нибудь станет говорить, что он принадлежит к клиру, или называет себя священником, тогда, разведай, расспроси, потому

что общение с таким человеком без исследования не безопасно, - здесь великая опасность. А когда кто-нибудь просит пищи, то не исследуй; здесь ты не столько даешь, сколько сам принимаешь. Вспомни, если хочешь, как Авраам оказывал гостеприимство всем проходящим. Если бы он делал исследования о проходящих к нему, то не принял бы ангелов; может быть, не считая их ангелами, он вместе с другими отказал бы и им; но так как он принимал всех, то принял и ангелов. Разве за жизнь принимающих от тебя Бог дает тебе награду? Нет, - за твое расположение, за твое милосердие, за великое человеколюбие, за доброту. Если будет она, то и ты получишь все блага, которых да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа.

Святитель Иоанн Златоуст. Избранные творения. Собрание поучений. Кн. 1. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1993. С. 262-266.

Святитель Иоанн Златоуст

БЕЗРОПОТНОЕ ТЕРПЕНИЕ СКОРБЕЙ РАВНО МУЧЕНИЧЕСТВУ

Бог устроил много путей для того, чтобы обилием их сделать для нас восхождение к Нему легким. Одни из людей сияют девством, другие прославляются брачною жизнью, иные украшаются вдовством; одни отвергли все, другие – половину; те восходят праведною жизнью, эти – покаянием. Для того Бог и устроил так много путей, чтобы тебе удобно было идти. Ты не мог после бани Крещения сохранить себя чистым? Можешь очистить себя покаянием, можешь богатством, милостынею. У тебя нет богатства? Можешь призреть больного, посетить заключенного, подать чашу холодной воды, принять странника под кров свой, пожертвовать две лепты, как вдовица, и плакать с плачущими; и это – милостыня. Но ты не имеешь ничего, совершенно беден, слаб телом и даже ходить не можешь? Переноси все это с благодарностью, - и получишь великую награду. Такова была добродетель Лазаря. Он никому не помогал деньгами; как он мог делать это, не имея сам необходимой пищи? Он не ходил в темницу; как он мог делать это, будучи не в силах сам подняться? Он не посещал больного; как он мог делать это, будучи сам облизываем псами? Но и без этого он приобрел награду за добродетель мужественным перенесением всего, - тем, что видя жестокого и бесчеловечного в чести и

роскоши, а себя в таких бедствиях, не произнес ни одного непристойного слова. Посему он и наследовал лоно Авраамово, хотя был ничем не лучше мертвого, бездейственно лежав тогда пред вратами богача; увенчан вместе с Патриархом, совершившим так много дел, прославлен и помещен в лоне его тот, кто не раздавал милостыни, не подавал руки обижаемому, не принимал странников, не мог сделать ничего другого подобного, но только за все благодарил Бога и получил светлый венец терпения. Подлинно, великое дело – благодарность, любомудрие, терпение среди таких страданий; это – высшая добродетель. За то и Иов был увенчан. Посему и диавол говорил: «Кожу за кожу, и вся елика имат человек даст за душу свою: обаче послѣ руку твою и коснѣся костем его» [Иов. 2, 4]. Не малое дело – обуздать страждущую душу так, чтобы она ни в чем не согрешила. Это равно мученичеству; это – верх добродетели.

Так, если и ты, возлюбленный, подвергнешься болезни, горячке или ранам, и боль будет заставлять тебя сказать какую-нибудь хулу, но ты воздержишься, будешь благодарить и славить Бога, то получишь такую же награду. И для чего роптать, скажи мне, и произносить богохульные слова? Разве боль сделается от того легче для тебя? Даже, если бы она и сделалась легче, и тогда не следовало бы решаться на это и терять спасение души, заботясь доставить облегчение телу. Между тем боль от этого не только не облегчается, но еще становится тяжелее. Ибо диавол, видя, что он получил некоторый успех, доведши тебя до ропота, усиливает огонь печи, разжигает болезнь, чтобы ты исполнил его желание. Таким образом, если бы даже, как я сказал, боль и облегчалась, не должно делать этого; если же ты не получаешь никакой пользы, то для чего губишь сам себя? Но ты не можешь молчать? В таком случае благодари Бога; прославляй Того, Который искушает тебя в этой печи. Вместо ропота произноси славословие. Тогда и награда твоя будет великая, и боль сделается легче.

Так и блаженный Иов говорил: «Господь даде, Господь отъят»; и еще: «аще благая прияхом от руки Господни, злых ли не стерпим?» [Иов 1, 21; 2, 10] Итак, мужественно переноси все случившееся; это для тебя – мученический подвиг. Ибо не только то составляет мученичество, когда кто получает приказание принести жертву и не приносит ее, и даже решается лучше подвергнуться терзаниям, нежели исполнить это: но и то делает мучеником, когда кто, несмотря на боль, принуждающую роптать,

решается терпеть и не говорить ничего непристойного. Так Иов не за то увенчан, что получил повеление принести жертву и не принес ее, но за то, что мужественно перенес скорби. И Павел прославлен за то, что с благодарностью переносил бичевания, скорби и все прочее.

Святитель Иоанн Златоуст. Избранные творения. Собрание поучений. Кн. 1. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1993. С. 221-222.

Святитель Иоанн Златоуст

УТЕШЕНИЕ В СМЕРТИ БЛИЗКИХ

Будем оплакивать не умирающих, а тех, которые оканчивают жизнь в пороках. Если же ты, жена, нуждаешься в защите и потому плачешь о муже, то прибегни к общему для всех Защитнику, Спасителю и Благодетелю — Богу, к этой непреодолимой защите, готовой помощи, благонадежному покрову, вездесущему и отовсюду нас окружающему. Но привычное обращение с ним, скажешь, вожделенно и приятно? И я знаю это; но если ты умеришь скорбь свою рассудком и размыслишь о Том, Кто взял его, и что ты, перенесши великодушно, принесешь свою волю в жертву Богу, то будешь в состоянии избежать и этой волны, и то, что совершает время, совершит твое любомудрие; если же ты будешь чрезмерно скорбеть, то хотя время прекратит твою скорбь, но ты не получишь такой награды. Вспомни, как Авраам заклал сына своего и не плакал, не произнес ни одного жалобного слова. Но, скажешь, это был Авраам? Ты призвана к еще большим подвигам. Иов, хотя скорбел, но столько, сколько свойственно отцу чадолюбивому и заботливо пекущемуся об умерших; а то, что ныне делаем мы, свойственно врагам и неприятелям. Ибо если бы ты стал плакать и рыдать о человеке, введенном в царские чертоги и увенчанном, то я не назвал бы тебя другом его, а явным врагом и неприятелем.

Но я, скажешь, оплакиваю не его, а себя! И это не свойственно любящему — желать, чтобы он еще сетовал о тебе и подвергался неизвестности будущего, тогда как ему следует быть увенчанным и идти к пристанищу, или чтобы он обуревался волнами, тогда как ему можно быть в пристани. Но я не знаю, скажешь, куда отошел он? Как не знаешь, скажи мне? Он жил праведно или нет; поэтому известно, куда отойдет он. Потому самому, скажешь, я и сокрушаюсь, что он умер грешником. Это —

одна отговорка и предлог; если бы ты поэтому оплакивал умершего, то тебе надлежало бы исправлять и усовершенствовать его при жизни; но ты заботаешься только о себе, а не о нем. Впрочем, если он умер грешником, то и в таком случае надобно радоваться, что прекратились грехи его и что он не приложил зла ко злу, и помогать ему, сколько возможно, не слезами, а молитвами, молениями, милостынями и приношениями. Ибо все это установлено не напрасно; не напрасно совершаем при Божественных таинствах поминовение об усопших и ходатайствуем за них, умоляя предлежащего Агнца, взявшего грехи мира, но для того, чтобы им было от того некоторое утешение; не напрасно предстоящий пред жертвенником, при совершении страшных таинств, взывает: о всех во Христе усопших и память о них творящих. Если бы о них не совершались поминовения, то и не произносились бы эти слова. Наши действия — не зрелищные представления; — да не будет, — они совершаются по устройению Духа.

Будем же помогать умершим и совершать о них поминовение. Ибо если детей Иова очищала жертва отца, то почему ты сомневаешься, что когда и мы приносим жертву за умерших, то им бывает некоторое утешение? Бог часто подает благодать одним за других. Это объяснил Павел, когда сказал: *дабы за дарованное нам, по ходатайству многих, многие возблагодарили за нас* [2 Кор. 1, 11]. Не обленимся же помогать умершим и приносить за них молитвы; ибо предлежит общее очищение вселенной. Посему мы и молимся тогда с дерзновением о всей вселенной и именуем их вместе с мучениками, исповедниками и священниками. Ибо все мы — одно Тело, хотя члены одни других превосходнее.

Так, отовсюду возможно снискивать им прощение: и от молитв, и от приносимых за них даров, и от призываемых вместе с ними. Почему же ты скорбишь, почему плачешь, когда столько можешь снискать прощения умершему? Потому ли, что ты осталась одна и потеряла защитника? Не говори этого; ты не потеряла Бога и доколе имеешь Его, Он Сам будет для тебя больше мужа, и отца, и сына, и зятя; ибо и при их жизни Он же делал для тебя все. Так помышляй и говори подобно Давиду: *Господь просвещение мое и спаситель мой, кого убоюсь?* [Пс. 26, 1] И еще: *Ты еси отец сирых и судия вдовиц* [Пс. 67, 6]. Моли Его о помощи; Он теперь тем более будет промысливать о тебе, нежели прежде, чем в большем ты находишься затруднении.

Или ты потерял сына? Не потерял; не говори так. Это сон, а не смерть, переселение, а не потеря, переход от худшего к лучшему. Не раздражай Бога, но умиловляй Его; если перенесешь великодушно, то отсюда будет некоторое утешение и умершему, и тебе; если же нет, то ты еще более прогневаешь Бога, подобно как если бы, видя, что господин наказывает раба, ты озлобился на него, то раздражил бы его еще более против себя самого. Не поступай же так, но благодари Бога, дабы таким образом рассеялось облако твоей печали; скажи, подобно блаженному Иову: *Господь дал, Господь и взял* [Иов. 1, 21]; представь, сколь многие, более угодившие Богу, даже вовсе не имели детей и не назывались отцами. И я, скажешь, не желал бы иметь их; потому что лучше не испытывать удовольствия, нежели, испытав, лишиться его. Нет, увещаю тебя, не говори этого, не раздражай Господа; но благодари за то, что получил, благословляй и за то, чего не удержал до конца. Не говорил Иов: лучше было бы не иметь, как говоришь ты, неблагодарный, но и за то благодарил: *Господь дал, и за это благословлял; Господь взял: да будет имя Господне благословенно!* И жене, заграждая уста и вразумляя ее, он сказал такие чудные слова: *неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать?* [Иов. 2, 10] И после, когда он подвергся еще тяжчайшему искушению, также не поколебался, но терпел столь же великодушно и славословил Бога. Так поступай и ты и помышляй в себе самом, что не человек взял, но Бог, Который сотворил его, Который более тебя печется о нем и знает, что ему полезно, а не враг какой-нибудь или человек недоброжелательный. Вспомни, сколь многие дети, оставшись в живых, делали родителям жизнь не в жизнь. Но, скажешь, добродетельных разве ты не видишь? Вижу и их, но состояние твоего сына безопаснее, нежели их; они теперь заслуживают похвалу, но конец их неизвестен; а за него тебе уже не надобно бояться и трепетать, чтобы чего-нибудь с ним не случилось, чтобы какая-нибудь не произошла с ними перемена. Также рассуждай и о жене доброй и заботливой, и за все благодари Бога. Если бы ты лишился и жены, благодари Его; может быть, Бог хочет привести тебя к воздержанию, призывает к большим подвигам и освобождает тебя от уз. Любомудрствуя таким образом, мы и здесь приобретем душевное спокойствие, достигнем и будущих венцов.

Святитель Иоанн Златоуст. Избранные творения. Собрание поучений. Кн. 1. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1993. С. 315-318.

О МОЛИТВЕ

Будем всегда прибегать к Богу и у Него просить всего. Ничего нет равного молитве: она и невозможное делает возможным, трудное - легким, неудобное - удобным. Ее совершал и блаженный Давид, о чем говорил так: *седмерицею днем хвалих тя о судьбах правды твоея* [Пс. 118, 164]. Если же царь, обремененный бесчисленными заботами и развлекаемый со всех сторон, столько раз в день молился Богу, то какое оправдание или прощение можем получить мы? Ведь мы имеем столько праздного времени, и не молимся Ему непрестанно, несмотря даже на то, что можем получить столь великую пользу.

В самом деле, невозможно, совершенно невозможно, чтобы человек, молящийся с должным усердием и постоянно призывающий Бога, впал когда-либо в грех. А почему это так, я скажу. Кто воспламенил свой ум, возбудил душу, переселился на небо, и таким образом Господа назвал своим; кто, вспомнив о своих грехах, беседует с Ним о прощении их и молит Его быть милостивым и кротким, тот, предаваясь такой беседе, отлагает всякое житейское попечение, окрыляется и становится выше страстей человеческих. Врага ли увидит он после молитвы, - уже не будет смотреть на него, как на врага; красивую ли женщину, - не соблазнится при виде ея, потому что пламень, возженный молитвою, еще остается внутри его и отгоняет всякую негодную мысль. Но так как нам, как людям, свойственно и впасть в беспечность, то, когда пройдет час, другой, третий после молитвы, и ты увидишь, что возбужденный в тебе жар готов мало-помалу охладеть, спеши тотчас опять на молитву и согрей охладевшую свою душу. И если будешь делать это в продолжение всего дня, частым повторением молитв согревая самые промежутки между ними, то не дашь диаволу доступа и входа к твоим мыслям. Когда, приступая к обеду, мы видим, что нагретая для питья вода остыла, то опять ставим ее на очаг, чтобы она поскорее нагрелась; так будем поступать и здесь: на молитву, как бы на горячие уголья, будем полагать уста свои, и таким образом опять воспламенять душу свою к благоговению. Станем также подражать домостроителям. Они, когда строят здание из кирпича, не полагаясь на прочность этого материала, связывают постройку длинными бревнами, причем кладут их не на большом, а на малом друга от друга расстоянии,

чтобы частой кладкой этих бревен сделать крепче связь между кирпичами. Так сделай и ты: перелагай все житейские дела свои частыми молитвами, как бы связями из бревен, и таким образом со всех сторон огради жизнь свою. Если будешь так поступать, то, хотя бы подули бесчисленные ветры, хотя бы напали искушения, скорби, какие-либо горькие мысли, или какое бы то ни было несчастье, не могут они уронить этого дома, скрепленного так частыми молитвами.

Но, скажешь, возможно ли человеку светскому, занятому службой, молиться по три часа в день и приходить в церковь? Возможно, и весьма легко. А когда нельзя придти в церковь, тогда можно помолиться и не оставляя своей службы, стоя там, пред дверьми. Ведь для молитвы нужно не столько слово, сколько мысль, не столько движение рук, сколько напряжение души, не столько известное положение тела, сколько расположение духа. И Анна была услышана не потому, что громко и сильно зывала, а потому, что крепко вопияла внутренно, сердцем. *Глас ея не слышаешся*, говорит Писание [1 Цар. I, 13]; а Бог услышал ее. Этого часто достигали и многие другие. Когда начальник внутри судилища кричал, грозил, выходил из себя, бесновался, они, оградив себя пред входом крестным знамением и произнесши в уме краткую молитву, входили в судилище, и заставляли судию перемениться, укрощали его и из свирепого делали кротким; и ни место, ни время, ни молчание, не было для них препятствием к такой молитве.

Так и ты сделай: восстаней горько, вспомни о грехах своих, воззри на небо, скажи умом: *помилуй мя, Боже*, - и твоя молитва кончена. Кто сказал: *помилуй*, тот исповедался, сознал грехи свои, потому что желать помилования свойственно согрешившим. Кто сказал: *помилуй мя*, тот получил отпущение грехов, потому что помилованный не наказывается. Кто сказал: *помилуй мя*, тот получил царствие небесное, потому что Бог, кого помилует, того не только освобождает от наказания, но и удостоивает будущих благ.

Не станем же говорить в свое оправдание, что дом молитвы не близко: благодать Духа нас самих сделала храмами Божиими, если только мы бдительны; стало быть молиться для нас везде весьма легко. Наше богослужение не таково, каково было прежнее - у иудеев, имевшее в себе много чувственного и обставленное множеством обрядов. Там молящемуся нужно было и придти в храм, и купить горлицу, и принести

дрова и огонь, и взять нож, и стать пред жертвенником, и исполнить множество других постановлений. Здесь же не нужно ничего такого, но где бы ты ни был, везде с тобою и жертвенник, и нож, и жертва, потому что ты сам и жрец, и жертвенник, и жертва. Где бы ты ни был, везде можешь поставить жертвенник, покажи только бодрую волю, и не помешает тебе ни место, ни время; нет, хоть ты и не преклонишь колена, не станешь бить себя в грудь, и не прострешь рук к небу, а только покажешь горячую душу, ты этим исполнишь все нужное для молитвы. Можно и жене, сидя за прялкою или занимаясь тканьем, обращать ум к небу и призывать Бога пламенно. Можно и мужу, выходя на площадь, или идучи по своим делам, совершать усердные молитвы. Другому, и сидя в мастерской и сшивая кожи, можно вознести душу к Господу. Слуге можно, и покупая, и поднимаясь вверх, и сходя вниз, и занимаясь на кухне, когда нельзя пойти в церковь, совершать искреннюю и усердную молитву.

Бог не гнушается местом: Он требует только пламенного сердца и смиренной души. А чтобы увериться тебе, что для молитвы требуется не известное положение тела, место или время, но мысль добрая и бодрая, послушай, как Павел, лежа в темнице распростертый, а не стоя прямо, потому что не позволяла ему этого колода, в которую забиты были ноги его, как он, помолвившись с усердием, лежа, потряс темницу и поколебал ее основание, устранил темничного стража и затем привел его к святому таинству. Также Езекия, не стоя прямо и не преклонив колена, но лежа на постели по причине болезни и обратившись к стене, с жаром и смиренной душой призвал Бога, и тем отменил произнесенный уже приговор и привлек к себе великое благоволение Божие, и возвратил себе прежнее здоровье. И это случалось не только со святыми и великими мужами, но и с порочными. Так разбойник, и ни стоя в доме молитвы, не преклонив колена, но будучи распростерт на кресте, немногими словами приобрел царствие небесное.

Один в тине и во рве, другой во рве и со зверями, третий даже в чреве китовом, - все они, призвав Бога, прекращали все бедственные обстоятельства и привлекли к себе вышнее благоволение. Говорю это, чтобы убедить вас чаще приходить в церковь, и дома молиться в тишине, в свободное время, и преклоняя колена, и воздевая руки, если же в каком-либо время или в каком-либо месте вы будете находиться среди множества других людей, - и тогда не нужно оставлять обычных молитв, но таким же

образом, как я сказал любви вашей, молитесь и призывайте Бога, в надежде получить не меньшую пользу и от такой молитвы. Если мы так устроим себя, то и настоящую жизнь проведем в спокойствии, и получим царствие небесное.

Святитель Иоанн Златоуст. Избранные творения. Собрание поучений. Кн. 1. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1993. С. 20-23.

Святитель Иоанн Златоуст

КЕМ НУЖНО СЧИТАТЬ СЕБЯ В ЭТОМ МИРЕ И КАК ЖИТЬ В НЕМ?

Первая добродетель, и даже все добродетели состоят в том, чтобы быть странником и пришельцем в этом мире и не иметь ничего общего с здешними вещами, но быть в таком отношении к ним, как к чуждым для нас, подобно тем блаженным ученикам, о которых Апостол говорит: *скитались в милотах и козых кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления: те, которых весь мир не был достоин* [Евр. 11, 37-38]. Они называли себя странниками. А Павел сказал о себе еще нечто большее: он не только называл себя странником, но говорил, что он мертв для мира и мир мертв для него: *для меня, говорил, мир распят, и я для мира* [Гал. 6, 14]. А мы ведем себя как здешние граждане, и устроаем все дела свои в жизни так, как настоящие граждане. Чем праведники были для мира, т.е. странниками и мертвым, то мы для неба; а чем были они для неба, т.е. живыми гражданами, то мы для мира. Потому мы и мертвы, что уклонились от истинной жизни и избрали временную; тем мы и прогневаем Бога, что не хотим отстать от земных благ, тогда как нам уготовано небесное блаженство: но, подобно червям, пресмыкаемся из одной земли в другую, а из этой опять возвращаемся в ту, и вообще нисколько не хотим опомниться и отстать от дел человеческих, но как бы погрузившись в сон или одурев от опьянения, увлекаемся мечтами. Сомкнулись наши очи - и умственные, и телесные; мы ведем речи, говорим вздор.

Святые были странниками и пришельцами. Как и каким образом? Не называли ли они себя странниками по отношению к одной земле палестинской? Нет, по отношению к целой вселенной, - и справедливо: они не видели в ней ничего такого, чего желали, но все было для них

странно и чуждо. Они хотели упражняться в добродетели, а здесь было множество пороков, и потому все здешнее было для них чуждо; они не имели ни одного друга, ни одного близкого человека, кроме немногих. А как они были странниками? Они не заботились о здешнем и доказывали это не словами, а самыми делами. Как и каким образом? Бог сказал Аврааму: *оставь мнимое отечество и иди в землю чуждую* [Быт. 12, 1], - и он не остался там по любви к близким, но без сожаления оставил его, как бы землю чуждую. Бог сказал ему: *принеси в жертву сына своего* [Быт. 22, 2], и он принес его так, как бы вовсе не имел сына, принес сына, как бы не был облечен человеческою природою. Имущество свое он считал общим со всеми приходящими, и ставил его ни во что: первое место предоставлял другим, подвергался опасностям, терпел бесчисленные бедствия; не строил великолепных домов, не роскошествовал, не заботился об одежде и ни о чем другом, что бывает в здешнем мире; напротив жил жизнью горного града, был страннolюбив, братолюбив, милосерд, долготерпелив; презирал имущество, настоящую славу и все прочее. Таков был и сын его. Когда его гнали, нападали на него, он не противился и уступал, как находящийся в земле чуждой; странники, чему ни подвергаются, переносят все, как находящиеся не в отечестве. И лишение жены он переносил, как странник; он жил вышею жизнью, сохраняя целомудрие и всякое воздержание; родивши сына, он не имел общения с женою; а женился уже тогда, когда прошел цвет юности, - показал, что он сделал это не по страсти, но дабы послужить исполнению обетования Божия. А Иаков? Не искал ли он только одного хлеба и одежды, таких потребностей, которые свойственны истинным странникам, пришедшим в крайнюю бедность? Будучи гоним, он не уступал ли, как странник? Не работал ли по найму? Не терпел ли бесчисленных бедствий, путешествуя везде, как странник? Перенося все это, они показывали, что ищут другого отечества; а мы - напротив. Когда случится какая-нибудь болезнь, то мы, бросив все, подобно малым детям, плачем и боимся смерти, - и справедливо терпим это; потому что не живем, как странники, и не спешим туда, как в отечество, а идем как на казнь. Потому мы и скорбим, что не пользуемся вещами, как должно, а извратили порядок вещей; потому мы и мучимся, тогда как следовало бы радоваться; потому и трепещем, подобно убийцам и разбойникам, когда им предстоит явиться на суд и когда они припоминают все дела свои, и оттого страшатся и трепещут. Не таковы были те мужи, но они сами спешили

туда; а Павел даже вздыхал о том, как он сам говорит: *находясь в теле сем, вздыхаем под бременем* [2 Кор. 5, 4]. Таков был Авраам и подобные ему; они были, говорит Апостол, странниками для целой вселенной и искали отечества. Какого? Не того ли, которое оставили? Нет; ибо что препятствовало им, если бы они хотели, возвратиться туда и быть его гражданами? Они искали отечества небесного. Так спешили они удалиться отсюда и таким образом угождали Богу; посему и Он не стыдится называться их Богом.

Он не только не стыдился называться их Богом, но и Сам говорил: *Я Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова* [Исх. 3, 6]. Будем, возлюбленные, и мы странниками, дабы не стыдился нас Бог, не стыдился и не предал геенне. Что же, скажете, делать нам, дабы спастись? Начнем упражняться в добродетелях, пока есть время. Разделим для себя добродетели, как земледельцы разделяют земледелие: в один месяц преодолеем в себе склонность к злословию, дерзость, несправедливый гнев, положим для себя законом и скажем: ныне исправим это; в другой месяц поучимся терпению; в третий - еще иной добродетели, и, приобретши в ней **навык**, перейдем к новой, подобно тому, как в учении мы, сохраняя **прежнее**, приобретаем новое. После того перейдем к презрению богатства; и **во-первых**, будем удерживать руки от любостяжания, а потом **творить** милостыню; не будем смешивать всего вместе, - **одними и теми же руками** и похищать, и подавать милостыню. Затем приступим к **другой** добродетели, а от ней еще к иной. Сквернословие, говорит Апостол, *пустословие и смехотворство не приличны вам и не должны даже именоваться у вас* [Евр. 5, 3-4]. Исполним и это. Здесь не требуется ни издержек, ни трудов, ни усилий. Довольно только хотеть, - и все **сделается**. Не нужно для этого предпринимать далекого путешествия, **или** переплывать беспредельное море, но только постараемся оказать усердие и воздерживать язык от неуместных оскорблений. Исторгнем из души **своей** гнев, порочные похоти, склонность к чувственным удовольствиям и роскоши, сребролюбие, **навык** к клятвам и клятвопреступлениям.

Если мы будем таким образом возделывать самих себя, **сначала** исторгая терние, а потом насаждая небесное семя; то можем получить обетованные блага.

http://www.p-blagovest.narod.ru/Reading/Reading-4/Ioann_Zl-How.htm

РАЗЛИЧНЫЕ ВИДЫ БОЖИЯ ПРОМЫСЛА

Все от Бога, - и благое и скорбное, и недостойное; но одно - по благоволению, другое - по домостроительству, третье - по попущению. И по благоволению, - когда живем добродетельно, ибо угодно Богу, чтобы проводили мы жизнь безгрешную, жили добродетельно и благочестиво. По домостроительству, - когда, впадая в ошибки и погрешая, бываем вразумляемы; по попущению же, - когда и вразумляемые не обращаемся.

Бог благоволил, чтобы человек спасся, как и ангелы взывали говоря: Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение [Лк. 2, 14]. Опять домостроительно Бог вразумляет нас согрешающих, чтобы не были мы с миром осуждены, как говорит апостол: Судими от Бога наказуемся, да не с миром осудимся [1 Кор. 11, 32]. И несть зло во граде, еже Господь не сотвори [Ам. 3, 6], таковы: голод, язвы, болезни, поражения, брани; ибо все это служит к очищению греха; которые или не хотят жить без греха, или вразумляемые не обращаются, но пребывают во грехе, как написано: ослепи Бог очи их и окаменил есть сердца их [Ин. 12, 40]; и: предаде их в неискусен ум, то есть, попустил их свободе творити неподобная [Рим. 1, 28]; также: ожесточая ожесточу сердце Фараоново [Исх. 4, 21], то есть, попушу ожесточиться за непокорность его.

Святой Ефрем Сирин. Творения. Т.3. М.: Издательский отдел Московского Патриархата, 1994. С. 395-396.

Преподобный Ефрем Сирин

О ВОСЬМИ ПОМЫСЛАХ

Знай, чадо, что восемь помыслов, которыми производится все худое: чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, безвременная печаль, уныние, тщеславие, гордость. Они-то ведут брань со всяким человеком. А ты, чадо, если хочешь препобедить чревоугодие, возлюби воздержание, имей страх Божий, и победишь. Если же хочешь препобедить блуд, возлюби бдение и жажду, помышляй всегда о смерти, и никогда не имей бесед с женщиною, и победишь. Если хочешь препобедить сребролюбие, возлюби нестяжательность и нерасточительность. Если хочешь препобедить гнев, приобрети кротость и великодушие и содержи в мысли, сколько зла делали

Иудеи Господу нашему Иисусу Христу, и однако же Он, как человеколюбец Бог, не гневался на них, а напротив того молился за них, говоря: Отче, отпусти им грех сей: не ведают бо, что творят [Лк. 23, 34]. Если хочешь преодолеть безвременную печаль, никогда не печалься о чем-либо временном; но если тебя язвят словом, или беспокоят, или бесчестят, не печалься, а напротив того радуйся. Тогда только печалься, когда согрешишь; но и в сем случае соблюдай меру, чтобы не впасть в отчаяние, и не погибнуть. Если хочешь препобедить уныние, займись хотя ненадолго каким-нибудь рукоделием, или читай, или часто молись. Если хочешь препобедить тщеславие, не люби похвал, ни почестей, ни хороших одежд, ни предпочтения, напротив того люби, чтоб порицали и бесчестили, **взводя** на тебя ложь: и укоряй сам себя, что ты грешнее всякого грешника. Если хочешь препобедить гордость; что ни делаешь, не говори, что **делается** сие собственными твоими трудами, или собственными твоими силами, но постишься ли, проводишь ли время во бдении, спишь ли на голой **земле**, поешь ли псалмы, или прислуживаешь, или кладешь много **земных** поклонов, говори, что при Божией помощи и при Божиим покровительстве **делается** сие, а не моею силою и не моим старанием...

Святой Ефрем Сирий. Творения. Т.2. М.: Издательский отдел Московского Патриархата, 1993, С. 390-395.

Преподобный Ефрем Сирий

ОБ УМИЛЕНИИ

Если кто сознает в себе, что согрешил он пред Богом, ослабев в своем преднамерении, и согрешил произвольно; то, пока есть время, пусть с усердием проливает слезы и непрестанно плачет, чтобы слезами привлечь благодать в сердце свое. Пусть приобретет себе умиление и омоет тело свое слезами и воздыханиями. Велика сила слез, братия; много могут слезы по Богу, когда молящийся Богу, как в зеркале, отражает Его в **сердце** своем.

Хочу, возлюбленные, изобразить вам силу слез. Анна молитвою приобрела Пророка Самуила, восторжение и похваление в **сердце** своем. Жена грешная в дому Симона, плача и омывая слезами святые ноги Господа, получила от Него отпущение грехов. Умиление, братия, **есть** уврачевание души; оно приобретает нам отпущение грехов; умиление,

братия, вселяет в нас едиnorodного Сына, когда вожделеваем Его. Умиление, братия, привлекает на душу Духа Святого. Удостоверьтесь, братия, что на земле нет радости сладостнее той, какая бывает от умиления. Изведали ли опытно вы, братия, силу слез? Озарился ли кто из вас этою радостью слез по Богу? Если кто из вас, испытал это и усладившись этим, во время усердной молитвы возносился над землею; то в этот час бывал он весь вне тела своего, вне целого этого века, и уже не на земле. Таковой с Богом беседует, во Христе просвещается. Великое чудо, братия, - человек перстный с Богом беседует в молитве своей! Святые и чистые слезы по Богу всегда омывают душу от грехов, очищают ее от беззаконий. Слезы по Богу во всякое время дают дерзновение пред Богом. Нечистые помыслы никак не могут приблизиться к душе, которая имеет всегдашнее умиление по Богу. - Поэтому, что выше сладости оно? Что равносильно сему блаженству, когда душа, молящаяся Богу, Его Самого отражает в себе, как в зеркале? Когда душа, братия, вожделевает Бога, тогда в молитве своей непрестанно созерцает Его, и о Нем помышляет ночь и день. Умиление есть нерасхищаемое сокровище; душа, имеющая умиление, ликовствует неизглаголанною радостью; умиление же разумею продолжающееся не один день, но до конца жизни, ночь и день. Умиление есть чистый источник, орошающий плодоносные насаждения души. Под плодоносными же насаждениями разумею добродетели и заслуги, орошаемые всегда слезами и молитвами. Непрестанно насаждай в душе своей сии плодоносные и цветущие растения и еще орошай их в молитве слезами. - Насаждения, орошаемые слезами и молитвами, приносят доброцветный плод. Полезными для души и избранными будут прекрасные насаждения твои. Кто молится со слезами, чтоб возросло орошаемое ими, тот с каждым днем приносит новые плоды. Не будь подражателем человеку расслабленному и грешному, который ежедневно говорит, и никогда не делает, ленив в предначинаниях, не имеет чистой молитвы и умиления, знает о себе, что всегда он грешен, и непрестанно боится наказания, не имеет вовсе никакого извинения в грехах своего расслабления.

Святой Ефрем Сирий. Творения. Т.2. М.: Издательский отдел Московского Патриархата, 1993. Слово о суде и об умилении. С. 59-67.

СКАЗАНИЕ О ЮРОДИВОЙ

В женском Тавенисиотском монастыре была дева, представлявшаяся скудоумною и бесноватою. Ею столько гнушались, что даже не ели с ней вместе. Поэтому, пробиваясь в поварне, исправляла она там **всякую** службу; и можно сказать, на деле исполняла написанное: **аще кто хочет** мудр быти в вас, в вещи сем, буй да бывает, яко да премудр будет [1 Кор. 3, 18]. Повязав себе на голову тряпку (все же прочие были пострижены и носили кукули), в таком виде прислуживала она. Из четырех сот **монахинь** ни одна не видала никогда, чтоб она ела. Все время жизни своей не **сидела** за трапезой, не брала куска хлеба, но стирая со стола крошки и **вымывая** горшки, тем довольствовалась; никого ничем не обидела, не сказала **ни** малого, ни великого, не пороптала, хотя били ее кулаками и **марали** в насмешку. Итак, святому Питириму, отшельнику, весьма **достойному** уважения, когда пребывал он на уединении в Порфирите, является **Ангел** и говорит ему: «Что ты много о себе думаешь, как человек **благоговейный** и пребывающий на уединении в таком месте? Хочешь ли увидеть **женщину**, которая благоговейнее тебя? Пойди в монастырь **жен тавенисиотских** и найдешь там одну, у которой на голове повязка; она лучше тебя; потому что борется с такою нуждою, и никогда сердцем своим не удалялась от Бога. А ты, сидя здесь, блуждал мыслию по городам и как бы никогда не выходил из них». Питирим, встав, пришел на место, где был **монастырь**, и просит у наставников позволения войти в женский монастырь. Они осмелились его ввести, как уважаемого всеми и старца. И так, вошедши, потребовал видеть всех. Но юродивая не появлялась. Наконец говорит им: «представьте мне всех; потому что не достаёт еще кого-то»; и **говорят ему**: «есть у нас в монастыре, на поварне, одна юродивая; ибо так **называют** скудоумных». Старец говорит им: «приведите и ее, и дайте увидеть». Они, подошедши, кликали ее; но та не слушалась, понимая, может **быть**, в чем дело, или и по откровению зная сие. Сестры влекут ее насильно, **говоря**: «святой Питирим желает видеть тебя»; а был он муж именитый. Итак, когда пришла она, и увидел Питирим тряпку на челе ее, тогда, припадши к ногам ее, сказал он громким голосом: «**благослови** меня, мать моя». Но и она также припала к ногам его, говоря: «ты меня **благослови**, господин авва!» Все изумились и говорят Питириму: «не потерпи обиды, **авва**;

потому что она юродивая». Старец говорит им: «Вы юродивые; она же и вам и мне мать (так называют жен духовной жизни). И я желаю оказаться достойным ее в день суда». Услышав же сие, припали все к ногам ее, признаваясь в различных ей оскорблениях: одна, что выливала на нее помой от посуды; другая, что била ее кулаками; иная же, что сыпала ей в нос горчицу; одним словом, все объявляли, что делали ей различные оскорбления. Итак, помолившись о них, Питирим чрез несколько дней ушел. Она же, не терпя славы и почтения от сестер и тяготясь их извинениями, ушла из монастыря. И никто не знал, куда пошла, где скрылась, и где скончалась. Вот юродство Богу и возненавидение славы! Ибо, отринув славу человеческую, удалилась она, возжелав паче, чтоб прославляем был Бог, прославляющий любящих Его; потому что Ему слава во веки! Аминь.

Святой Ефрем Сирий. Творения. Т.2. М.: Издательский отдел Московского Патриархата, 1993. С. 389-390.

Святитель Амвросий Медиоланский

СЛОВО О ВЗАИМНОЙ ЛЮБВИ ХРИСТИАН

В книге Деяний Апостольских мы читаем, что благочестие народа под смотрением Апостолов было столь велико, и первое христианское общество так процветало, что, приняв веру, никто уже не берег для себя своего дома и ничего не почитал своим, но, по праву братства, все у них было общее. Те, кои исповедовали одну веру, имели между собою общение и в жизни, то есть, у кого была одна вера, у тех было одно и имущество, и у кого Христос был общий, у тех были общи и самые издержки. Ибо мужи благочестивые считали преступлением не делать участником в своем имуществе того, кто участвовал с ними в благодати; а посему они, как братья, всем пользовались вместе. Братство во Христе несравненно лучше, чем братство по плоти; потому что братство по плоти состоит только в телесном сродстве; а братство во Христе — в единомыслии и единодушии, как написано: народу же веровавшему бе сердце и душа едина [Деян. 4, 32]. Посему тот истинно брат, кто сходствует с нами не столько по телу, сколько по душе. Тот, говорю, есть истинный брат, у кого с братом один дух и одна воля. Итак, братство во Христе, как я уже сказал, лучше братства по плоти. Братья по плоти иногда бывают во вражде друг с

другом; а братья во Христе постоянно мирны между собою. Те иногда с завистью разделяют между собою общее достояние; сии всегда с радостью жертвуют друг другу и своею собственностью. Первые нередко презирают в обществе и родного; а последние часто принимают к себе и чужого. Таково-то было во время Апостолов благочестие христиан, что никто из них не называл собственного дома своим, никто ничего не присвоил себе, как говорит святой Лука: и ни один же что от имений своих глаголаше свое быти, но бяху им вся обща [Деян. 4, 32]. Посему-то не было между ними ни одного бедного. Итак, блажен тот народ, который, имея много богатых во Христе, не имел ни одного бедного в настоящем веке, и который, помышляя о богатстве вечном, освобождал братию свою от временной нищеты. Ибо продавали, как говорит Писание, поместья и дома свои и цену проданного полагали к ногам Апостолов, чтобы доставлять каждому, в чем кто имел нужду [Деян. 4, 34-35]. Видите веру святых мужей, как они для Христа лишались всего имения и ничего не оставляли себе. Ибо не заботились, чтобы самим не быть голодными, но заботились, чтобы не алкал другой.

Таково было благочестие в народе под смотрением Апостолов! В настоящее время находим ли мы что-нибудь подобное? Конечно и у нас Христос тот же. Тот же Христос, но не то же сердце. Та же в народе вера, по нет более той щедрости. Один не думает о бедности другого, так что сбывается сказанное Апостолом: *ов убо алчет ов же упивается* [1 Кор. 11, 21]. Ибо многие из христиан не только не раздают своего, но еще похищают чужое. Не только, говорю, богатства своего не приносят к ногам Апостолов, но и приходящую братию свою отвлекают от ног священников. Ныне настало то время, о котором пишет блаженный Апостол: *в последние дни умножится беззаконие и охладее любовь*. Ибо теперь умножился грех скупости, который прежде исчезал от щедрости, и охладела любовь братская, которая некогда была распаляема любовью Христовою. Во времена Апостолов царствовала любовь братская, так что в обществе верующих не было бедности: а ныне такая холодность в христианах, что между ними едва найдешь одного богатого. Я разумею здесь богатого не столько имением, сколько делами. Ибо Апостол сказал: *да будут богаты добрыми делами* [1 Тим. 6, 18]. Он хотел, чтобы в обществе верующих почитали богатым того, кто богат во Христе. И то свидетельство, что во времена Апостолов не было ни одного бедного, показывает нам, что тогда

имели толикую благодать веры, что все приизобиловали богатством небесным. А в настоящее время между христианами редко находим богатого, и хотя в домах многие богаты золотом, но в церкви они бедны благотворительностию. Ибо когда они помогают бедным не столько, сколько могут, то и приносимое ими бывает неприятно Богу, и сберегаемое не насыщает их. Вот что сказал Господь Кайну, когда сей приносил жертву: *еда, аще право принесл еси, право же не разделил еси, не согрешил ли еси?* Умолкни [Быт. 4, 7]: так и ты, христианин, не праведно разделяешь, когда из великого богатства более сохраняешь для чрева, нежели даешь Господу. Так и Анания, упоминаемый в книге Деяний Апостольских, думал, что он праведно принес; но, неправо разделив, потерял и те деньги, которые принес, и те, кои оставил дома; — потерял не только деньги, но и спасение. Ибо когда он похитил часть из обещанного, то в одно и тоже время был обличен в святотатстве и обмане. В святотатстве, потому что солгал пред Богом в своем обещании; — в обмане, потому что решился утаить некоторую часть из целого дара. Ибо Апостол Петр сказал ему: *не человеком солгал еси, но Богу* [Деян, 5, 4].

Итак, братие, если Анания осужден за то, что не все отдал, что сам обещал из своего имения: то что будет тому, кто не хочет отдать обещанного другим? Итак, братие, не упускайте из виду того, что вами обещано Богу, когда вы в первый раз приняли благодать веры. Вот в нашем городе много странных и пришельцев, делайте то, что обещали, дабы и вам, как Анании, не было сказано: вы солгали не человекам, но Богу.

Святой Амвросий Медиоланский. Слово о взаимной любви христиан. // Журнал «Христианское чтение». СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1837. Часть IV. С. 28-34.

Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин

ЦЕЛЬ И КОНЕЦ ПОДВИЖНИЧЕСТВА

Конец нашей подвижнической жизни есть Царство Божие, а цель — чистота сердца, без которой невозможно достигнуть того конца. К этой цели приковав взор наш, и должны мы направлять наивернейше течение наше, как по прямой линии, и если хотя несколько помышление наше

уклонится от ней, тотчас возвращаясь к созерцанию ее, исправлять его, как по норме какой.

Так учит св. Павел, когда к принявшим благое иго Христово говорит: *имате плод ваш во святыне, кончину же – жизнь вечную* [Рим. 6, 22], Этим он сказал как бы: цель ваша – в чистоте сердца, а конец – жизнь вечная. Итак, что может нас направить к сей цели, т.е. к чистоте сердца, тому мы следовать должны всею силою, а что отвлекает от ней, того избегать, как губительного и вредного. Ибо для ней все подъемлем мы и делаем; для ней оставляются родители, отечество, чины, богатство, утехи мира сего и все удовольствия, – чтобы т.е. сохранно удерживать постоянную чистоту сердца. Если посему будем мы всегда иметь во внимании эту цель, то все действия наши и помышления будут направляться прямо к достижению ее. Если же она не будет неотходно стоять пред очами нашими, то все труды наши и силы, не будучи направляемы на одно это, напрасно будут иждиваемы.

Святой Иоанн Кассиан. Цель и конец подвижничества. // Добротолюбие. Т.2. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1992. С.7-8.

Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин

О БОЖЕСТВЕННОЙ БЛАГОДАТИ И СВОБОДНОМ ПРОИЗВОЛЕНИИ, КАК ПРОИЗВОДИТЕЛЯХ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

Мы всегда должны быть твердо уверены, что никак не можем достигнуть совершенства своими трудами и подвигами, хотя бы со всею неутомимостью упражнялись во всякой добродетели. Одни человеческие усилия не могут иметь такой цены и силы, чтобы возводить на высоту святости и блаженства, если Сам Господь не будет притом содействовать нам и направлять сердце наше к тому, что для нас полезно. Потому в каждое мгновение мы должны взывать к Богу с Давидом: *соверши стопы моя во стезях Твоих, да не подвижутся стопы моя* [Пс. 16, 5], – дабы сей невидимый правитель духа человеческого обращал произволение наше к добродетели, так как оно более склонно к пороку, то по неведению добра, то по обольщению страстей. Это очень ясно выражено Пророком в одном стихе песни: *отриновен превратихся пасты: и Господь прият мя* [Пс. 117, 13]. Первым полустигшием означает нетвердость нашего произволения; а

вторым – всегда готовая нам помощь от Господа, Который всякий раз, как начинаем колебаться, простирает к нам руки Свои, поддерживает и утверждает, чтоб иначе с одним своим произволением не пали мы совершенным падением. – Так ни один праведник не имеет в себе достаточно сил стяжать праведность; непрестанно колеблется он и в каждое мгновение готов пасть. Потому милость Господня подкрепляет его рукой Своею, чтобы иначе, подвергшись падению по слабости произволения, совершенно не погиб он в падении своем (Собес. 3, 12). И кто будет столько самонадеян и слеп, чтоб думать, что не имеет нужды в непрестанном содействии Божию, когда Сам Господь в Евангелии ясно *научает: якоже розга не может плода сотворити о себе, аще не будет на лозе: тако и вы, аще во Мне не пребудете: без Мене не можете творити ничесоже* [Ин. 15, 4-5]? Как же неразумно, даже святотатственно, присваивать какие-нибудь добрые дела своим усилиям, а не благодати и содействию Божию, когда Господне изречение свидетельствует, что без Его содействия никто не может приносить духовных плодов (Соб. 3, 16)?

Веруем потому, что как начало благого расположения полагается в нас особым внушением Божиим, так равно совершение добродетелей подается Им же; наше же дело с большею или меньшею готовностью покоряться внушению Божию и принимать Его помощь. Мы заслуживаем награду, или достойное наказание, судя по тому, не радим ли, или с благоговейною покорностью заботимся соображаться с распоряжениями и промышлением Божиим, простертым на нас благодетельным благоволением Его. Это ясно выразилось в исцелении Иерихонских слепых. Что Господь проходил мимо их, это есть благодать Божественного Промышления и снисхождения. Но что они взывали: *помилуй ны, Господи, Сыне Давидов* [Мф. 20, 31], это дело их веры и упования; самое же прозрение опять от милосердия Божия (Соб. 3, 19).

Земледелец, хотя много трудится над возделыванием земли, но не может ожидать обильного плода, если на обработанную землю не падет благовременный дождь и не будет благоприятной погоды. Итак, как ленивым земледельцам, которые не стараются обрабатывать свою землю, Бог не дает плода, так и трудолюбивым не принесет пользы повсечасная забота, если не поблагопоспешит им милосердие Божие. Так и в деле жизни по Богу и свои труды нужны, но если благодать Божия не поблагопоспешит, ни в чем не успеем. Исповедуй же, что Бог есть

начальный виновник не только дел, но и помышлений благих: Он внушает нам и Свою волю Святую, и дает силу и удобный случай исполнить то, чего правильно желаем; *ибо всякое даяние благо и всяк дар совершен свыше есть, сходяй от Отца светов* [Иак. 1, 17] (Соб. 13, 3).

Воля Божия всегда желает, чтобы созданный Им человек не погиб, но вовеки жил. Бог, если заметит в нашем сердце хоть искру расположения к добру, по благосердию Своему не даст ей угаснуть; но желая, чтобы все спаслись и в разум истины пришли, всячески способствует к тому, чтобы она обратилась в пламя. Благодать Божия близка ко всем; она всех без изъятия призывает ко спасению и к тому, чтобы все пришли в познание истины, ибо говорит: *придите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии и Аз упокой вы* [Мф. 11, 28] (Собес. 13, 7).

Уму человеческому не понятно, как это спасение принадлежит и нашему произволению, ибо говорится: *еще хотите и послушаете Мене, благая земли снесите* [Ис. 1, 19], и вместе оно есть дело *ни хотящего, ни текущего, но милующего Бога* [Рим. 9, 16], – как это Бог имеет воздать каждому по делам его, и вместе Он же есть – *и еже хотети, и еже деяти о благоволении* [Флп. 2, 13], – почему это нам повелевается *сотворить себе сердце ново и дух нов* [Иез. 18, 31], и вместе говорится: *и дам вам сердце ново и дух нов дам вам* [Иез. 11, 19]. Не трудно будет решить сии сомнения, если мы будем помнить, что в деле спасения нашего участвует и благодать Божия и свободное произволение наше, и что человек, хотя может иногда желать добродетели, но чтобы исполнить желания сии, всегда нуждается в помощи Божией; подобно как для больного недостаточно одного желания быть здоровым, но нужно, чтобы податель жизни – Бог дал силы к восстановлению здоровья. Чтобы совершенно увериться в том, что и от природной способности, данной милосердным Творцом, возникающие добрые желания можно исполнить только при помощи Божией, для того довольно вспомнить слова Апостола: *еже хотети, прилежит ми, а еже содеяти доброе, не обретаю* [Рим. 7, 18] (Соб. 13, 9).

Многие спрашивают, когда в нас действует благодать, – тогда ли, когда обнаруживается в нас доброе желание, или доброе желание тогда в нас обнаруживается, когда посетит нас благодать Божия? Опыт и то и другое оправдывает: Савл и Матфей мытарь не сами возжелали, но пожелали по призванию; Закхей и разбойник на кресте своим желанием

предварили дело благодати. Так и положить надлежит: когда Бог видит, что мы хотим склониться к добру, то направляет и укрепляет нашу готовность; но если мы не хотим добра, или охладели к нему, то делает нам спасительные внушения, чрез кои доброе расположение образуется, или возобновляется (Соб. 13, 11).

Не должно думать, что природа человеческая способна к одному только злу. Творец всеял в души наши семена всех добродетелей, но для возрастания их нужны воздействия со стороны Бога; так однако, что в человеке всегда пребывает свободное произволение принимать или не принимать сии благодатные воздействия. Если бы совсем не зависело от нас устройство нашего спасения, то Апостол не сказал бы: *со страхом и трепетом свое спасение содевайте*; но если бы все зависело от одних, то Он не присовокупил бы: *Бог бо есть действующий в вас и еже хотети и еже деяти о благоволении* [Флп. 2, 12-13]. Благодать Божия и предваряет нас, ибо Пророк говорит: *Бог мой, милость Его предварит мя* [Пс. 58, 11], – и последует за нашею волею, почему и говорится: *и утро молитва моя предварит Тя* [Пс. 87, 14] (Соб. 13, 12).

Благодать Божия всегда направляет волю нашу в добрую сторону так однако, что и от нас требует или ожидает соответственных усилий. Чтобы не дать даров своих беспечным, она выискивает случаи, которыми пробуждает нас от холодной беспечности; чтобы щедрое сообщение даров ее не казалось беспричинным, сообщает их после нашего возжелания и труда. При всем том однако благодать всегда дается даром, потому что за малые наши усилия воздает с безмерною щедростью. Посему, сколько бы ни были велики труды человеческие, все они не могут сделать благодать не туне-даемою. Апостол языков, хотя говорил, – что он *потрудился на чужих* *Апостолов*; впрочем присовокупляет, что труды эти не ему принадлежат, а *благодати Божией, которая с ним* [1 Кор. 15, 10]. Таким образом словом: *потрудились*, он выражает усилия своей воли; словами: *не аз, но благодать Божия* – Божественное содействие, а словом: *со мною* – показывает то, что благодать содействовала ему, не в праздности и беспечности пребывающему, а тогда, как он трудился (Соб. 13, 13).

Бог многоразличными и непостижимыми способами устроит спасение наше: в желающих и ищущих спасения Он усиливает желание, а в не имеющих желания возбуждает оное; помогает исполнению спасительных желаний наших, – и вдыхает святые желания, или

утверждает их. Почему в молитвах своих мы именуем Его и Покровителем и Спасителем и Помощником. Он подобно нежнейшему Отцу и сострадательному Врачу, во всех нас все производит: у иных Он производит начало спасения и воспламеняет усердие к Нему, у других приводит к концу дела, и добродетели к совершенству, – иных удерживает от близкого падения, а другим подает случаи и удобства ко спасению, – иным, хотящим и текущим, вспомоществует, других, не хотящих и противящихся, привлекает и склоняет к доброму расположению: всюду производит все – возбуждая, содействуя и утверждая, – но без нарушения данной Им же свободы (Соб, 13, 18).

Святой Иоанн Кассиан. О Божественной благодати и свободном произволении, как производителей духовной жизни. // Добротолюбие. Т.2. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1992. С. 125-130.

Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин

ОБЩЕЕ ОЧЕРТАНИЕ СТРАСТЕЙ И БОРЬБЫ С НИМИ

Главных страстей восемь: чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие, гордость.

Страсти бывают *двух родов*: естественные, вырождающиеся из естественных потребностей, как напр. чревоугодие и блуд, и не естественные, не коренящиеся в естестве, как напр. сребролюбие. *Действия* же их проявляются *четверояко*: некоторые действуют только в теле и чрез тело, как чревоугодие и блуд, – а некоторые проявляются и без содействия тела, как тщеславие и гордость; далее, иные возбуждаются со вне, как сребролюбие и гнев, – а иные исходят из внутренних причин, как уныние и печаль. Такого рода обнаружение действия страстей подает повод допустить в них еще два рода, – деля их на плотские и душевные: плотские в теле зарождаются и тело питают и услаждают; а душевные из душевных склонностей исходят и душу питают, на тело же нередко действуют разрушительно. Эти последние врачуются простым врачеванием сердца внутренним; а плотские двояким лекарством врачуются, – и внешним и внутренним.

Поясним нечто из сказанного более пространным рассуждением. Страсти чревоугодия и блуда, коренясь в теле, возбуждаются иногда без содействия души, по одному раздражению потребностей, из коих исходят; но влекут и душу по ее связи с телом. Для обуздания их недостаточно одного напряжения душевного против них вооружения, но надо при сем укрощать и самое тело постом, бдением, истомлением посредством труда; нужно бывает и временное уединение, а нередко и совсем отшельничество. Ибо как они происходят от порочности души и тела, то и побеждены быть могут не иначе, как трудом обоих. – Тщеславие и гордость зарождаются в душе без посредства тела. Ибо какую нужду имеет тщеславие в телесном чем, когда из-за одного желания похвал и славы доводит до падения плененную им душу? Или какое телесное действие имело место в возгордении люцифера, когда он зачал его в одной душе и помышлении, как говорит Пророк: *ты говорил в сердце своем: взыду на небо... и буду подобен Всевышнему* [Ис. 14, 13-14]. Не имел он в такой гордости подстрекателя совне; она и зародилась и созрела вся внутри его.

Эти восемь страстей, хотя имеют разное происхождение и разные действия, однако шесть первых, т.е. чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние соединены между собою особым неким сродством, по коему излишество предыдущей дает начало последующей. Ибо от излишества чревоугодия необходимо происходит блудная похоть, от блуда сребролюбие, от сребролюбия гнев, от гнева печаль, от печали уныние. Потому против них надо сражаться тем же порядком, переходя в борьбе с ними от предыдущих к последующим: чтоб победить уныние, сначала надо подавить печаль; чтоб прогнать печаль, прежде нужно подавить гнев; чтоб погасить гнев, нужно попрасть сребролюбие; чтоб исторгнуть сребролюбие, надо укротить блудную похоть; чтоб подавить блудную похоть, надо обуздать страсть чревоугодия. И остальные две страсти, тщеславие и гордость, – таким же способом соединяются между собою, т.е. усиление первой из них дает начало другой, от чрезмерного тщеславия рождается страсть гордости; таким же порядком и победа над ними приобретается, т.е., чтоб истребить гордость надобно подавить тщеславие. Но с теми шестью страстями они не соединяются родовым образом; ибо не от них рождаются, а напротив по истреблении их. В эти две страсти мы впадаем особенно после победы и восторжествования над прочими страстями. – Впрочем, хотя эти восемь страстей в таком между собою

находятся отношении, как теперь показано, однако частнее они разделяются на четыре союза: блудная похоть особенным союзом соединяется с чревоугодием, гнев со сребролюбием, уныние с печалью, гордость с тщеславием.

Каждая из страстей не в одном виде проявляется.

Так, чревоугодие бывает трех видов: или порождает пожелание *есть* прежде установленного часа, — или ищет многоястия до объедения, не разбирая качеств пищи, или требует лакомой пищи. Отсюда беспорядочное ястие, похоть, обжорство и сластолюбие. От этих трех происходят разные злые недуги в душе: от первого рождается досадование на монастырский устав, — от этого досадования возрастает недовольство жизнью в монастыре до несносности, за которою скоро следует обычно и бегство из монастыря; от второго возбуждается плотская похоть и сладострастие; а третье ввергает в сребролюбие и не дает места нищете Христовой.

Блудной страсти три вида: первый совершается чрез смешение одного пола с другим; второй производится без смешения с женщиною, за который от Господа был поражен Онан, сын Патриарха Иуды [Быт. 38, 9-10], и который в Писании называется нечистотою; третий производится умом и сердцем, о котором Господь в Евангелии говорит: *кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем* [Мф. 5, 28]. Эти три вида блаженный Апостол указал в следующем стихе: *умертвите удоы ваша, яже на земли: блуд, нечистоту, похоть и проч.* [Кол. 3, 5].

Сребролюбия три вида: в первом оно не дает отрекающемуся от *мира* обнажиться от всякого имущества; во втором оно заставляет того, *кто все* уже раздал бедным, снова приобретать такое же имущество; в третьем оно разжигает желание к приобретениям и того, кто ничего прежде не имел.

Три вида и гнева: первый тот, который пылает внутри; второй тот, который прорывается в слово и дело; третий тот, который горит долгое время, и называется злопамятством.

Печали два вида: первый — что посещает по прекращении *гнева*, или причиняется нанесенными убытками и потерями, и неисполнением желаний; второй происходит от опасений и страхов за свою участь, или от неразумных забот.

Уныния два вида: один ввергает в сон, — а другой гонит из кельи.

Тщеславие хотя многовидно, однако главных у него два вида: в первом превозносимся плотскими преимуществами и видимыми вещами; а во втором воспламеняемся желанием суетной славы из-за духовных предметов.

Гордости два вида: первый плотской, второй – духовный, который губительнее первого. Он особенно искушает тех, которые преуспели в некоторых добродетелях.

Хотя эти восемь страстей искушают весь род человеческий; впрочем не на всех одинаковым образом нападают. Ибо в одном главное место занимает дух блуда; в другом преобладает гневливость; в ином властвует тщеславие; а в другом гордость господствует: так что хотя все страсти на всех нападают, но каждый из нас различным образом и порядком раболепствует им.

Посему нам надобно вести брань с этими страстями так, чтобы всякий, открыв, какая страсть особенно вредит ему, против нее главным образом направлял и борьбу, употребляя всякое старание и заботу для наблюдения за нею и подавления ее, против нее направляя копья ежедневных постов, в нее бросая ежеминутно стрелы сердечных стенаний и воздыханий, и непрестанно проливая слезы в молитве к Богу о прекращении мятущей его брани. Ибо никто не может восторжествовать над какой-либо страстью, пока не убедится, что своим тщанием или трудом не может одержать победу над нею; хотя при том ему, чтоб очиститься от нее, и самому необходимо день и ночь пребывать во всяком труде и всякой заботе о том.

Когда такой борец почувствует, что освободился от первейшей своей страсти, тогда опять должен с полным вниманием рассмотреть тайники своего сердца, чтоб увидев, какая за тем еще есть в нем сильнейшая сравнительно с остальными страсть, против нее в особенности подвигнуть все духовные оружия. Побеждая таким образом всякий раз первейшие в себе страсти, он скорее и легче будет одерживать победу над остальными, низшими их.

Когда одержишь победу над одною или несколькими страстями, не должно тебе превозноситься сею победою. Иначе Господь, увидев надмение сердца твоего, перестанет ограждать и защищать его, – и ты, оставленный Им, опять начнешь быть возмущаем тою же страстью, какую победил было при помощи Благодати Божией. И Пророк не стал бы молиться: *не предай Господи, зверям душу, исповедующуюся Тебе* [Ис. 73,

19], – если б не знал, что возносящиеся сердцем опять предаются страстям, которые победили, чтоб смирились.

*Святой Иоанн Кассиан. Общее очертание страстей и борьбы с ними.
// Добротолюбие. Т.2. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1992. С. 16-20.*

Блаженный Феодорит Кирский

О БОЖЕСТВЕННОЙ И СВЯТОЙ ЛЮБВИ

Любовь к Богу делает подвижников способными простираться далее пределов естества; и распалемые огнем свыше, с любовию переносят они приращение стужи и небесною же рососою умеряют зной солнечных лучей. Любовь питает, напоевает, одевает, окрыляет их, она научает их летать, делает способными воспарять выше неба и сколько вместиимо для них, открывает им Возлюбленного, представлением сего созерцания распалает желание, возбуждает приверженность и возжигает сильнейший пламень. Как увлекаемые плотскою любовию в зрении любимого находят пищу своей приверженности и тем усиливают оную страсть, так уязвляемые Божественною любовию, представляя оную Божественную и чистую Лепоту, стрелы любви делают более острыми и, чем более вожделевают насладиться, тем более далеки бывают от насыщения. За плотским удовольствием следует пресыщение, а любовь Божественная не допускает законов насыщения.

Таков был великий законоположник Моисей: он, неоднократно, сколько доступно сие человеку, сподобившись Божественного созерцания, неоднократно насладившись блаженным гласом, сорок дней непрерывно пребыв внутри мрачного облака и прияв Божие законоположение, не только не ощутил сытости, но приобрел еще более сильное и теплое вожделение. Как бы в усыпление какое впал от упоения этою любовию и, приведенный в крайнее самозабвение сею приверженностию, не знал он собственного своего естества, вожделевал же видеть, что и непозволительно видеть; как бы не представляя в уме Божия владычества и помышляя об единой любви, изрек он Богу всяческих: се, Ты мне глаголеши... и вем Тя паче всех, и благодать имаши у Мене: аще убо обретох благодать пред Тобою, яви ми Тебе Самого, да разумно вижду Тя [Исх. 33, 12-13]. В такое упоение приведен он был Божественною любовию, и упоение сие не угасило жажды, но сделало ее еще более

сильною; прибавление пития послужило к возбуждению большего вожделения, с наслаждением увеличилось пожелание. Как огонь: чем больше дают ему горючего вещества, тем большую оказывает действенность, потому что с сим прибавлением вещества увеличивается, а не ослабевает - так и любовь к Богу распаляется созерцанием Божественного и получает оттого более сильную и горячую действенность. И чем более занимается кто Божественным, тем паче разжигает в себе пламень любви...

Сию-то возлюбив красоту, посредник и невестоводитель невесты сей, богомудрый Павел изрек сие исполненное любви слово: Кто ны разлучит от любви Божия; скорбь ли, или теснота, или гонение, или глад, или нагота, или беда, или меч; якоже есть писано: яко Тебе ради умерщвляеми есмы весь день: вменихомся якоже овцы заколения [Рим. 8, 35-36]. Потом показывает и причину терпения; ибо говорит: во всех сих препобеждаем за возлюбльшаго ны [Рим. 8, 37]. Приемля во внимание, кто мы и каких насладились благ, рассудив, что не мы первые возлюбили, но сами возлюблены и потом уже воздали любовьию, и возлюблены, когда ненавидели, врази бывше примирихомся [Рим. 5, 10], и не сами умолили сподобить нас сего примирения, но дан нам ходатаем Единородный, и мы, оскорбившие, утешены оскорбленным; а сверх этого представив в уме Животворящий Крест Распятого за нас, спасительные страдания, прекращение мучительства смерти, дарованную нам надежду воскресения - все сие и подобное сему приемля во внимание, препобеждаем встречающиеся нам скорби и, памятование благодеяний противопоставляя временному злостраданию тела, с любовью переносим приращение горестного; потому что сравнивая печали житейские с любовью ко Владыке, находим их крайне легкими. Если соберем вместе все мнимые приятности и удовольствия, то противопоставляемая им Божественная любовь показывает, что они несостоятельнее тени и кратковременнее весенних цветов.

Сие Апостол ясно выражает, как в приведенных уже словах, так и в том, что говорит далее: Известихся бо, говорит он, яко ни смерть, ни живот, ни Ангели, ни Начала, ниже Силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни ина тварь кая возможет нас разлучити от любви Божия, яже о Христе Иисусе Господе нашем [Рим. 8, 38-39]. Поелику выше, представив только одно печальное, сравнивал скорбь, тесноту,

гонение, глад, наготу, беду, меч, т.е. насильственную смерть, то здесь справедливо к скорбному прилагает и радостное, к смерти - жизнь, к чувственному - мысленное, к видимому - невидимые силы, к настоящему и преходящему - будущее и постоянно пребывающее; сверх же того - глубину геенны и высоту Царствия; но сравнив это и нашедши, что все: и печальное, и радостное - уступает любви и что утрата любви нестерпимее мучения в геенне и показав, что если бы только было это возможно, то при любви Божественной и угрожающее мучение предпочел бы он обетованному Небесному Царству без любви, Апостол в упоении любовью, доискивается и несуществующего и усиливается даже это сравнивать с любовью к Богу, ибо говорит: ни высота, ни глубина, ни иная тварь, какая возможет нас разлучити от любви Божия, яже о Христе Иисусе Господе нашем, т.е. не только всему в совокупности: видимому и невидимому - предпочитаю любовь к Спасителю и Искупителю, но если бы открылась и другая какая тварь, высшая и лучшая этой, и та не убедит меня изменить любви. Но если кто предложит мне и радостное, только без любви - не приму. А если кто за любовь причинит мне и скорби, они будут для меня вожделенны и крайне любезны. И ради любви для меня голод приятнее всякого наслаждения, гонение сладостнее мира, нагота привлекательнее багряницы и златотканых одежд, беда усладительнее всякой безопасности, насильственная смерть предпочтительнее всякой жизни, потому что самая причина страданий делается для меня отрадою, так как невзгоды сии приемлю за Возлюбившего и вместе Возлюбленного...

Посему приивший Божественную любовь пренебрегает всем в совокупности земным, попирает все плотские удовольствия, презирует богатство и славу и честь от людей, думает, что и багряница ничем не отличается от паутины, драгоценные камни уподобляет рассыпанным на берегу кремням, телесного здравия не почитает блаженнейшим состоянием, бедности не именует несчастьем, благополучия не измеряет богатством и роскошью, но справедливо думает, что все это подобно всегда речным струям, которые протекают мимо насажденных на берегах дерев и ни при одном из них не останавливаются. Ибо бедность и богатство, здоровье и болезнь, честь и бесчестие, и все иное, чем сопровождается естество человеческое, как усматриваем, подобно речным струям, не всегда пребывают у одних и тех же, но меняют обладателей и

непрестанно переходят от одних к другим. Многие после обилия впадают в крайнюю бедность, а многие из нищих входят в число богатых. Да и болезнь и здоровье ходят, так сказать, по всяким телам, томятся ли они голодом или роскошествуют. Добродетель же и любомудрие - единственное постоянное благо. Любомудрия не одолевает и рука грабителя, и язык клеветника, и туча вражеских стрел и копий. Не бывает оно добычею горячки, игрушкою волн и не терпит урона от кораблекрушения. Время не умаляет, но увеличивает его силу. А пищею для него любовь к Богу... Боголюбивый пренебрегает всем иным и, взирая только на Возлюбленного, угождение Ему предпочитает всему в совокупности: то одно говорит, и делает, и помышляет, что угодно и благоприятно Возлюбленному; отвращается же всего того, что запрещает Он.

Божественною любовью водясь и украшаясь, все собратство Пророков преуспело в совершеннейшей добродетели и оставило по себе приснопамятную славу. Да и лик Апостолов, и сонмы мучеников, прирав в себя этот огонь, презрели все видимое и всем приятностям жизни предпочли бесчисленные роды смертей. Возлюбив Божественную лепоту, размыслив о Божией к нам любви, представив в уме тысячи благодеяний, вменили они в стыд себе не вождеть оной неизреченной лепоты и соделаться неблагодарными к Благодетелю. Посему-то завет свой с Ним сохранили до смерти...

И мы воспримем сию любовь и привлекаемые красотою Жениха, вождевая обетованных благ, подвижные множеством благодеяний и убоявшись подпасть ответственности за неблагодарность, соделаемся любителями и хранителями Его законов.... Явственный признак любви к Богу - соблюдение Божественных Его Законов: кто любит Мя, слово Мое соблюдет, сказал Владыка Христос [Ин. 14, 23].

Блаженный Феодорит епископ Кирский. Десять глав о Промысле. - М.: Благовест, 1996. С. 201-223.

Преподобный Макарий Великий

О ХРАНЕНИИ СЕРДЦА

Как может, кто бы то ни был, сказать: «поелику пощусь, веду странническую жизнь, раздаю имение свое; то я свят?» Ужели кто свят, не

очистив внутреннего человека? Ибо очищение есть не одно воздержание от худых дел, но приобретение совершенной чистоты, чистоты в совести. Напряги, человек, помыслы свои, и войди к этому пленнику и рабу греха — уму твоему, и рассмотри этого, на самом дне твоего ума, во глубине помыслов, в так называемых тайниках души твоей, пресмыкающегося и гнездящегося змия, который убил тебя, поразив главнейшие члены души твоей; потому что сердце есть необъятная бездна. И если убьешь сего змия; то хвались чистотою пред Богом. А если нет; то, смирившись, как нуждающийся и грешный, умолай Бога о тайных твоих.

Истинная смерть сокрывается внутри, в сердце; и человек умерщвлен внутренне. Посему, если кто в тайне прешел *от смерти в живот* [Ин. 5, 24]; то истинно во веки он живет, и не умирает. Даже если тела таких и разрушаются на некоторое время; то, поелику они освящены, восстанут со славою. Почему, успение Святых и называем сном.

Все усилие сопровитника в том, чтобы придти ему в состояние отвлечь ум наш от памятования о Боге и от любви Божией, употребляя к тому земные приманки, и от действительно прекрасного отвращая нас к мнимому, а недействительно, прекрасному. Ибо всякое доброе дело, если и сделает человек оное, лукавый готов очернить и осквернить, усиливаясь примешать к заповеди собственное всеяние тщеславия или самомнения, чтобы делаемое добро совершалось не ради Бога, и не по добромu только усердию.

Итак, что же, и как начать нам, никогда не входившим в сердце? Стоя вне, будем ударять постом и молитвою, как повелел Господь, сказав: *толцыте, и отверзется вам* [Мф. 7, 8]. Ибо если пребудем в слове Господнем, в нищете, в смиренномудрии, во всех заповедях требуемых добродетелях, день и ночь ударяя в духовную дверь Господню: то возможем приобрести искомое; потому что можно получить избавление чрез сию дверь всякому, кто хочет избежать тьмы. Там обретает он свободу души, восприимлет ее помыслы и возможность стяжать небесного Царя Христа...

Много потребно борения и тайного невидимого труда, чтобы испытывать помыслы, и изнемогшие чувства души нашей обучить долгим учением *в рассуждение добра же и зла* [Евр. 5, 14]. Непрестанным возбуждением ума к Богу должно оживлять изнемогшие члены в душе; потому что ум наш призывается к тому, да будет, по изречению Павлову,

всегда *един дух с Господом* [1 Кор. 7, 17]. Сие же тайное борение, и размышление о Господе, и труд сей надобно нам иметь день и ночь при всяком исполнении заповеди, молимся ли мы, едим ли, служим ли, пьем ли, другое ли что делаем, чтобы всякое доброе начинание, нами совершаемое, совершалось в славу Божию. Ибо все сообразные с заповедями дела наши освящаются и в чистоте нами совершаются непрестанным памятованием о Боге, страхом и любовию к Нему; и тогда бывает уже вне влияний сквернящего делаемое по заповедям Божиим...

Касательно же видимого подвижничества и того, какое доброе предначинание выше и есть самое первое, знайте, возлюбленные, что все добродетели одна на другой держатся, и взаимно между собою связаны, и как бы в некоей священной духовной цепи одна от другой зависят: молитва от любви, любовь от радости, радость от кротости, кротость от смирения, смирение от служения, служение от упования, упование от веры, вера от послушания, послушание от простоты. Как и с противной стороны, пороки один другим производятся: ненависть раздражительностью, раздражительность гордостью, гордость тщеславием, тщеславие неверием, неверие жестокосердием, жестокосердие нерадением, нерадение разлениением, разлениение небрежностью, небрежность унынием, уныние малодушием, малодушие сластолюбием, и прочие пороки взаимно один от другого зависят: так и на доброй стороне добродетели во взаимной между собою зависимости. Глава же всякой добродетели и верх добрых дел есть постоянное пребывание в молитве; чрез нее, испрашивая у Бога, можем ежедневно приобретать и прочие добродетели.

Если не будут украшать нас смиренномудрие, простота и благость; то никакой не принесет нам пользы молитвенная наружность. Говорим это не только о молитве, но и о всяком подвиге, или труде, или девстве, или молитве, или о каком бы то ни было подвиге и делании, совершаемом ради добродетели. Если не находим в себе обильных плодов любви, мира, радости, кротости, смирения, простоты, искренности, веры и долготерпения: то тщетны и напрасны были все наши подвиги; потому что всякое таковое делание и все сии подвиги должны совершаться ради плодов. Если же не оказывается в нас плодов любви и мира; то вотще и напрасно совершается все делание. Делющие без плодов в день суда окажутся подобными пяти юродивым девам, которые, поелику в сосудах сердца не принесли отсюда духовного елца, то есть, исчисленных выше

добродетелей, то за сие самое названы юродивыми, и не допущены в духовный чертог царствия. За недостаток добродетелей, за то, что не имели в себе явственного обитания Духа, и самый подвиг девства вменен ни во что. Как при возделывании виноградника все попечение прилагается для того, чтобы насладиться плодами; а как скоро не оказывается плодов в винограднике, — весь труд возделывания становится тщетным и напрасным: так, если, при действенности Духа, духовным чувством со всей несомненностью не познаем в себе плодов любви, мира, радости, смирения и прочих, исчисленных Апостолом, добродетелей [Гал. 5, 22], то напрасен подвиг девства, и труд молитвы, псалмопения, поста, бдения оказывается ни к чему не служащим; потому что душевные и телесные сии труды должны быть совершаемы в надежде духовных плодов. Плодоношение же Духа в добродетелях есть духовное наслаждение ими с нарастающим удовольствием для сердец верных, в которых действует Дух. С великою разборчивостью разумения да оцениваются делание, труд и все естественные подвиги, чрез веру и упование производимые в достойных Духом Святым. Прекрасное дело — пост, бдение, странническая жизнь; даже это — цвет доброго жития. Впрочем, есть более внутренний чин христиан, и никто не должен возлагать упование на сии одни дела. Случается же, что некоторые бывают причастниками благодати, и живущий еще в них порок хитрит, добровольно уступает место и не действует, но заставляет человека думать, что ум его стал чист и вводит уже его в самомнение, и говорит он: «совершенный я христианин». А потом, когда человек подумает о себе: «я уже свободен» и предается нерадению; тогда кроющийся порок наступает на человека разбойнически, искушает его и низводит до преисподних земли. Если и люди, не раз занимавшиеся разбоем, или бывшие воинами, умеют хитрить над неприятелями, делают засады, скрываются, заходят в тыл врагам, и внезапно их окружают и убивают; то кольми паче злоба, которая столько тысячелетий занимается сим делом и губит столько душ, умеет укрыться в сердце, не действовать до времени, чтобы ввести душу в самомнение о своем совершенстве.

Кто хочет прийти ко Господу, сподобиться вечной жизни, стать жилищем Божиим и удостоиться Святого Духа, тот, чтобы ему быть в состоянии неукоризненно и чисто творить плоды по заповедям Господним, должен положить такое начало. Во-первых должно ему твердо уверовать в

Господа, всецело посвятить себя словесам заповедей Его, во всем отречься от мира, чтобы ум совершенно не был занят ничем видимым; всегда надлежит ему пребывать в молитве и не отчаиваться, ожидая непрестанно посещения и помощи от Господа и во всякое время имея сие целью ума своего. Потом надобно ему всегда принуждать себя ко всему доброму, к соблюдению всех заповедей Господних, хотя бы и не желало того сердце по причине пребывающего в нем греха; например, принуждать себя быть смиренномудрым пред всеми людьми, почитать себя всех низшим и худшим, не ища ни от кого чести, или похвалы, или славы, как написано в Евангелии [Ин. 5, 44], но иметь всегда пред очами единого Господа и заповеди Его, желая угождать Ему единому. Подобно сему пусть, хотя бы и не хотело сердце, принуждает себя к кротости, как говорит Господь: *научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим* [Мф. 11, 29]; а также, по мере сил, с принуждением пусть приучает себя быть милостивым, снисходительным, человеколюбивым, добрым, как говорит Господь: *будьте добры и снисходительны, якоже и Отец ваш небесный милосерд есть* [Лк. 6, 36]; и еще говорит: *еще любите Мя, заповеди Моя соблюдайте* [Ин. 14, 15]; и еще: принуждайте себя; потому что *нуждницы восхищают царствие небесное* [Мф. 11, 12], и: *подвизайтесь внити сквозе тесная врата* [Лк. 13, 24]. Да имеет же человек всегда пред очами, как незабвенный образец во всегдашней памяти, Господне смирение и жизнь, и обращение с людьми. И, сколько есть сил, да принуждает себя постоянно пребывать в молитвах, во всякое время прося с верою, чтобы Господь пришел и вселился в нем, усовершил и укрепил его во всех заповедях Своих, и чтобы душа его соделалась обителью Иисуса Христа.

И таким образом, если что делает теперь с принуждением и против желания сердца, стараясь приобучать себя на всякий час к добру, всегда памятовать о Господе и ежечасно ожидать Его в великой благодати и любви; то Господь, видя такое его произволение и доброе рачение, как он непрестанно принуждает себя к памятованию о Нем и ко всему доброму, к смиренномудрию, к кротости, к любви, как стесняет не хотящее сердце и, сколько есть сил, понуждает себя идти вперед, то, говорю, Господь сотворит с ним милость Свою, избавит его от врагов его и от живущего в нем греха, исполняя его Духом Святым. И таким образом, без принуждения уже и без всякого труда всегда будет он в самой истине

исполнять заповеди Господни, лучше же сказать, сам Господь совершит в нем заповеди Свои и плоды Духа, как скоро человек плодоприносит в чистоте. Но надобно, чтобы приступающий к Господу, даже против желаний сердца, сперва принуждал себя к добру, постоянно с несомненною верою ожидая милости Господней; принуждал себя быть милосердным, иметь сострадательное сердце, принуждал себя переносить пренебрежение, быть великодушным, когда унижают, или бесчестят, не гневаться, по сказанному: *не себе отмищающе возлюбленнии* [Рим. 12. 19], принуждал себя к молитве, не имея еще молитвы духовной. И тогда Бог, видя, что подвигается он столько и с усилием, даже против воли сердца, направляет себя к добру, даст ему истинную Христову молитву, даст *утробы щедрот*, истинную доброту, одним словом, соблюдет ему плод духовный. А если кто, не имея молитвы, принуждает себя только к молитве, чтобы получить благодатную молитву, а к смирennemудрию, к любви и к соблюдению прочих Господних заповедей не принуждает себя; то иногда, по прошению его, дается ему благодатная молитва, даже отчасти в упокоении и весельи, но нравами уподобляется он тому же, чему и прежде был подобен. Ибо не имеет он кротости, потому что не взыскал ее с трудом, и не приуготовлял себя быть кротким; не имеет смирennemудрия, потому что не просил и не принуждал себя к этому; не имеет любви ко всем, потому что не имел о сем попечения, и не искал сего усиленно в молитвенном прошении. Ибо каждому, кто приневольивает и нудит себя, даже против желания сердца, к молитве, надобно также принуждать себя и к любви, и к кротости, и ко всякому терпению, и великодушию, по написанному, с радостью; а таким же образом надобно принуждать себя к унижению, к тому, чтобы почитать себя худшим и низшим всех, чтобы не беседовать о бесполезном, но всегда поучаться в словесах Господних и их изрекать устами и сердцем. Еще надобно принуждать себя к тому, чтобы не раздражаться, по сказанному: *всяка горесть, и гнев, и клич да возмется от вас со всякою злобою* [Еф. 4, 31], чтобы таким образом Господь, видя произволение человека, дал ему без труда и принуждения совершать все то, что прежде едва мог сохранять с принуждением, по причине живущего в нем греха. И все сии начинания добродетели обратятся для него как бы в природу; потому что приходит к нему, наконец, Господь, приходит и пребывает в нем, и Сам творит в нем заповеди Свои без труда, исполняя его духовных плодов.

Если же кто принуждает себя к молитве, пока не примет дарования от Бога, а к этому, то есть к смирennemудрию, к любви, к кротости и к прочим добродетелям не приневоливает и не нудит себя в той же мере: то бывает иногда к нему Божия благодать по его молитве и прошению; потому что благ и милостив Бог, и просящим у Него дает просимое. Но, не приуготовив и не приучив себя к исчисленным выше добродетелям, или утрачивает он благодать, или приемлет и падает, или не преуспевает от высокоумия; потому что не предает себя от всего произволения заповедям Господним. Обитель, или упокоение Духа есть смирennemудрие, любовь, кротость и прочие заповеди Господни. Посему, намеревающиеся истинно благоугождать Богу, воспрять от Него небесную благодать, возрастать и усовершаться в Духе Святом, должны прежде принуждать себя к тому, чтобы, даже против воли сердца, сохранять все добродетели, по сказанному: *сего ради ко всем заповедем Твоим направляхся* [Пс. 118, 128].

Как приневоливает и нудит себя иной к постоянному пребыванию в молитве, пока не преуспеет в этом, так да приневоливает и нудит себя и ко всем предначинаниям добродетели, да приобучается к доброму навыку. И таким образом, если постоянно просит и умоляет Господа и получает просимое, возрастает и цветет в нем дарование духовное; и сие данное ему дарование, упокоеваясь в его смирennemудрии и в прочих добродетелях, научает его истинному смирennemудрию, истинной любви, истинной кротости, к чему прежде принуждал себя и чего домогался. И таким образом, когда возрастет и усовершится в Боге; тогда сподобится быть наследником небесного царствия. Ибо смиренный никогда не падает: да и куда ему пасть, когда он ниже всех? Великая высота есть смирение, и почесть, и достоинство есть смирennemудрие. Будем же и мы, даже против желания сердца, приобучать и понуждать себя к смирennemудрию, прося и умоляя Бога с верою, надеждою и любовью, в непрерывном чаянии того, что пошлет Духа Своего в сердца наши; и будем молиться и поклоняться Отцу Духом, и сам Дух будет молиться в нас, сам Дух научит нас истинной молитве, смирennemудрию, кротости, любви, и чего теперь не можем делать и с принуждением, милосердию, благости, научит нас истинно исполнять все заповеди Господни без труда и принуждения, — научит, исполняя нас, как ведает сам Дух, Своих плодов. А таким образом, когда заповеди Господни будут в нас исполнены самим Духом, Который один ведает волю Христову, и очищает нас от греховной скверны, тогда

представит Он нас Христу, как прекрасных, чистых и непорочных невест, и будем упокоеваться в Боге, и Христос почит в нас в бесконечные веки.

Слава щедротам Его, милости и любви Его, что такой чести сподобил род человеческий, именуя и соделывая нас Своими братьями и сынами небесного Отца!

Преподобный Макарий Египетский. Духовные беседы. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1994. С. 345-361.

Преподобный авва Дорофей

О СОВЕСТИ

Когда Бог сотворил человека, то Он всеял в него нечто Божественное, как бы некоторый помысл, имеющий в себе, подобно искре, и свет и теплоту; помысл, который просвещает ум и показывает ему, что доброе, и что злое: сие называется совестью, а она есть естественный закон. Это те кладези, которые, как толкуют святые Отцы, искапывал Исаак, а Филистимляне засыпали [Быт. 26]. Последуя сему закону, то есть совести, патриархи и все святые прежде написанного закона угодили Богу. Но когда люди, чрез грехопадение, зарыли и попрали ее, тогда сделался нужен закон написанный, стали нужны святые пророки, нужно сделалось самое пришествие Владыки нашего Иисуса Христа, чтобы открыть и воздвигнуть ее (совесть), чтобы засыпанную оную искру снова возжечь хранением святых Его заповедей.

Ныне же в нашей власти или опять засыпать ее, или дать ей светиться в нас и просвещать нас, если будем повиноваться ей. Ибо когда совесть наша говорит нам сделать что-либо, а мы пренебрегаем сим, и когда она снова говорит, а мы не делаем, но продолжаем попираť ее, тогда мы засыпаем ее, и она не может уже явственно говорить нам от тяготы, лежащей на ней, но, как светильник, сияющий за завесою, начинает показывать нам вещи темнее. И как в воде, помутившейся от многого ила, никто не может узнать лица своего, так и мы, по преступлении, не разумеем, что говорит нам совесть наша, так что нам кажется, будто ее вовсе нет у нас. Однако нет человека, не имеющего совести, ибо она есть, как мы уже сказали, нечто Божественное и никогда не погибает, но всегда напоминает нам полезное, а мы не ощущаем сего, потому что, как уже сказано, пренебрегаем ею и попираем ее.

Посему-то Пророк оплакивает Ефрема и говорит: Соодоле Ефрем соперника своего, попра суд [Ос. 5, 11]. Соперником же называет совесть. Поэтому и в Евангелии сказано: Буди увещаваяся с соперником твоим скоро, дондеже еси на пути с ним: да не предаст тебе соперник судии, и судия тя предаст слуге, и в темницу ввержен будеши. Аминь глаголю тебе: не изыдеши оттуду, дондеже воздаси последний кодрант [Мф. 5, 25-26]. Но почему же совесть называется соперником? Соперником называется она потому, что сопротивляется всегда злой нашей воле и напоминает нам, что мы должны делать, но не делаем; и опять, чего не должны делать, и делаем, и за это она осуждает нас, потому и Господь называет ее соперником и заповедует нам, говоря: буди увещаваяся с соперником твоим скоро, дондеже еси на пути с ним... Путь, как говорит Василий Великий, есть мир сей.

Итак, потщимся, братия, хранить совесть нашу, пока мы находимся в этом мире, не допустим, чтобы она обличала нас в каком-либо деле: не будем попирать ее отнюдь ни в чем, хотя бы то было и самое малое. Знайте, что от пренебрежения сего малого и в сущности ничтожного мы переходим и к пренебрежению великого. Ибо если кто начнет говорить: «Что за важность, если я скажу это слово? что за важность, если я съем эту безделицу? что за важность, если я посмотрю на ту или на эту вещь?» - от этого: «Что за важность в том, что за важность в другом» впадает он в худой навывк и начинает пренебрегать великим и важным и попирать свою совесть, а таким образом закосневая во зле, находится в опасности придти и в совершенное нечувствие. Поэтому берегитесь, братия, пренебрегать малым, берегитесь презирать его как малое и ничтожное; оно не малое, ибо чрез него образуется худой навывк. Будем же внимать себе и заботиться о легком, пока оно легко, чтобы оно не стало тяжким: ибо и добродетели и грехи начинаются от малого и приходят к великому добру и злу. Поэтому заповедует нам Господь блюсти свою совесть и как бы особенно увещевает каждого из нас, говоря: «Посмотри, что ты делаешь, несчастный! Опомнись, помирись с соперником твоим, пока ты на пути с ним». Потом указывает бедственные последствия от несоблюдения сей заповеди: да не предаст тебе соперник судии, и судия тя предаст слуге, и в темницу ввержен будеши. А затем что? - Аминь глаголю тебе: не изыдеши оттуду, дондеже воздаси последний кодрант. Ибо совесть обличает нас, как я уже сказал, и в добре, и в зле, и показывает нам, что делать; и опять она же

осудит нас в будущем веке, поэтому и сказано: да не предаст... судии, и прочее.

А хранение совести многообразно: ибо человек должен сохранять ее в отношении к Богу, к ближнему и к вещам. В отношении к Богу хранит совесть тот, кто не пренебрегает Его заповедями и даже в том, чего не видят люди и чего никто не требует от нас, он хранит совесть свою к Богу в тайне. Например, обленился ли кто в молитве или страстный помысл вошел в сердце его, а он не воспротивился ему и не восстыгнул себя, но принял его; также, если кто, видя ближнего, делающего или говорящего что-либо, и как обыкновенно случается, осудил его; короче сказать, все, что бывает в тайне, чего никто не знает, кроме Бога и совести нашей, должны мы хранить - и сие-то есть хранение совести в отношении к Богу.

А хранение совести в отношении к ближнему требует, чтобы не делать отнюдь ничего такого, что, как мы знаем, оскорбляет или соблазняет ближнего делом, или словом, или видом, или взором: ибо и видом, как я часто повторяю, даже и взором можно оскорбить брата. Короче сказать: человек не должен делать ничего такого, о чем знает, что он делает это с намерением оскорбить ближнего: сим оскверняется совесть его, сознавая, что это сделано с тем, чтобы повредить брату или опечалить его - и сие-то значит хранить свою совесть в отношении к ближнему.

А хранение совести в отношении к вещам состоит в том, чтобы не обращаться небрежно с какою-либо вещью, не допускать ей портиться и не бросать ее как-нибудь, а если увидим что-либо брошенное, то не должно пренебрегать сим, хотя бы оно было и ничтожно, но поднять и положить на свое место. Не должно также обходиться нерассмотрительно с своею одеждою: ибо случается, что иной мог бы носить одежду неделю или две, или даже месяц, а он часто моет ее преждевременно и тем портит ее, и вместо того чтобы носить ее пять месяцев или более, он частым мытьем приводит ее в ветхость и негодность - а это против совести. Также и в отношении постели, часто иной мог бы довольствоваться одной подушкой, а он ищет большой постели; или имеет власяницу, но хочет переменить ее и приобрести другую, новую или более красивую, по тщеславию или от уныния. Иной опять может обойтись одним покрывалом, а он ищет другого, лучшего, иногда даже и спорит, если не получит его. А если он еще станет примечать за братом своим и говорить: «Зачем у него есть, а у меня нет?» - то такой далек от преуспеяния. Также

если кто-либо развесит свою одежду или покрывало на солнце и поленится вовремя снять их и допустит им от зноя портиться - то и это против совести. Также и в пище, иной может удовлетворить своей потребности малым количеством какого-либо овоща, или чечевицей, или немногими маслинами, а он не хочет этого, но ищет другой пищи, вкуснейшей и лучшей - это все против совести. Отцы же говорят, что монах никогда не должен допускать, чтобы совесть обличала его в какой-либо вещи. Итак, необходимо нам, братия, внимать себе всегда и охранять себя от всего этого, чтобы не подвергнуться тому бедствию, от которого Сам Господь предостерегает нас, как мы выше сказали. Да подаст нам Бог слышать и исполнять сие, чтобы слова отцов наших не послужили нам на осуждение.

Преподобный авва Дорофей. Душеполезные поучения. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 1994. С. 49-54.

Преподобный авва Дорофей

О СМЕРЕННОМУДРИИ

Некто из старцев сказал: «Прежде всего нужно нам смиренномудрие, чтобы быть готовыми на каждое слово, которое слышим, сказать: прости; ибо смиренномудрием сокрушаются все стрелы врага и сопротивника». Исследуем, какое значение имеет слово старца; почему он говорит, что прежде всего нужно нам смиренномудрие, а не сказал, что прежде нужно воздержание? Ибо Апостол говорит: подвизайся, от всех воздержится [1 Кор. 9, 25]. Или почему не сказал старец, что прежде всего нужен нам страх Божий? Ибо в Писании сказано: начало премудрости страх Господень [Пс. 110, 9] и опять: страхом же Господним уклоняется всяк от зла [Притч. 15, 27]. Почему не говорит он, что прежде всего нужна нам милостыня или вера? Ибо сказано: милостынями и верою очищаются греси [Притч. 15, 27], и Апостол говорит: без веры... невозможно угодить Богу [Евр. 11, 6]. Итак, если без веры невозможно угодить Богу, и милостынями и верою очищаются грехи, и если страхом Господним уклоняется всяк от зла, и начало премудрости страх Господень, и подвизающийся от всего должен воздерживаться, то как же старец говорит, что прежде всего нужно нам смиренномудрие и оставил все другое столь нужное? Старец хочет показать нам сим, что ни самый страх Божий, ни милостыня, ни вера, ни воздержание, ни другая какая-либо добродетель не может быть совершена

без смиренномудрия. Вот почему говорит он: «Прежде всего нужно нам смиренномудрие, - чтобы быть готовыми на каждое слово, которое слышим, сказать: прости; ибо смиренномудрием сокрушаются все стрелы врага и противника». Вот видите, братия, как велика сила смиренномудрия; видите, какое имеет действие слово: прости.

Почему же диавол называется не только врагом, но и противником? Врагом называется потому, что он человеконенавистник, ненавистник добра и клеветник; противником же называется потому, что он старается препятствовать всякому доброму делу. Хочет ли кто помолиться: он противится и препятствует ему злыми воспоминаниями, пленением ума и унынием. Хочет ли кто подать милостыню: он препятствует сребролюбием и скупостию. Хочет ли кто бодрствовать: он препятствует леностью и нерадением, и так-то он сопротивляется нам во всяком деле, когда хотим сделать доброе. Поэтому он и называется не только врагом, но и противником. Смиренномудрием же сокрушаются все оружия врага и противника. Ибо поистине велико смиренномудрие, и каждый из святых шествовал его путем, а трудом сокращал путь свой, как говорит Псалмопевец: виждь смирение мое и труд мой, и остави вся грехи моя [Пс. 24, 18] и: смирихся, и спасе мя (Господь) [Пс. 114, 5]. Впрочем, смирение и одно может ввести нас в царствие, как сказал старец авва Иоанн, но только медленно.

Итак, смиримся немного и мы, и спасемся. Если мы, как немощные, не можем трудиться, то постараемся смириться; и верую в милость Божию, что и за то малое, совершаемое нами со смирением, будем и мы в местах святых, много потрудившихся и работавших Богу. Пусть мы немощны и не можем трудиться: но неужели мы не можем смириться? Блажен, братия, кто имеет смирение, - велико смирение. Хорошо также означил один святой имеющего истинное смирение так: «Смирение ни на кого не гневается и никого не прогневляет, и считает это совершенно чуждым себе». Велико, как мы сказали, смирение, ибо оно одно сопротивляется тщеславию и хранит от него человека. А разве не гnevаются также за имена или за брашна? Как же старец говорит, что смирение ни на кого не гневается и никого не прогневляет? Смирение велико, как мы сказали, и сильно привлечь в душу благодать Божию. Благодать же Божия, пришедши, покрывает душу от двух тяжких вышеупомянутых страстей. Ибо что может быть более тяжким, как гневаться и прогневлять ближнего?

как некто и сказал: «Монахам вовсе не свойственно гневаться, равно и прогневлять других». Ибо, поистине, если такой (т. е. гневающийся или прогневляющий других) вскоре не покроется смирением, то он мало-помалу приходит в состояние бесовское, смущая других и смущаясь сам. Посему-то сказал старец, что смирение не гневается и не прогневляет. Но что я говорю, будто смирение покрывает только от двух страстей, - оно покрывает душу и от всякой страсти, и от всякого искушения.

Когда святой Антоний увидел расprostертыми все сети дьявола и, вздохнув, спросил Бога: «кто же избегнет их?», то отвечал ему Бог: «смирение избегает их», а что еще более удивительно, присовокупил: «они даже и не прикасаются ему». Видишь ли благодать сей добродетели? Поистине нет ничего крепче смиренномудрия, ничто не побеждает его. Если со смиренным случится что-либо скорбное, он тотчас обращается к себе, тотчас осуждает себя, что он достоин того, и не станет укорять никого, не будет на другого возлагать вину; и таким образом переносит случившееся без смущения, без скорби, с совершенным спокойствием, а потому и не гневается, и никого не прогневляет. Итак, хорошо сказал святой, что прежде всего нужно нам смиренномудрие.

Смирения же два, так же как и две гордости. Первая гордость есть та, когда кто укоряет брата, когда осуждает и бесчестит его как ничего не значащего, а себя считает выше его, - таковой, если не опомнится вскоре и не постарается исправиться, то мало-помалу приходит и во вторую гордость, так что возгордится и против Самого Бога, и подвиги и добродетели свои приписывает себе, а не Богу, как будто сам собою совершил их, своим разумом и тщанием, а не помощью Божию. Поистине, братия мои, знаю я одного, пришедшего некогда в сие жалкое состояние. Сначала, если кто из братьев говорил ему что-либо, он уничижал каждого и возражал: «Что значит такой-то? нет никого достойного, кроме Зосимы и подобного ему». Потом начал и сих оуждать и говорить: «Нет никого достойного, кроме Макария». Спустя немного начал говорить: «Что такое Макарий? нет никого достойного, кроме Василия и Григория». Но скоро начал оуждать и сих, говоря: «Что такое Василий? и что такое Григорий? нет никого достойного, кроме Петра и Павла». Я говорю ему: «Поистине, брат, ты скоро и их станешь уничижать». И поверьте мне, чрез несколько времени он начал говорить: «Что такое Петр? и что такое Павел? Никто ничего не значит, кроме

Святой Троицы». Наконец, возгордился он и против Самого Бога и таким образом лишился ума. Посему-то должны мы, братия мои, подвизаться всеми силами нашими против первой гордости, дабы мало-помалу не впасть и во вторую, т.е. в совершенную гордыню.

Гордость же бывает мирская и монашеская: мирская гордость есть та, когда кто гордится пред братом своим, что он богаче или красивее его, или что носит лучшую, нежели тот, одежду, или что он благороднее его. Итак, когда мы видим, что тщеславимся сими преимуществами, или тем, что монастырь наш больше или богаче других, или что в нем много братии, то мы должны знать, что находимся еще в мирской гордости. Случается также, что тщеславятся какими-либо природными дарованиями: иной, например, тщеславится тем, что у него хорош голос и что он хорошо поет, или что он скромн, усердно работает и добросовестен в служении. Сии преимущества лучше первых, однако, и это мирская гордость. Монашеская же гордость есть та, когда кто тщеславится, что он упражняется во бдении, в посте, что он благоговеен, хорошо живет и тщателен. Случается также, что иной и смиряется для славы. Все сие относится к монашеской гордости. Можно нам вовсе не гордиться; если же кто сего совсем избежать не может, то хоть бы гордился преимуществом монашеских дел, а не чем-либо мирским.

Вот мы сказали, что такое первая гордость, и что вторая; сказали также, что такое мирская гордость, и что монашеская. Рассмотрим теперь, в чем состоят и два смирения. Первое смирение состоит в том, чтобы почитать брата своего разумнее себя и по всему превосходнее и, одним словом, как сказали святые отцы, чтобы «почитать себя ниже всех». Второе же смирение состоит в том, чтобы приписывать Богу свои подвиги, - сие есть совершенное смирение святых. Оно естественно рождается в душе от исполнения заповедей. Ибо как деревья, когда на них бывает много плодов, то самые плоды преклоняют ветви книзу и нагибают их; ветвь же, на которой нет плодов, стремится вверх и растет прямо. Есть же некоторые деревья, которые не дают плода, пока их ветви растут вверх; если же кто возьмет камень, привесит к ветви и нагнет ее книзу, тогда она дает плод: так и душа, когда смиряется, тогда приносит плод, и чем более приносит плода, тем более смиряется. Так и святые, чем более приближаются к Богу, тем более видят себя грешными.

Помню, однажды мы имели разговор о смирении, и один из знатных граждан города Газы, слыша наши слова, что чем более кто приближается к Богу, тем более видит себя грешным, удивлялся и говорил: как это может быть? И, не понимая, хотел узнать, что значат эти слова? Я сказал ему: «Именитый господин, скажи мне, за кого ты считаешь себя в своем городе?» Он отвечал: «Считаю себя за великого и первого в городе». Говорю ему: «Если же ты пойдешь в Кесарию, за кого будешь считать себя там?» Он отвечал: «За последнего из тамошних вельмож». «Если же, - говорю ему опять, - ты отправишься в Антиохию, за кого ты будешь там себя считать?» «Там, - отвечал он, - буду считать себя за одного из простолудинов». «Если же, - говорю, - пойдешь в Константинополь и приблизишься к царю, там за кого ты станешь считать себя?» И он отвечал: «Почти за нищего». Тогда я сказал ему: «Вот так и святые, чем более приближаются к Богу, тем более видят себя грешными». Ибо Авраам, когда увидел Господа, назвал себя землею и пеплом [Быт. 18, 27]; Исаия же сказал: окаянный и нечистый есмь аз [Ис. 6, 5]; также и Даниил, когда был во рву со львами, Аввакуму, принесшему ему хлеб и сказавшему: прими обед, который послал тебе Бог, отвечал: итак, вспомнил обо мне Бог [Дан. 14, 36-37]. Какое смирение имело сердце его! Он находился во рву среди львов и был невредим от них, и притом не один раз, но дважды, и после всего этого он удивился и сказал: итак, вспомнил обо мне Бог.

Видите ли смирение святых, и каковы их сердца? Даже и посылаемые от Бога на помощь людям, они отказывались, по смирению, избегая славы. Как облеченный в шелковую одежду, если набросить на него нечистое рубище, отбегает, чтобы не замарать своего драгоценного одеяния, так и святые, будучи облечены в добродетели, убегают человеческой славы, чтобы не оскверниться ею. А ищущие славы подобны нагому, который желает найти хотя малое рубище или иное что-либо, дабы покрыть свой стыд: так и необлеченный в добродетели ищет славы человеческой. Итак, святые, будучи посылаемы Богом на помощь людям, по смирению отказывались от сего. Моисей говорил: молюся ти поставити иного могущаго, аз бо есмь гутнив и косноязычен [Исх. 4, 10]. Иеремия же говорил: юнейший есмь аз [Иер. 1, 6]. И, одним словом, каждый из святых приобрел сие смирение, как мы сказали, чрез исполнение заповедей. Но что такое сие смирение и как оно рождается в душе, никто не может

выразить словами, если человек не научится сему из опыта; из одних же слов нельзя сему научиться.

Некогда авва Зосима говорил о смирении, а какой-то софист, тут находившийся, слыша, что он говорил, и, желая понять это в точности, спросил его: «Скажи мне, как ты считаешь себя грешным, разве ты не знаешь, что ты свят? разве не знаешь, что имеешь добродетели? Ведь ты видишь, как исполняешь заповеди: как же ты, поступая так, считаешь себя грешным?» старец же не находился, какой ему дать ответ, а только говорил: «Не знаю, что сказать тебе, но считаю себя грешным». Софист настаивал на своем, желая узнать, как сие может быть. Тогда старец, не находя, как ему это объяснить, начал говорить ему с своею святою простотою: «Не смущай меня; я подлинно считаю себя таким».

Видя, что старец недоумевает, как отвечать софисту, я сказал ему: «Не то же ли самое бывает и в софистическом, и врачебном искусствах? Когда кто хорошо обучится искусству и занимается им, то, по мере упражнения в оном, врач или софист приобретает некоторый навык, а сказать не может и не умеет объяснить, как он стал опытен в деле: душа приобрела навык, как я уже сказал, постепенно и нечувствительно, чрез упражнение в искусстве. Так и в смирении: от исполнения заповедей бывает некоторая привычка к смирению, и нельзя выразить это словом». Когда авва Зосима услышал это, он обрадовался, тотчас обнял меня и сказал: «Ты постиг дело, оно точно так бывает, как ты сказал». И софист, услышав эти слова, остался доволен и согласен с ними.

И старцы сказали нам нечто, помогающее нам уразуметь смирение. Самое же состояние, в которое душа приходит от смирения, никто не мог объяснить. Так, когда авва Агафон приближался к кончине, и братия сказали ему: «И ты ли боишься, отче?» - он отвечал: «Сколько мог, я понуждал себя сохранять заповеди, но я человек, и почему могу знать, угодно ли дело мое Богу? Ибо иной суд Божий, и иной человеческий». Вот, он открыл нам глаза, чтобы уразуметь смирение, и указал путь, как его достигнуть: а как оно бывает в душе, как я уже многократно говорил, никто не мог сказать, ни постигнуть через одни слова; разве только от дел душа может научиться сему несколько. А что приводит нас к смирению, о том сказали отцы. Ибо в Отечнике написано: один брат спросил старца: что есть смирение? Старец отвечал: «Смирение есть дело великое и Божественное; путем же к смирению служат телесные труды,

совершаемые разумно; также, чтобы считать себя ниже всех и постоянно молиться Богу - это путь к смирению; самое же смирение Божественно и непостижимо».

Почему же старец говорит, что телесные труды приводят душу в смирение? Каким образом телесные труды делаются душевными добродетелями? То, чтобы считать себя ниже всех, как мы уже сказали, сопротивляется демонам и первой гордости: ибо как может считать себя большим брата своего, или гордиться перед кем-либо, или укорить, или уничтожить кого-либо тот, кто почитает себя ниже всех? Также и молиться непрестанно - явно противиться второй гордости: ибо очевидно, что смиренный и благоговейный, зная, что невозможно совершить никакой добродетели без помощи и покрова Божия, не перестает всегда молиться Богу, чтобы Он сотворил с ним милость. Ибо непрестанно молящийся Богу если и сподобится совершить что-либо, знает, почему он совершил сие и не может возгордиться, и не приписывает это своей силе, но все свои успехи относит к Богу, всегда благодарит Его и всегда призывает Его, трепеща, как бы ему не лишиться такой помощи, и не обнаружилась его немощь и бессилие. Итак, он со смирением молится и молитвою смиряется и чем более преуспевает всегда в добродетели, тем более всегда смиряется; а по мере того как смиряется, получает помощь и преуспевает чрез смиренномудрие.

Но почему старец говорит, что телесные труды приводят к смирению? Какое отношение имеют телесные труды к расположению души? Я объясню вам это. Так как душа, по преступлении заповеди, предалась, как говорит святой Григорий, прелести сластолюбия и самозакония и возлюбила телесное, и некоторым образом стала как бы нечто единое с телом, и вся сделалась плотию, как сказано: не имать дух мой пребывать в человецех сих... зане суть плоть [Быт. 6, 3], и бедная душа как бы состраждет телу и сочувствует во всем, что делается с телом. Посему-то и сказал старец, что и телесный труд приводит душу в смирение. Ибо иное расположение души у человека здорового, и иное у больного, иное у алчущего, и иное у насытившегося. Также опять иное расположение души у человека, едущего на коне, иное у сидящего на престоле, и иное у сидящего на земле, иное у носящего красивую одежду, и иное у носящего худую. Итак, труд смиряет тело, а когда тело смиряется, то вместе с ним смиряется и душа. Следовательно, хорошо сказал старец, что телесный

труд приводит к смирению... Благий Бог да подаст нам смирение, ибо оно избавляет человека от многих зол и покрывает его от великих искушений.

Преподобный авва Дорофей. Душеполезные поучения. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 1994. С. 38-49.

Преподобный Иоанн Лествичник

О МНОГООБРАЗНОМ ТЩЕСЛАВИИ

Некоторые имеют обыкновение писать о тщеславии в особенной главе и отделять оное от гордости; посему и говорят они, что начальных и главных греховных помыслов восемь. Но Григорий Богослов и другие насчитывают их семь. С ними и я более согласен; ибо кто, победив тщеславие, может быть обладаем гордостью? Между сими страстями такое же различие, какое между отроком и мужем, между пшеницею и хлебом; ибо тщеславие есть начало, а гордость конец. Итак, по порядку слова, скажем теперь вкратце о нечестивом возношении, о сем начале и исполнении всех страстей; ибо кто покусился бы пространно о сем предмете любомудрствовать, то уподобился бы человеку, который всеу старается определить вес ветров.

Тщеславие, по виду своему, есть изменение естества, развращение нравов, наблюдение укоризн. По качеству же оно есть расточение трудов, потеря потов, похититель душевного сокровища, исчадие неверия, предтеча гордости, потопление в пристани, муравей не гуме, который, хотя и мал, однако расхищает всякий труд и плод. Муравей ждет собрания пшеницы, а тщеславие собрания богатства: ибо тот радуется, что будет красть; а сие, что будет расточать.

Дух отчаяния веселится, видя умножение грехов; а дух тщеславия, когда видит умножение добродетелей; ибо дверь первому множество язв, а дверь второму изобилие трудов.

Наблюдай и увидишь, что непотребное тщеславие до самого гроба украшается одеждами, благовониями, многочисленною прислугою, ароматами и тому подобным.

Всем без различия сияет солнце: а тщеславие радуется о всех добродетелях. Например: тщеславлюсь, когда пощусь; но когда разрешаю пост, чтобы скрыть от людей свое воздержание, опять тщеславлюсь, считая себя мудрым. Побеждаюсь тщеславием, одевшись в хорошие

одежды; но и в худые одеваясь, также тщеславлюсь. Стану говорить, побеждаюсь тщеславием; замолчу, и опять им же победился. Как ни брось сей троерожник, все один рог станет вверх.

Тщеславный человек есть идолопоклонник, хотя и называется верующим. Он думает, что почитает Бога; но в самом деле угождает не Богу, а людям.

Всякий человек, который любит себя выказывать, тщеславен. Пост тщеславного остается без награды, и молитва его бесплодна, ибо он и то и другое делает для похвалы человеческой.

Тщеславный подвижник сам себе причиняет двойной вред: первый, что изнуряет тело, а второй, что не получает за это награды.

Кто не посмеется делателю тщеславия, которого сия страсть, во время предстояния на псалмопении, понуждает иногда смеяться, а иногда пред всеми плакать?

Господь часто скрывает от очей наших и те добродетели, которые мы приобрели; человек же хвалящий нас, или, лучше сказать, вводящий в заблуждение похвалою, отверзает нам очи; а как скоро они отверзлись, то и богатство добродетели исчезает.

Лстец есть слуга бесов, руководитель к гордости, истребитель умиления, губитель добродетелей, отводитель от истинного пути. *Блажащии вас, лстят вы* [Ис. 3, 12], говорит пророк.

Людям великим свойственно переносить обиды мужественно и с радостью, святым же и преподобным - выслушивать похвалу без вреда.

Видал я плачущих, которые, будучи похвалены, за похвалу воспылали гневом; и как случается в торговле, променяли одну страсть на другую.

Никтоже весть яже в человеце, точию дух человека [1 Кор. 2, 11]. Итак, пусть посрамляются и обуздываются те, которые покушаются ублажать нас в лице.

Когда услышишь, что ближний твой, или друг, укорил тебя в отсутствии или в присутствии твоём: тогда покажи любовь, и похвали его.

Великое дело отвергнуть от души похвалу человеческую, но большее - отвратить от себя похвалу бесовскую.

Не тот показывает смиренномудрие, кто оуждает сам себя (ибо кто не стерпит поношения от себя самого?); но тот, кто, будучи укорен другим, не уменьшает к нему любви.

Приметил я, что бес тщеславия, внушив одному брату помыслы, в то же время открывает их другому, которого подстрекает объявить первому брату, что у него на сердце, и чрез то ублажает его, как прозорливца. Иногда сей нечистый прикасается даже к членам тела, и производит трепет.

Не внимай ему, когда он внушает тебе желание быть епископом, или игуменом, или учителем; ибо трудно отогнать пса от мясopодажного стола.

Когда он видит, что некоторые приобрели хотя несколько мирное устройство, то тотчас побуждает их идти из пустыни в мир, и говорит: «Иди на спасение погибающих душ».

Иной вид эфиопа, и иной истукана: так и образ тщеславия иной у пребывающих в общежитии, и иной у живущих в пустынях.

Тщеславие побуждает легкомысленных монахов предупреждать пришествие мирских людей, и выходить из обители навстречу идущих; научает припадать к ногам их, и, будучи исполнено гордости, облекается в смирение; в поступках и в голосе показывает благоговение, смотря на руки пришедших, чтобы от них что-нибудь получить; называет их владыками, покровителями и подателями жизни по Боге; во время трапезы побуждает их воздерживаться перед ними, и повелительно обращаться с низшими; на псалмопении же ленивых делает ревностными и безголосных хорошо поющими, и сонливых бодрыми: льстит уставщику и просит дать ему первое место на клиросе, называя его отцом и учителем, пока не уйдут посетители.

Тщеславие предпочитаемых делает гордыми, а презираемых памятозлобными.

Тщеславие часто бывает причиною бесчестия, вместо чести; ибо разгневавшимся ученикам своим приносит великий стыд.

Тщеславие делает гневливых кроткими перед людьми.

Оно весьма удобно присоединяется к естественным дарованиям, и чрез них нередко низвергает окаянных рабов своих.

Видел я, как один бес опечалил и прогнал брата своего. Один монах рассердился, а между тем пришли мирские; и вдруг окаянный сей, оставив гнев, перепродал себя тщеславию; ибо не мог в одно время служить обоим страстям.

Монах, сделавшийся рабом тщеславия, ведет двойственную жизнь, по наружности пребывая в монастыре, а умом и помышлениями в мире.

Если мы усердно хотим угождать Царю Небесному, то, без сомнения, и славы небесной вкусим; а вкусивший ее будет презирать всякую земную славу; и я удивился бы, если бы кто, не вкушивши первой, мог презреть последнюю.

Часто случается, что мы, будучи окрадены тщеславием, а потом обратившись, и сами быстроумнее окрадываем оное. Я видел некоторых по тщеславия начавших духовное делание, но хотя и порочное положено было начало, однако конец вышел похвальный, потому что переменялась их мысль.

Кто возносится естественными дарованиями, т.е. остроумием, понятливостью, искусством в чтении и произношении, быстротою разума, и другими способностями, без труда нами полученными, тот никогда не получит вышеестественных благ; ибо неверный в малом - и во многом неверен и тщеславен.

Некоторые для получения крайнего бесстрастия и богатства дарования, силы чудотворения и дара прозорливости все изнуряют тело свое; но сии бедные не знают того, что не труды, но более всего смирение есть мать этих благ.

Кто просит у Бога за труды своих дарований, тот положил опасное основание; а кто считает себя должником, тот неожиданно и внезапно обогатится.

Не повинуйся велятелю сему, когда он научает тебя объявлять свои добродетели на пользу слышащих; *какая бо польза человеку, если он весь мир будет пользоваться, душу же свою отщетит* [Мф. 16, 26]? Ничто не приносит столько пользы ближним, как смиренный и непритворный нрав и слово. Таким образом мы и других будем побуждать, чтобы они не возносились; а что может быть полезнее сего?

Некто из прозорливцев сказал мне виденное им. «Когда я, говорил он, сидел в собрании братий, бес тщеславия и бес гордости пришли и сели при мне, по ту и по другую сторону; и первый толкал меня в бок тщеславным своим перстом, побуждая меня рассказать о каком-нибудь моем видении, или делании, которое я совершил в пустыне. Но как только я успел отразить его, сказав: *да возвратятся вспять и постыдятся мыслящие мизлая* [Пс. 39, 15]; тотчас же сидевший по левую сторону говорит мне на

ухо: *благо же, благо же* ты сотворил, и стал велик, победив бесстыднейшую мать мою. Тогда я, обратившись к нему, произнес слова следующие по порядку после сказанного мною стиха: *да возвратятся абие стыдящиеся, слаголующи ми: благо же, благо же* сотворил еси [Пс. 49, 16]». Потом спросил я того же отца, как тщеславие бывает матерью гордости? Он отвечал мне: «Похвалы возвышают и надмевают душу; когда же душа вознесется, тогда объемлет ее гордость, которая возводит до небес, и низводит до бездн».

Есть слава от Господа, ибо сказано в Писании: *Прославляющие Мя прослаблю* [1 Цар. 2, 30]; и есть слава, происходящая от диавольского коварства, ибо сказано: *горе егда добре рекут вам вси человецы* [Лк. 6, 26]. Явно познаешь первую, когда будешь взирать на славу, как на вредное для тебя, когда всячески будешь от нее отвращаться, и куда бы ни пошел, везде будешь скрывать свое жительство. Вторую же можешь узнать тогда, когда и малое что-либо делаешь для того, чтобы видели тебя люди.

Скверное тщеславие научает нас принимать образ добродетели, которой нет в нас, убеждая к сему словами Евангелия: *такое да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят добрая ваша дела* [Мф. 5, 16].

Часто Господь исцеляет тщеславных от тщеславия приключаящимся бесчестием.

Начало к истреблению тщеславия есть хранение уст и любление бесчестия; середина же - отсечение всех помышляемых ухищрений тщеславия; а конец (если только есть конец в этой бездне), состоит в том, чтобы стараться делать пред людьми то, что нас унижает, и не чувствовать при оном никакой скорби...

Когда мы домогаемся славы, или когда, без искательства с нашей стороны, она приходит к нам от других, или когда покушаемся употреблять некие ухищрения, служащие к тщеславию: тогда вспомним плач свой и помыслим о святом страхе и трепете, с которым мы предстояли Богу в уединенной нашей молитве; и таким образом без сомнения посраим бесстыдное тщеславие, если, однако, стараемся об истинной молитве. Если же в нас нет этого, то поспешим вспомнить об исходе своем. Если же мы и сего помышления не имеем: то, по крайней мере, убоимся стыда, следующего за тщеславием, потому что *возносяйся* непременно *смирится* [Лк. 14, 16] еще и здесь прежде будущего века.

Когда хвалители наши, или, лучше сказать, обольстители начнут хвалить нас, тогда поспешим вспомнить множество наших беззаконий; и увидим, что мы поистине недостойны того, что говорят или делают в честь нашу.

Бывают из тщеславных такие, коих некоторые прошения должны бы быть услышаны Богом; но Бог предваряет их молитвы и прошения, чтобы они, получив чрез молитву просимое, не впали в большее самомнение.

Простые же сердцем не очень подвержены отравлению сим ядом; ибо тщеславие есть погубление простоты и притворное жительство.

Часто случается, что червь, достигши полного возраста, получает крылья и взлетает на высоту: так и тщеславие, усилившись, рождает гордость, всех зол начальницу и совершительницу.

Неимеющий сего недуга весьма близок ко спасению; а одержимый оным далек явится от славы святых.

Кого не уловило тщеславие, тот не впадет в безумную гордость, враждующую на Бога.

Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 1994. С. 143-149.

Преподобный Иоанн Лествичник

О БЕЗУМНОЙ ГОРДОСТИ

Гордость есть отвержение Бога, бесовское изобретение, презрение человек, мать осуждения, исчадие похвал, знак бесплодия души, отгнание помощи Божией, предтеча умоисступления, виновница падений, причина беснования, источник гнева, дверь лицемерия, твердыня бесов, грехов хранилище, причина немилосердия, неведение сострадания, жестокий истязатель, бесчеловечный судья, противница Богу, корень хулы.

Начало гордости - корень тщеславия; середина - уничтожение ближнего, бесстыдное проповедание своих трудов, самохвалство в сердце, ненависть обличения; а конец - отвержение Божией помощи, упование на свое тщание, бесовский нрав.

Услышим все, хотящие избежать рва сего: весьма часто сия страсть получает пищу от благодарения, ибо она сначала не склоняет нас бесстыдно к отвержению Бога. Видал я людей, устами благодаривших

Бога, и возносившихся в мыслях своих. О сем ясно свидетельствует фарисей, сказавший: *Боже, благодарю Тя* [Лк. 18, 11].

Где совершилось грехопадение, там прежде водворялась гордость; ибо провозвестник первого есть второе.

Один почтенный муж сказал мне: положим, что есть двенадцать бесчестных страстей; если произвольно возлюбишь одну из них, то есть гордость, то и одна сия наполнит место прочих одиннадцати.

Высокомудрый монах сильно прекословит; смиренномудрый же не только не прекословит, но и очей возвести не смеет.

Не преклоняется кипарис, и не стелется по земле: так и монах высокосердый не может иметь послушания.

Высокоумный человек желает начальствовать; да иначе он и погибнуть совершенно не может, или правильнее сказать, не хочет.

Бог гордым противится [Иак. 4, 6]: кто же может помиловать их? *Не чист пред Господом всяк высокосердый* [Притч. 16, 5]; кто же может очистить его?

Наказание гордому - его падение, досадитель - бес; а признаком оставления его от Бога есть умоисступление....

Отвергающий обличение обнаруживает страсть, а кто принимает оное, тот разрешился от уз ее.

Если от одной этой страсти, безо всякой другой, некто ниспал с неба: то должно исследовать, не возможно ли смирением, и без других добродетелей, взойти на небо?

Гордость есть потеря богатства и трудов. *Воззваша и не бе спасая*, без сомнения потому, что вzywали с гордостью; *воззваша ко Господу и не услыша их* [Пс. 17, 42], без сомнения потому, что не отсекали причин того, против чего молились.

Один премудрый старец духовно увещевал гордящегося брата: но сей, ослепленный, сказал ему: «Прости меня, отче, я не горд». Мудрый же старец возразил: «Чем же ты, сын мой, яснее можешь доказать, что ты не горд, как не тем, что говоришь: я не горд».

Таковым весьма полезно повиновение, жестокое и презренное жительство, и чтение о сверхъестественных подвигах св. отцов. Может быть, хотя чрез это, сии недугующие получают малую надежду ко спасению.

Стыдно тщеславиться чужими украшениями, и крайнее безумство - гордиться Божиими дарованиями. Превозносятся только теми

добродетелями, которые ты совершил прежде рождения твоего; а те, которые ты исполнил после рождения, даровал тебе Бог, как и самое рождение. Какие ты исправлял добродетели без помощи ума, те только и твои; потому что Бог даровал тебе и самый ум. Какие подвиги показал ты без тела, те только и относи к твоему тщанию, ибо и тело не твое, а творение Божие.

Не уповай на себя, пока не услышишь последнего о тебе изречения, памятуя, что и возлежавший уже на брачной вечери был связан по рукам и по ногам, и ввержен во тьму кромешную [Мф. 22, 13].

Не возвышай выи, перстный; ибо многие, будучи святы и невещественны, были свержены с неба.

Когда бес гордости утвердится в своих служителях, тогда являясь им во сне или наяву, в образе светлого Ангела, или мученика, преподает им откровение таинств, и как бы дар дарования, чтобы сии окающиеся, прельстившись, совершенно лишились ума.

Если бы мы и бесчисленные смерти за Христа претерпели, то и тогда не исполнили бы должного; ибо иное есть кровь Бога, а иное кровь рабов, по достоинству, а не по существу.

Если не перестанем сами себя испытывать, и сравним житие наше с житием прежде нас бывших св. Отцов и светил; то найдем, что мы еще и не вступали на путь истинного подвижничества, ни обета своего, как должно не исполнили, но пребываем еще в мирском устроении.

Монах собственно есть тот, кто имеет не возносящееся око души и недвижимое чувство тела.

Монах есть тот, кто невидимых супостатов, даже и когда они бежат от него, призывает на брань и раздражает, как зверей.

Монах есть тот, кто находится в непрерывном восхищении ума к Богу и спасительной печали.

Монах есть тот, кто имеет такой навык к добродетелям, какой другие к страстям.

Монах есть непрестанный свет в очах сердца.

Монах есть бездна смирения, в которую он низринул и в которой потопил всякого злого духа.

От гордости происходит забвение согрешений; а память о них есть ходатай смиренномудрия.

Гордость есть крайнее убожество души, которая мечтает о себе, что богата, и находясь во тьме, думает, что она во свете.

Сия скверная страсть не только не дает нам преуспевать, но и с высоты низвергает.

Гордый подобен яблоку, внутри сгнившему, а снаружи блестящему красотою.

Гордый монах не имеет нужды в бесе; он сам сделался для себя бесом и супостатом.

Тьма чужда света; и гордый чужд всякой добродетели.

В сердцах гордых рождаются хульные слова, а в душах смиренных небесные видения.

Тать не любит солнца; гордый же уничижает кротких.

Не знаю, как это бывает, что многие из гордых, не зная самих себя, думают, что они достигли бесстрастия, и уже при исходе из сего мира усматривают свое убожество.

Кто пленен гордостью, тому нужна помощь Самого Бога; ибо *суетно* для такого *спасение человеческое*.

Некогда я уловил сию безумную прелестницу в сердце моем, внесенную в оное на раменах ее матери, тщеславия. Связав обеих узами послушания и бив их бичем смирения, я понуждал их сказать мне, как они вошли в мою душу? Наконец, под ударами, они говорили: мы не имеем ни начала, ни рождения, ибо мы сами начальницы и родительницы всех страстей. Не мало ратует против нас сокрушение сердца, рождаемое от повиновения. Быть кому-нибудь подчиненным мы не терпим; посему-то мы, и на небе пожелав начальствовать, отступили оттуда. Кратко сказать: мы родительницы всего противного смирennemудрию; а что оному споспешествует, то нам сопротивляется. Впрочем, если мы и на небесах явились в такой силе, то куда ты убежишь от лица нашего? Мы весьма часто следуем за терпением поруганий, за исправлением послушания и безгневия, непамятозлобия и служения ближним. Наши исчадия суть падения мужей духовных: гнев, клевета, досада, раздражительность, вопль, хула, лицемерие, ненависть, зависть, прекословие, своенравие, непокорство. Есть только одно, чему мы не имеем силы противиться; будучи сильно тобою биемы, мы и сие тебе скажем: если будешь искренно укорять себя пред Господом, то презришь нас, как паутину. Ты видишь, говорила гордость, что конь, на котором я еду, есть тщеславие;

преподобное же смирение и самоукорение посмеются коню и всаднику его, и со сладостию воспоют победную оную песнь: *поим Господеву, славно бо прославися: коня и всадника вверже в море* [Исх. 15, 1], и в бездну смирения.

Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 1994. С. 150-154.

Преподобный Исаак Сириянин

ЗАПОВЕДИ ГОСПОДНИ

ВОПРОС. Должно ли сохранять все заповеди Господни, и нет ли способа спастись не сохраняющему их?

ОТВЕТ. Об этом, как мне кажется, нет нужды кому-либо и спрашивать. Ибо, хотя заповедей и много, однако же должно сохранять их. В противном случае, Спасителю не нужно было бы и давать их, потому что Владыка, как думаю, ничего не сказал и не сделал лишнего, на что не было бы причины и в чем не имелось бы нужды. Ибо целию пришествия Его, когда дал нам животворящие заповеди Свои, как очистительные врачевства в нашем страстном состоянии, было то, чтобы очистить душу от зла, произведенного первым преступлением и восстановить ее в первобытное ее состояние. Что врачевства — для больного тела, то заповеди — для страстной души. И явно, что заповеди были даны против страстей, для уврачевания преступной души, как ясно говорит Господь ученикам Своим: «имеяй заповеди Моя, и соблюдаяй их, той есть любяй Мя; а любяй Мя возлюблен будет Отцем Моим, и Аз возлюблю его, и явлюся ему Сам. И к нему приидем, и обитель у него сотворим» [Ин. 14, 21, 23]. И еще: «о сем разумеет мир, яко Мои ученицы есте, аще любите друг друга» [Ин. 13, 35]. Ясно же, что любовь может быть приобретена после душевного здравия; а душа, не сохранившая заповедей, не есть здоровая. Хранение заповедей еще ниже духовной любви. И поелику много таких, которые хранят заповеди из страха или ради награды в будущем, а не по любви, то Господь многим убеждает к хранению заповедей по любви, дающих душе свет. И еще: «да видят люди ваша добрая дела и прославят Отца вашего, Иже на небесех» [Мф. 5, 16]. Но в душе не могут быть видимы добрые дела, каким научил Господь, если не будут сохранены заповеди. А что заповеди не тяжелы для любящих истину, об

этом Господь сказал: «приидите вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы. Иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть» [Мф. 11, 28,30]. А что все заповеди должны быть сохраняемы нами рачительно, и об этом Он Сам заповедал, говоря: кто разоряет «едину заповедей сих малых, и учит тому человеки, тот мний наречется в царствии небеснем» [Мф. 5, 18]. После всего этого, узаконенного к спасению нашему, не могу сказать, что не должно сохранять всех заповедей. Да и самая душа не в состоянии будет соделаться чистою, если не будет хранить их. Заповеди даны Господом, как врачевства, чтобы очищать от страстей и грехопадений.

Ты знаешь, что зло привзошло к нам от преступления заповедей. Итак, ясно, что здравие возвращается снова их хранением. А без делания заповедей, пока прежде всего не пойдем оным путем, ведущим к душевной чистоте, не должно нам и желать и ожидать очищения души.

Преподобный Исаак Сирин. Слова подвижнические. М.: Правило веры, 2002. С. 378-381.

Преподобный Исаак Сирин

О ГРЕХАХ ПРОИЗВОЛЬНЫХ, НЕПРОИЗВОЛЬНЫХ И СОВЕРШАЕМЫХ ПО КАКОМУ-НИБУДЬ СЛУЧАЮ

Есть грех, совершаемый по немощи, в который человек увлекается произвольно; и есть грех, совершаемый произвольно и по неведению. Бывает также, что иной сделает грех по какому-нибудь случаю и еще по долгому пребыванию и закоснению во зле. Вот все роды и виды грехов, и хотя все они достойны порицания, однако же по сравнении положенных за грехи наказаний оказывается, что один больше другого. На иного падает наибольшее осуждение, и с трудом приемлется от него покаяние, а грех иного близок к прощению. И как Адам, Ева и змий, хотя все прияли от Бога воздаяние за грех, однако же весьма в различной мере подверглись проклятию, так бывает и с сынами их: каждому тяжесть наказания соразмеряется с намерением его и пристрастием ко греху. Если кто, не имея желания служить греху, по нерадению о добродетели увлекается в грех, потому что не упражнялся в добродетели, то тяжело таковому пребывать во грехе, да и наказание его тяжело. А если случится, что иной радеющий о добродетели искушен будет каким-либо прегрешением, то, без сомнения, близка к нему милость, чтобы загладить его грех.

Инаков есть грех, совершаемый, когда человек оказывается радеющим о добродетели и постоянным в делании, так что и ночью не спит, заботясь, чтобы не потерпеть ущерба в том, о чем у него попечение, и днем всюду носит с собою бремя свое, и вся забота его о добродетели, но при сих и подобных сим попечениях или по неведению какому, или от каких-либо препятствий на пути его, то есть на пути добродетели, и от волн, во всякое время воздымающихся в членах его, или вследствие уклонения, какое может быть в нем для испытания его свободы, весовая чаша у него склоняется несколько влево, и телесною немощию увлекается он в один из видов греха; и при этом скорбит, тужит, болезненно воздыхает он о душе своей по причине бедствия, приключившегося ему от сопротивных.

Инаков же грех, когда человек оказывается слабым и нерадивым в делании добродетели, совершенно оставил путь ее, рабски стремится в послушание всякому греховному наслаждению, оказывает рвение изыскивать средства к полнейшему наслаждению, подобно какому-нибудь рабу, готов со тщанием выполнить волю врага своего и члены свои уготовить в оружие диаволу со всяким ему послушанием, нимало не намерен подумать о покаянии, приблизиться к добродетели, пресечь зло и положить конец пагубному пути своему.

Инаков грех от поползновений и падений, какие могут приключиться на пути добродетели и на стезе правды. Ибо, по словам отцов, на пути добродетели и на стезе правды встречаются падения, препятствия, принуждения и тому подобное.

Иное же дело - падение души, всецелая ее гибель, совершенное оставление. Кто явно принадлежит к числу таковых, тот, когда падет, да не забывает любви Отца своего; но если приключится ему впасть и в многочисленные прегрешения, да не перестает радеть о добре; да не останавливается в своем течении, но и побеждаемый снова да восстает на борьбу со своими противниками и ежедневно да начинает полагать основание разрушенному зданию, до самого исхода своего из мира сего имея в устах пророческое слово: Не радуйся о мне, противник мой, яко падох; ибо снова встану... аще сяду во тме, Господь озарит мя [Мих. 7, 8]; и нимало да не прекращает брани до самой смерти, и пока есть в нем дыхание, да не предаст души своей на одоление, даже и во время самого поражения. Но если и каждый день разбивается ладия его и терпит

крушение весь груз, да не перестает заботиться, запастись, даже брать займы, переходить на другие корабли и плыть с упованием, пока Господь, призрев на подвиг его и умиловшись над сокрушением его, не ниспошлет ему милость Свою и не даст ему сильных побуждений встретить и вытерпеть разжженные стрелы врага. Такова премудрость, подаваемая от Бога; таков мудрый больной, не теряющий надежды своей. Лучше быть нам осужденными за некоторые дела, а не за оставление всего. Посему-то авва Мартиниан увещевает не изнемогать от множества подвигов, от многообразных и частых браней на пути правды, не возвращаться вспять и не уступать врагу победы над собою каким-либо постыдным для нас образом. Ибо как некий чадолюбивый отец, в чинном и стройном порядке, говорит следующее: «Если вы, чада, действительно подвижники, стремящиеся к добродетели, и есть в вас душевное рачение, то возжелайте ум ваш представить Христу чистым и делать дела, Ему благоугодные. Ибо непременно должно вам выдержать за сие всякую брань, воздвигаемую естественными страстями, противлением мира сего, постоянно и непрекращающеюся злобою демонов, с какою обыкновенно нападают на вас, и со всеми их злоухищрениями. Не бойтесь, что жестокость брани непрерывна и продолжительна; не приходите в колебание от долговременности борьбы; не ослабевайте и не трепещите от вражеских ополчений; не впадайте в бездну безнадежности, если, может быть, и приключится вам на время поползнуться и согрешить. Но если и потерпите что-нибудь в сей великой брани, будете поражены в лицо и уязвлены, сие нимало да не воспрепятствует вам стремиться к доброй вашей цели. Паче же пребывайте в избранном вами делании и достигайте сего вожденного и похвального конца, то есть чтобы оказаться в брани твердыми, непобежденными, обгавленными кровию язв своих, и никаким образом не прекращайте борьбы со своими противниками».

Таковы поучения великого старца. Не надобно вам ослабевать или изнемогать, по сказанному. Горе же тому монаху, который лжет обету своему и, попирая совесть свою, подает руку диаволу, чтобы тот похвалился вовлечением его в какой-либо род малых или великих грехов, и который не может снова стать пред лицом врагов своих сокрушенною частию души своей. С каким лицом предстанет он Судии, когда, достигнув чистоты, друзья его сретят друг друга, - те самые, с которыми разлучившись в пути своем, пошел он стезею погибели, утратил и то

дерзновение, какое имеют пред Богом преподобные, и ту молитву, которая исходит из чистого сердца, возносится горе превыше Ангельских сил и ничем не возбраняется, пока не получит просимого в ней и с радостью не возвратится в воссылавшие ее уста? И страшнее всего то, что как здесь он разлучился с ними в пути своем, так и его разлучит с ними Христос в тот день, когда светлый облак понесет на хребте своем тела, сияющие чистотою, и поставит во вратах небесных. Ибо по тому самому, что здесь уже осуждены дела их, не воскреснут нечестивии на суд, ниже грешницы в совет праведных, в воскресение Суда [Пс. 1, 5].

Преподобный Исаак Сирий. Слова подвижнические. М.: Правило веры, 2002. С. 52-57.

Преподобный Исаак Сирий

ЧУДНОЕ ЖИТИЕ СВЯТЫХ МУЖЕЙ

В один день ушел я в келию к одному святому брату и по болезни своей прилег у него на одном месте, чтобы походил он за мною ради Бога, потому что знакомых у меня там не было. И видел я, как этот брат встает ночью прежде времени, имеет обычай приходить на правило до братии. Довольно времени он стихословил, и вдруг на все то время, пока продолжалось это с ним, оставлял правило, падал на лице свое и до ста или более раз с горячностью, какую возжигала в сердце его благодать, ударял головою в землю. После сего вставал, лобызал крест Владычний, снова делал поклон, и лобызал тот же крест, и опять повергался на лице свое. И такой обычай соблюдал он всю жизнь, так что невозможно изобразить мне числом множества его коленопреклонений. Да и кто был бы в состоянии исчислить поклоны этого брата, какие клал он каждую ночь? Раз двадцать со страхом и горячностью, с любовью, растворенною благоговением, лобызал он крест и опять начинал стихословие, а иной раз от великого возгорения помыслов, распалывших его горячностью своею, когда не в силах был выносить разжжения одного пламени, препобеждаемый радостью, потому что не мог удержаться, восклицал. Поэтому много дивился я благодати сего брата, и подвигу, и трезвенности его в деле Божием. Поутру же, после первого часа, когда садился он за чтение, делался подобен человеку плененному, и в продолжение каждой читаемой им главы не раз падал на лице свое, и на многих стихах воздевал руки свои

к небу, и славословил Бога. От рода же был ему сороковой год. Употреблял он и пищу в весьма малом количестве и совершенно сухую. И поелику сверх меры и силы делал частые принуждения телу своему, то казался подобным тени, почему жалость возбуждало во мне изнеможение лица его, так исхудавшего от многого неядения, что в нем не было и двух перстов. И нередко говаривал я ему: «Пожалей и себя, брат, в подвиге своем, и этого доброго жития, какое приобрел ты; не спутай и не порви этого, подобного духовной цепи, упражнения твоего и из желания прибавить несколько труда не умаль и не останови совершенно течения пути своего. Ешь в меру, чтобы не лишиться возможности есть; не простирай ноги своей сверх силы, чтоб не сделаться вовсе неспособным к делу». Был же он милостив, весьма скромн и милость оказывал с благодушием. Чистый по врожденным качествам, покорный увещанию, мудрый по Богу, всеми любим был за чистоту свою и за благодушие. С братиею же, когда имели в нем нужду, нередко работал дня по три и по четыре; потом на все время, от вечера до вечера, уходил в свою келию, потому что искусен был и во всяком служении. Когда же приобретал что, хотя имел в том нужду, из великого уважения своего к большим и малым не мог сказать, что не имеет того. Всего же чаще, когда работал с братиею, делал это как бы стыдясь и принуждал себя, не находя для себя удовольствия в том, чтобы выходить из келии. Таково было житие и обращение оного подлинно дивного брата.

Преподобный Исаак Сирин. Сказание святых мужей, их преподобные изречения и чудное житие. // Слова подвижнические. М.: Правило веры, 2002. С. 76-78.

Преподобный Исаак Сирин

СЕРДЦЕ МИЛУЮЩЕЕ

«И что такое сердце милующее?» — и сказал: «Возгорение сердца у человека о всем творении, о человеках, о птицах, о животных, о демонах и о всякой твари. При воспоминании о них и при воззрении на них ~~очи~~ у человека источают слезы от великой и сильной жалости, ~~объемлющей~~ сердце. И от великого терпения умалется сердце его, и не может оно вынести или слышать, или видеть какого-либо вреда или малой печали, претерпеваемых тварию. А посему и о бессловесных, и о врагах истины, и

о делающих ему вред ежечасно со слезами приносит молитву, чтобы сохранились и очистились а также и о естестве пресмыкающихся молится с великою жалостию, какая без меры возбуждается в сердце его по уподоблению во всем Богу».

Преподобный Исаак Сирин. Слова подвижнические. М.: Правило веры, 2002. С. 324.

Преподобный Максим Исповедник

ПОСЛАНИЕ О ЛЮБВИ

Подлинно нет ничего более богообразного, более таинственного, более возвышающего людей до обожения, чем Божественная любовь. Она содержит в себе и собирает воедино все блага, о которых слово истины говорит как о (множестве) видов добродетели, и она никоим образом не связана всеми видами зла и удалена от них, будучи исполнением закона и пророков. Являясь наследником закона и пророков, таинство любви делает нас из людей богами; сосредотачивая в себе вселенский смысл отдельных заповедей, она, по благоволению (Божиему), единообразно объемлет им эти заповеди и, по Домостроительству (Божиему), распределяет их многообразным образом. Каков же образ этих благ, который стяжала любовь? Не есть ли она вера — первая основа всякого благочестия, удостоверяющего обладающего ею и в бытии Бога, и в бытии (божественных) вещей; дарующая тем, кто зрит эти вещи, более полное и великое представление о них, чем глаз, прикованный к зримым формам чувственных вещей? Не есть ли она надежда, в самой себе зиждущая в качестве основы подлинно сущее Благо и держащая его сильнее и полнее, чем рука, завладевшая каким-либо плотным материальным предметом, доступным осязанию? Не она ли дарует верующим и преисполненным надеждой духовное наслаждение, по внутреннему расположению своему обладая будущими (благами), как настоящими? Не есть ли она смирение, первое основание добродетелей, благодаря которому мы можем обрести познание о самих себе и отбросить прочь суетное возбуждение гордыни? Не есть ли она кротость, которой мы побиваем и хулы, и похвалы, отстраняясь от противоположных зол — докучаний, славы и бесчестия. Не есть ли она душевное благородство, вследствие которого мы, и страдая, остаемся неизменными в своем отношении к поступающим дурно, не

испытывая к ним никакой вражды? Не есть ли она милосердие, благодаря которому мы добровольно усваиваем себе чужие несчастья и которое не позволяет нам забывать о сродниках и соотечественниках. Не есть ли она воздержание и стойкость, долготерпение и доброта, мир и радость, которыми мы легко унимаем жгучее кипение и возжигание ярости и похоти? Или, сказать кратко, любовь есть свершение всяческих благ, будучи верной, неукоснительной и всегда пребывающей, она ведет и приводит живущих в ней к Богу, Наивысшему Благу и Причине всякого блага.

Ибо вера, прочно зиждущая истину, есть основа того, что следует за ней, — я имею в виду надежду и любовь. Надежда же, будучи силой, (скрепляющей) любовь и веру, являет собой то, во что должно верить и что должно любить, и научает, как должно через нее совершать путь к этому. А любовь есть исполнение их: всею собою охватывая весь предельный предмет желаний и прекращая их движение к нему, она вместо веры в его бытие и надежды на его будущее осуществление дарует собою вкушение его в настоящем. Собственно говоря, только она одна представляет человека сущим по образу Творца...

И когда с человеком, по его собственной воле и вследствие прельщения диавола, приключилось зло, то Бог — Творец (человеческой) природы и мудрый Целитель ее, уже истощенной пороком, — ради любви к нам унижил Себя Самого, приняв образ раба [Флп. 2, 7], непреложно соединив с Собой по ипостаси (человеческое) естество, и весь ради нас, от нас и через нас настолько стал человеком, что неверующие и Богом Его не считали. Но Он настолько был Богом, что заложил в верующих неизреченное и истинное слово благочестия, дабы расторгнуть деяния диавола, вернув естеству (человеческому) чистоту сил (души), и дабы обновить силу любви — противницу себялюбия, которое есть и познается как первый грех, первое порождение диавола и мать всех следующих за ним страстей. И тот, кто любовью уничтожает себялюбие, проявляет себя достойным Бога. Вместе с себялюбием он уничтожает и все скопище порока, не имеющего иной основы или причины своего бытия помимо этого себялюбия. Таковой человек не знает превозношения, служащего признаком противоборствующей Богу гордыни — сложного и чудовищного зла; не ведает он преходящей славы, которая, низвергаясь (в небытие), увлекает с собою и чванившихся ею; он иссушает зависть,

которая сама по справедливости прежде иссушает одержимых ею, через добровольное благоволение располагая к себе сродных ему людей; вместе с этими (пороками) он вырывает с корнем ярость, гнев, кровопролитие, коварство, лицемерие, притворство, злобу, жадность и все то, чем разделяется единый человек. Ведь когда вырывается себялюбие, которое, как я сказал, есть начало и мать зол, то вместе с ним обычно вырываются и все (пороки), проистекающие из него и следующие за ним: когда оно не существует, то вообще не может существовать какого-либо вида порока или следов его. Вместо них (в душу) внедряются всяческие виды добродетели, дополняющие силу любви...

Итак, любовь есть великое благо, первое и исключительное из (всех) благ, она сочетает собою Бога и обладающих ею людей, позволяя Творцу человеков являться, как человеку, через полное подобие в благе, (которого достигает) обоженный, насколько то доступно человеку. Данное подобие осуществляется, я думаю, тогда, когда любят Господа Бога от всего сердца, души и силы, и когда (любят) ближнего, как самого себя. Это есть, если попытаться объять (любовь) определением, всецелая внутренняя связь с Первым Благом и с всеобщим Промыслом о естестве всего рода (человеческого). Выше этого нельзя подняться боголюбцу, прошедшему через все образы благочестия. Эту связь мы знаем как любовь и именуем любовью, не считая любовь к Богу и любовь к ближнему за нечто раздельное, но признавая ее всю целиком за единую и ту же самую, ибо ею мы обязаны Богу и она сочетает людей друг с другом. Ибо осуществлением и ясным доказательством совершенной любви к Богу является искреннее расположение к ближнему, (достигаемое) через добровольное благоволение. Ведь божественный Апостол Иоанн говорит: Ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит? [1 Ин. 4, 20]. Любовь есть путь истины [Ин. 14, 6], и ею называет Себя Слово Божие, Которое представляет Богу и Отцу идущих этим путем чистыми от всяческих страстей. Она есть дверь [Ин. 10, 9], и входящий через нее вступает в Святая святых, став достойным созерцателем недоступной красоты Царственной и Святой Троицы...

Ради любви Сам Создатель естества (дело неслыханное и приводящее в трепет!) облачился в наше естество, непреложно соединив его с Собою по ипостаси, дабы остановить распыление этого естества и собрать его в Себе уже соединившимся и не обладающим никаким различием,

(порожденным греховной) волей, ни относительно Него, ни относительно себя самого. Он ясно указал всеславный путь любви, подлинно божественной и обоживающей, ведущей к Богу и, как говорится, являющейся Богом. Этот путь, который в начале покрылся терниями себялюбия, (Господь) Своими страстями ради нас предзапечатлел в Себе и предоставил его всем, (уже) чистым от (всяких) препятствий. Камни на этом пути он разметал с помощью Своих учеников, как Сам предвозвестил в пророках: И камне, еже на пути, разметите [Ис. 62, 10]. Надлежащим образом Он убедил нас настолько придерживаться Его и друг друга, насколько Он Сам Собою, предвосхищая это, показал, пострадав ради нас. Ради этой любви все святые до конца противостояли греху, не заботились о здешней жизни и стойко сопротивлялись многовидным способам смерти, дабы, (уходя) от мира, сочетаться с самими собой и с Богом, соединив в себе разорванные части (человеческого) естества. Любовь есть истинное и безупречное богомудрие верных, концом которого является Благо и Истина. Ибо благом и истиной являются человеколюбие и любовь к Богу по вере; они суть отличительные признаки любви, сочетающей людей с Богом и друг с другом, а поэтому и обладающей неукоснительным постоянством благ.

И вы, благословенные, от всей души возлюбили этот божественный и блаженный путь, чтобы, подвизаясь в подвиге благом, достичь конца (его). А поэтому вы незыблемо придерживаетесь того, благодаря чему достигается предел этого пути, я имею в виду человеколюбия, братолюбия, странноприимничества, нищелюбия, сочувствия, сострадания, смирения, кротости, душевного благородства, терпения, негневливости, долготерпения, стойкости, доброты, спокойствия, благоволения и миролюбия ко всем. Из них и через них создается благодать любви, которая ведет обоживаемого к Богу, Творцу человека. Ибо божественный Апостол, а вернее, глаголющий через него Христос, говорит: Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает [1 Кор. 13, 4-8], поскольку она имеет Бога,

единственного Неперестающего и Неизменного. И человека, живущего в соответствии с ней, любовь делает таковым же.

Преподобный Максим Исповедник. Послание к Иоанну Кубикулярию о любви. // Творения. Кн. I. М.: Мартис, 1993. С. 146-153.

Преподобный Симеон Новый Богослов

О ВЕРЕ,

■ к тем, которые говорят, что живущему в мире невозможно достигнуть совершенства в добродетелях

Доброе дело проповедать пред всеми милость Божию и возвещать братиям своим великое Его благоутробие и неизреченную благодать, какую имеет Он к нам. — Знаю я человека, который ни долгих и великих постов не держал, ни бдений не совершал, ни на голой земле не сыпал, ни других подобных особенно тяжелых подвигов на себя не налагал, но приведши на память грехи свои, познал свое окаянство и, осудив себя, смирился, — и многоблагодарный Господь за это одно спас его, как говорит Божественный Давид: *смирися и спасе мя* [Пс. 114, 5]. Короче сказать: полюбил он словесам Бога, и за эту веру Господь принял его. Стяжать смирение много есть препятствий, преграждающих путь к нему; но уверовать словесам Бога нет никакого препятствия, которое ставило бы преграду к тому. Как только захотим от всей души нашей, тотчас и уверуем. Ибо вера есть дар всеблажного Бога, который дал Он нам иметь естественно, употребление его истинно самовластью произволения нашего. Почему и скифы и варвары естественно имеют веру и верят словам один другого. Но чтобы показать вам на опыте действие вседушной веры, послушайте, я расскажу вам в подтверждение сказанного некую повесть.

Жил в Константинополе некто по имени Георгий, юноша возрастом лет двадцати. Это — в наши дни, на нашей памяти. Он был красив лицом, и в его походке, в манере держать себя и в приемах обращения было нечто показливое: так что по сей причине делали о нем разные недобрые предположения те, которые смотрят на одну внешность, и не зная, что скрыто внутри каждого, судят о других ошибочно. Он познакомился с неким монахом, жившим в одном из константинопольских монастырей, человеком святым, и, открывая ему сокровенности сердца своего, сказал и

то, что сильно жаждет спасения души своей. Честный старец, поучив его, как следовало, и дав ему небольшое правило к исполнению, дал еще и книжицу св. Марка-подвижника, где он пишет о духовном законе. Юноша принял эту книжицу с такой любовью и с таким благоговением, как бы она была послана ему от самого Бога, и сильную возымел к ней веру, надеясь получить от нее великую пользу и великий плод. Почему читал ее с великим усердием и вниманием, и, прочитав всю, великую получил пользу от всех глав ее. Но из всех глав три наипаче запечатлелись в сердце его; первая: «Ища врачевания, пекись о совести (внимай ей); и что она говорит тебе, делай то, и получишь пользу» (глав. 69). Вторая: «Ищущий (чающий получить) действенности Святого Духа, прежде делания заповедей, подобен купленному за деньги рабу, который в тоже время, как его только что купили, ищет, чтоб вместе с уплатою за него денег подписали ему и свободу» (гл. 64 О хотящ. оправ. от дел). Третья: «Молящийся телесно и не имеющий еще духовного разума подобен слепцу, который зывал: *Сыне Давидов, помилуй мя* [Мк. 10, 48]. Другой же некто прежде слепой, когда прозрел и увидел Господа, уже не называл Его сыном Давидовым, но исповедал Его Сыном Божиим [Ин. 9, 35,38]» (гл. 13, 14 О духовном законе). Эти три главы очень ему понравились, и он поверовал, что через внимание к своей совести, как внушает первая глава, он получит уврачевание (немощей душевных); чрез исполнение заповедей достигнет действенности Святого Духа, как учит вторая глава, и благодатью Святого Духа прозрит умно и узрит неизреченную красоту Господа, как обещает третья глава. И уязвился он любовью к красоте сей, и хотя еще не видел ее, сильно возжелал ее и усердно взыскал, в надежде узреть ее наконец.

При всем том, однако же, он ничего особенного не делал (как уверял меня с клятвою), кроме того, что каждый вечер неопустительно исправлял то небольшое правило, которое дал ему старец; и не иначе, как исправив уже его, ложился в постель и засыпал. Но со временем совесть начала ему говорить: положи и еще несколько поклонов, прочитай сколько-нибудь других псалмов, проговори, сколько можешь, большее число раз и: Господи Иисусе Христе, помилуй мя! Он охотно слушался своей совести, и что она внушала ему, делал без размышления все так, как бы то повелевал ему сам Бог, и ни разу не ложился он спать так, чтобы совесть обличала его, говоря: для чего не сделал ты того и того? Так всегда он слушался совести своей, никогда не оставлял без исполнения того, что

сделать она внушала ему. А она каждый день все больше и больше прилагала к обычному его правилу, и в немногие дни вечернее его молитвословие возросло в великое последование. Днем он находился в палатах одного патриция, и на нем лежало попечение о всем потребном для людей, живших там. Вечером же каждый день он уходил оттуда и никто не знал, что делал он у себя. Он же и слезы проливал из очей своих, обильные, и коленопреклонений делал многое множество, падая лицом на землю; когда стоял на молитве, ноги держал вместе тесно одну к другой, и стоял неподвижно; и к Пресвятой Богородице читал молитвы с болезнью сердечной, воздыханиями и слезами; ко Христу же Господу обращаясь, падал к пречистым ногам Его, как бы Он телесно присущ был ему, и умолял Его умиласердиться над ним, как некогда над слепым, и даровать прозрение душевным очам его. Поелику каждый вечер увеличивалась молитва его, то он, наконец, простаивал молясь, до самой полночи; и однако же во все время молитвы, ни разлечения себе не позволял, ни до нерадения себя не допускал, ни членов тела своего не распускал, ни очей не обращал по сторонам или вверх, чтоб взглянуть на что, но так стоял неподвижно, как столп какой или как бестелесный.

Однажды, как он стоял таким образом на молитве и говорил умом паче нежели устами: «Боже, милостив буди мне грешному», – внезапно низошло на него свыше божественное осияние пресветлое и исполнило все то место. Тогда забыл уже юноша сей, что находится в комнате и под кровлею, потому что во все стороны виделся ему один свет, не знал даже, попирает ли он землю ногами своими; ни о чем мирском не имел уже он попечения и не приходило тогда на мысль ему ничто из того, что обыкновенно бывает на уме у тех, кои носят плоть человеческую; но был весь срастворен с невещественным оным светом, и ему казалось, что и сам он стал светом; забыл он тогда весь мир и исполнился слез и радости неизреченной. Потом ум его востек на небеса и он увидел там другой свет, более светлый, чем тот, который был окрест его. И показалось ему, к изумлению его, что вскрай света того стоит помянутый выше святой оный и равноангельный старец, который дал ему небольшую ту заповедь о молитве и книжицу св. Марка-Подвижника. – Услышав это от юноши, я подумал, что ему много содействовала молитва старца, и что Бог устроил такое видение, чтоб показать юноше, на какой высоте добродетели стоял старец оный. Когда прошло видение то, и юноша пришел в себя, то нашел

себя (как говорил после) всего исполненным радости и изумления и плакал от всего сердца, которое со слезами было исполняемо и сладостью великой. Наконец лег он в постель; но тотчас запел петух и показал, что была уже полночь. Немного спустя заблаговестили в церкви и к утрени; и юноша встал, чтоб прочитать по обычаю своему последование утрени. Так он совсем не спал в ту ночь; сон и на ум ему не приходил.

Случилось это как - ведает Господь, Который и сделал сие, ими же весть судьбами. Юноша же тот ничего особенного не делал, кроме того, что с крепкой верою и несомненной надеждою всегда верно исполнял слышанное им от старца правило и вычитанное в книжице наставление. И никто не говори, что он делал это для испытания. Это и на ум ему не приходило. Кто испытывает, тот не имеет твердой веры; но юноша тот, отложив всякий страстный и самоугодливый помысел, так много заботился о верном исполнении того, что внушала ему совесть, что никакого уже сочувствия не имел к вещам мира сего, даже пищи и питья не вкушал в сладость или вдоволь.

Слышали, братья мои, что может сделать вера в Бога, свидетельствуемая добрыми делами? Поняли, что ни юность нисколько не вредит, ни старость не пользует, когда нет разума и страха Божия? Познали, что ни мир и житейские дела не мешают исполнять заповеди Божии, когда имеется ревность и внимание? Ни безмолвие и удаление от мира не пользует, когда властвуют леность и нерадение? Все мы, слыша о Давиде и удивляясь ему, говорим: один был Давид, и другого такого не было, но вот смотрите, в юноше этом проявилось нечто больше, чем в Давиде. Давид приял свидетельство от Бога, помазан в царя и пророка, получил Духа Святого и многие имел о Боге удостоверения. Почему, когда согрешил, и потерял благодать Святого Духа и дар пророческий, и отчужден был от обычного собеседования с Богом, что дивного, если, вспомнив о благодати, от коей испал, опять взыскал он от Бога потерянные блага? Но этот юноша ничего такого не имел, а был связан мирскими делами, заботился только о временном, а о чем-либо высшем земли и подумать не имел времени, – и однако же – дивны судьбы Господни! – лишь только услышал малое нечто от одного святого старца и вычитал три те главы у аввы Марка, тотчас несомненно поверил слышанному и написанному и с непоколебимой надеждою ввел то в дело, и с небольшим тем деланием, которое совершал вследствие того, сподобился возвысить

ум свой до небес, подвиг на милость Матерь Господа; ее молитвами умилиствовал Бога и привлек на себя благодать Святого Духа, которая с такой силою осенила его, что он сподобился увидеть свет, который видят многие желают, но немногие сподобляются. Этот юноша ни постов долгих не держал, ни на земле не спал, ни власяницы не носил, ни из мира не выходил телесно, а только духовно – душевным настроением, – и с небольшим бдением, которое совершал, явился высшим дивного одного Лота, бывшего в Содоме, или, лучше сказать, явился Ангелом в теле человеческом, человеком по видимости и ангелом по умному строю. За что и сподобился увидеть сладчайший оный свет мысленного Солнца правды, Господа нашего Иисуса Христа, каковой свет удостоверил его, что он имел воспринять и будущий свет. И праведно: ибо любовь и сердечное его к Богу прилепление сделали его иступленным, отторгли дух его от мира сего, и от собственного естества, и от всех вещей, и сделали его всего светом от Святого Духа, при всем том, что он и жил среди города, и правил целым домом, и пекся о рабах и свободных, и делал все, что потребно для настоящей жизни...

О том юноше после я узнал от него же самого еще и следующее. Я встретил его, когда уж он стал монахом и провел в монашеской жизни года три или четыре. Было ему тогда тридцать два года. Я знал его очень хорошо: мы от юности были друзьями и воспитывались вместе. Так он и рассказал мне следующее: «После одного дивного видения и изменения, бывшего во мне, немного прошло дней, как со мной случились многие искушения мирские, по причине которых, во время совершения мной тех сокровенных по Богу деланий я увидел в себе, что мало-помалу лишаюсь блага одного, и сильное возымел желание удалиться от мира и в уединении искать Христа, мне являвшегося. Ибо верую, брате, что для того Он и благоволил явиться мне, чтоб взять к Себе и меня недостойного, отделив от всего мира. Но как я не мог этого исполнить тогда же, то мало-помалу забыл все, что пересказывал тебе прежде, и впал в совершенное омрачение и нечувствие, так что не помнил уже ничего из того, что сказывал тебе, ни малого ни большого, до самонаименьшего движения мысли, или чувства. Затем впал я в большие зла, чем прежде, и пришел в такое состояние, как бы никогда не слышал слов Христовых и не постигнул их; но и на святого одного, который так милостив был ко мне, и дал мне такую заповедь и книжицу Марка, смотрел я как на одного из случайных людей, несколько

не помышляя о том, что видел относительно его. – Это я сказываю тебе подробно, говорил он далее, для того, чтоб ты знал, в какую глубину пагубы ниспал я, окаянный, по нерадению своему, и подивился неизреченной благодати Божией, явленной на мне потом. Не умею тебе сказать, как без моего ведома остались в бедном сердце моем любовь и вера к оному святому старцу, но думаю, что ради их после столького времени человеколюбивый Бог по молитвам его умилился надо мной и опять чрез него же исхитил меня из прелести и исторг из глубины зол. Я недостойный не совсем отдалялся от этого старца, но когда бывал в городе, часто заходил к нему в келью, и исповедовал ему бывающее со мной, хотя не исполнял заповедей его бессовестный. Теперь же, как видишь, милосердный Бог презрел многое множество грехов моих и устроил мне сделаться монахом от того самого старца и сподобил всегда пребывать с ним вместе мне, поистине недостойному. После чего с великим трудом и с обильными слезами, при решительном отчуждении и отделении от мира, совершенном послушании и отсечении своей воли, многих других делах и приемах строгого самоумерщвления и неудержимом стремлении ко всему доброму, удостоился я опять увидеть, хотя некоторым образом примрачно, малый луч сладчайшего онного и божественного света. Но такого видения, как то, которое видел тогда, даже доселе не сподобился еще я увидеть опять»...

Итак, прошу вас, братия мои, потечем с усердием и себе путем заповедей Христовых, – и лица наши не постыдятся. Но как тому, кто толчет с терпением, Господь отверзает двери царствия Своего, по обетованию Своему, и тому, кто ищет, дает Духа Всесвятого и невозможно тому, кто ищет от всей души, не найти Его и не обогатиться дарами Его: так и вы несомненно получите дивные блага от Него, какие угодовал Он любящим Его, – здесь отчасти, как укажет мудрость духовная, а в будущем веке всецело, со всеми от века святыми, во Христе Иисусе.

Святой преподобный Симеон Новый Богослов. О вере, и к тем, которые говорят, что живущему в мире невозможно достигнуть совершенства в добродетелях. В начале слова – многополезная повесть. // Добротолюбие. Т.5. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1992. С. 728-744.

О ДУХОВНОМ РУКОВОДИТЕЛЕ

Надлежит нам со всем усердием, тщанием и вниманием, со всею бдительностью и многими молитвами блюстись, чтобы не напасть на **какого-либо прелестника или обманщика, или лжеапостола, или лжехриста, но обрести руководителя истинного и боголюбивого, который имел бы внутри себя Христа и точно знал учение, правила и постановления святых Апостолов и догматы святых отцов, или, лучше сказать, который бы знал волю и тайны Самого Владыки и Учителя Апостолов Христа. Такого учителя надлежит нам взыскать и обрести, который сначала слышал бы все это в слове и научился тому со слов, а потом научен был всему таинственно и во истине Самим Утешителем Духом чрез деяние и опыт; так чтобы и он сподобился услышать от Самого Христа Господа, научившего Апостолов: вам дано есть разумети тайны царствия небесного [Мф. 13, 11]. Если взыщем - конечно, и найдем, ибо не неправеден Бог, и не радуется Он о гибели человеческой, но, как написано, тако возлюби Бог мир, яко и Сына Своего Единородного дал есть, да всяк веруяй в Онъ не погибнет, но имать живот вечный [Ин. 3, 16]. Если Он на смерть предал Сына своего Единородного, да мы спасены будем чрез Него, то возможно ли, чтобы, когда мы просим Его послать нам или, лучше, явить нам **какого-либо истинного раба Своего, который поруководил бы нас в деле спасения и научил знать волю Его, возможно ли, говорю, чтобы Он скрыл от нас такого человека и лишил нас чрез то неложного руководства? Нет, нет! Это никак невозможно...****

Только тем, которые бывали усердны к Богу и, заботясь о спасении своем, начинали сами от себя делать все, способствующее сему спасению, сколько то было для них возможно, взывали Бога и делали всякое добро, только таким как всегда являл, так и теперь являет Бог апостолов, пророков, праведных и святых, и они узнавали их и принимали, яко таких, честь им воздавали, как учителям благочестия и посланникам Божиим. Почему и слова их соблюдали, как законы Божии, и мзду получали в меру тех, коих принимали. И ныне, если обретутся где-либо таковые, приемлемые и приемлющие, всеконечно и ныне сии последние приемлют мзду в меру первых.

А тех, которые презирают других и, думая о себе, что они крайне мудры, пребывают в беспечности и нерадении и не просят Бога в усердных молитвах, с милостынями и постом, тех Бог оставляет пребывать в том самопрельщении, в которое впали сами по своей вине. Они, будучи омрачены тьмою своих страстей, похотей и пожеланий, и, ходя в сей тьме, как в глубокой ночи, на таких же и учителей попадают...

Прибавлю к сказанному еще и следующее, что если кто не позаботится наперед, долгим молением, с милостынею, постом и бдением, познать себя самого и свою немощность, то он не может познать и того, что без духовного отца, руководителя и учителя, нельзя человеку соблюсти, как должно, заповеди Божии, жить вполне добродетельно и не быть уловлену сетями диавольскими, а кто этого не познает, тому как избежать притязательного самомнения, что он не имеет нужды в научении, совете, внушении и помощи со стороны других? И остается он исполненным гордости, не сознавая, что ничего не знает, и пребывает во глубине неведения, или, вернее сказать, погибели.

Если хочешь улучшить истинного учителя, мужа святого и духовного, не рассчитывай, что можешь узнать его сам собою, своим рассмотрением, потому что это невозможно. Но прежде всего другого, как я сказал уже, подвизайся в добрых делах, в милостынях, в пощении, молитве и молении непрестанном, да будет тебе помощником и содействователем в этом Бог. Коль же скоро с помощью Божиею, по благодати Его, сподобишься найти такого, покажи к нему крайнее внимание и всякое ему благоугождение, великое смирение и благоговение, высокое почитание и веру чистую и несомненную. Чего ради? Ради того, чтоб, к несчастию, не заслужить тебе иначе вместо мзды казнь и муку. Ибо о таковых сказал Спаситель наш и Бог: иже вас приемлет, Мене приемлет [Мф. 10, 40]; отменяя же вас, Мене отменяется [Лк. 10, 16]. Итак, надлежит нам принимать таковых, как Самого Христа, ибо то, что бывает оказываемо им, возносится к Самому Владыке Христу и Богу нашему, и Он Себе то присвоает и на таком имеет счету, как бы Он Сам лично принимал все то...

Бывает, что иной только что избрет кого-либо себе в духовные отцы и учителя посредством исповеди у него, и не спустя несколько времени, а тотчас же, как назовет себя духовным ему сыном, начинает высказывать гордость пред сим духовным отцом своим, и, вместо того, чтобы быть духовным чадом и учеником, становится отцом духовным и учителем и

начинает читать уроки отцу своему духовному, противоречить ему и унижать его, если случится, что он скажет ему что-либо не по нраву его, а пройдет сколько-нибудь времени, он и совсем забывает, что есть у него духовный отец и учитель. Если же духовный отец сам ходит к нему, но не творит воли его, и не поблажает желаниям его или, лучше сказать, не падает и сам вместе с ним, чтоб вместе с ним и погибнуть, то он оставляет его и находит другого, который бы последовал его плотским пожеланиям.

Бедный и несчастный человек! Чего ради не чтишь ты духовного отца своего, как апостола Христова? - Не вижу, говоришь, чтоб он исполнял заповеди Божии, потому и не чту его. Но это пустой предлог. Ибо, скажи мне, сам-то ты лучше его исполняешь их, что так смело презираешь его и осуждаешь? Но хотя бы ты и действительно исполнил все заповеди, и тогда не следовало бы тебе осуждать его и презирать, и отвращаться от него, укоряя его в нерадении о добром житии, а напротив, надлежало бы и тогда любить его и почитать за те блага, которые даровал тебе Бог чрез посредство его, и делать его участником в твоём телесном, чтоб таким образом хоть сколько-нибудь воздать ему за то духовное добро, которое он доставил тебе, дабы не только сохранить дарованное тебе чрез него от Бога, но и приумножить то таким образом действования. Теперь же, как сам видишь, за неверие, неблагодарность и оставление духовного твоего отца и учителя, ты не только сгубил все, полученное тобою чрез него, но изгладил то самое, почему ты - христианин, и лишился Христа Господа. Иисус предположи в уме своем, что царь земной прислал к тебе какого-либо из самых лучших слуг своих, одетого бедно, в ветхие рубища, не на коне, а на плохом ослепке или даже пешком, но который принес тебе грамоту за царскою печатью, написанную собственноручно царем, и в этой грамоте царь провозглашает тебя братом своим и другом и обещает спустя несколько времени сделать тебя соучастником с собою в царствовании, увенчать главу твою царским венцом и облечь тебя в царское одеяние, - скажи мне, как бы ты отнесся к этому слуге? Принял бы его и почтил, как царского слугу, и ради таких великих и истинно царских обещаний и такой светлой славы, тебя ожидающей, возрадовался вместе с ним, облагодетельствовал его по силе сюзерена и наобещал благодетельствовать и после всегда или презрел бы его и отослал с презрительными руками и бесчестьем, по тому одному, что он одет в бедные одежды и пришел пешком?! Если предположим, что ты презрел бы его таким образом, и царь узнал об этом,

то похвалил бы он тебя за это или бы укорил и осудил? Если б сам ты был этим царем, то не почел ли бы укором и бесчестьем себе такого презрения, оказанного слуге твоему? И этого поношения его не признал ли бы поношением себе? Конечно, так бы было...

Брате! Часто и со всем усердием моли Бога показать тебе человека, могущего добре поруководить тебя, и кого укажет тебе Бог, тайно ли действием благодати Своей, или явно чрез какого-нибудь раба Своего, иди к нему и имей благоговеинство пред ним, смотря на него, как на Самого Христа. Ибо как имеешь ты долг слушаться Бога, так надлежит тебе слушаться и его, чтоб научиться достождождному. И смотри, что он ни скажет тебе, исполняй то без колебания, хотя бы то, что он прикажет тебе, казалось не совсем уместным и полезным. Лучше тебе быть и именоваться учеником ученика, нежели проводить жизнь своеобразно и собирать бесполезные плоды своей воли.

Итак, когда услышишь ты от него: изыди от земли хотения твоего и от рода мудрования своего, - не колеблись и не стыдись последовать сему, побеждаем будучи тщеславием. Если же скажет тебе: иди в землю послушания, которую я тебе покажу, - теки, брате мой, туда изо всей силы, не давая сна очам своим, и не попускай побеждать себя лености и нерадению. Ибо, может быть, и тебе явится там Бог и соделает тебя отцом многих духовных чад и дарует тебе землю обетования, которую наследуют только праведные. Если он прикажет тебе взойти на гору молитвы, восходи с готовностию. Я уверен, что там узришь ты Христа преобразившимся и воссиявшим паче солнца светом Божества Своего. И ты, может быть, падешь ниц, не стерпевая смотреть на то, чего никогда не видывал, услышишь свыше глас Отца, увидишь облак осеняющий и пророков, предстоящих и возвещающих, что Он есть Бог и Господь живых и мертвых. Если он скажет тебе, чтоб ты шел вслед его, обтекай с ним грады с дерзновением, и много получишь пользы, если будешь смотреть только на него, и ни на что другое. Если увидишь, что он будет есть с блудниками, мытарами и грешниками, не помышляй, что тут есть что страстное и человеческое, но думай, что в сем все бесстрастно, и свято припоминай апостольское слово: всем бых вся, да всяко некия спасу [1 Кор. 9, 22]. Видя даже собственными глазами, как он будто снисходит до человеческих страстей, не верь тому отнюдь, потому что и они (свои очи)

обманываются, как я это сам делом испытал, но последуй ему и верь словам его без суждения помышлений.

Не смотри на тех, которые вместе с тобою, и не берись сказать за кого-либо: Господи, сей же что? Но паче себе всегда внимай, имея смерть пред очами своими и тщательно присматривая, какою бы добродетелию прославить Господа. Не гордись учителем своим, когда за него будут слишком чтить тебя, хотя бы много было готовых слушаться тебя ради имени его, но тому наипаче радуйся, если имя твое напишется на небе смирения. Если увидишь, что демоны трепещут даже тени твоей, не думай, что это бывает вследствие твоей добродетели, но относись то к молитвам отца своего, и тогда демоны еще более будут бояться тебя ради смирения твоего.

Если отец твой прикажет тебе сесть за трапезу с собою, прими то с благодарностию, но храни благоговейное уважение и почтительность к нему с молчанием; не позволяй себе начать есть что-либо без его благословения; не дерзай и другому кому подать что без позволения и приказания его. Если и то прикажет он тебе, чтоб ты сел ниже всех, смотри не подумай сказать ему, что хочу сесть одесную или ошуюю тебя, с уверенностию полагая, что эти места уготованы для других, и прими последнюю часть, веруя, что сим способом стяжается первейшая, ибо слышишь, что говорит Христос, что кто хочет быть первым, пусть будет последним всех? [Мф. 20, 27]. И еще паче возлюби учителя своего за то, что дает тебе способ, посредством вещей малых и незначительных, стяжать большее и важнейшее. Не протягивай также вместе с ним руки твоей в чашу прежде всех, ибо знаешь хорошо, кто некогда дерзнул это сделать (Иуда).

Если он захочет умыть ноги твои, постыдись его, как Господа и учителя, и не допускай сего. Но когда услышишь от него: нет тебе и части со мною, если не умою ног твоих, - дай проворнее ему омыть даже и все тело твое, - да познаешь из того, что делается для тебя, великую высоту боготворного смирения. И тогда, если есть у тебя совесть и смысл, ты большую получишь пользу, нежели как если бы сам умыл ноги духовному отцу своему.

Если он скажет: один из вас предаст меня, или смутит меня, - смотри не скрывай лукавства, но если знаешь что подобное за собою, исповедуй то. Но если и не знаешь ничего, припади к стопам его со слезами и спроси:

не я ли, отец мой? Потому что мы много согрешаем по неведению и не знаем того. Не говорю тебе: припади к персям отца своего, - потому что это бесполезно тебе. Хотя Иоанн, по великой любви своей к Христу, имея большее к Нему дерзновение, припадал к персям Его, однако ж и он вместе с другими получил повеление именовать себя непотребнейшим рабом, когда исполнит все заповеди.

Если видишь, что учитель твой творит чудеса и прославляем бывает за то, - верь тому и радуйся, и благодари Бога, что улучил такого учителя. Опять, когда увидишь, что его бесчестят, а иногда даже и удары наносят ему завистники его, не соблазняйся тем, но и ножа не поднимай, чтоб подобно пламенному Петру урезать ухо дерзнувшему похулить отца твоего или нанести ему удар. Довольно для тебя не умалить своей к нему веры и любви и, если можешь, сказать твердое слово в оправдание его. Если, убоявшись, как человек, скажешь при сем: не вем человека сего, - сознай потом вину свою и восплачь о том горько, и я уверен, что он первый опять привлечет тебя к себе.

Если увидишь, что он страдает страсти от злых людей и приемлет распятие, яко злодей, то, если можешь, умри и ты с ним; если же не можешь умереть с ним, не будь по крайней мере едино с теми злыми людьми как предатель, и не принимай участия с ними в пролитии крови неповинной, но, хотя как раб малодушный, уклонившись немного и оставив одного своего пастыря и учителя, соблюди свою к нему веру. Если освободится он от уз, иди опять к нему и имей еще большее к нему благоговение, как уже к мученику. Если же умрет в искушениях и мучительствах, выступи с дерзновением, найди тело его и почти его паче, нежели когда оно было живо, помазав его миром и похоронив с великою честью. Ибо хотя не воскреснет оно в третий день, всячески, однако ж, воскреснет в день последний вместе со всеми. И веруй, что предстоит он Богу с дерзновением, и, если будешь усердно испрашивать его ходатайства, он поможет тебе в сей жизни, избавляя тебя от всего противного, а когда умрешь, примет тебя там и уготовит тебе обитель вечную.

Если, после всего сказанного нами, он позовет тебя особо и скажет: убезмолвься и сиди здесь, отнюдь не выходя вне, дондеже облечешися силою свыше, - послушай его с твердым упованием и великою радостью. Такой учитель, брате мой, неложен и истинен. Воистину и на тебя

низойдет сила Всесвятого Духа, как тогда низошла на Апостолов, не в чувственном видении огненном, не с шумом великим и дыханием бурным (ибо тогда на Апостолах это было для неверных), но она явится в тебе мысленно, как умный свет, со всякою тихостию и обрадованием; каковый свет есть предначатие света вечного, воссияние и луч вечного блаженства. И тотчас исчезнет всякий страстный помысл, изгонится всякая душевная страсть и всякая немощь телесная уврачуется. Тогда откроются очи сердца твоего и узрят то, что начертано в блаженствах. Тогда, как в зеркале, увидит душа твоя и самонаименьшие твои прегрешения и придет в величайшее смирение; созерцая же беспредельную славу Божию, исполнится неизреченной радости и всякого веселия и, погрузившись в сию неизреченную дивность, изведет источники слез. Так изменяется весь человек и познает Бога, сам прежде быв познан от Бога. Сия единая благодать Всесвятого Духа делает то, что человек презирает все земное и небесное, настоящее и будущее, скорбное и радостное, делает его и другом Богу, сыном Вышнего, богом по благодати...

Я советую тебе то, чему научился у своих отцов; ты же последуй тем, о коих знаешь, что они лучше меня. Внимай, однако ж, брате! Не случись бы тебе последовать худшим, хотя ты и не того желаешь. Потому что умеющие добре пасти и врачевать разумные души поистине очень редки, и особенно в настоящее время. Бывало немало таких, которые делали вид, будто постятся, совершают бдения, прилежат молитве, а это было лицемерие одно; много есть и таких, которые действительно так поступают: являют внешне и благоговейство, говорят долгие проповеди изустно (без книг и тетрадки) и с легкостию всегда предлагают поучения собранию народному, но очень мало таких, которые бы плачем и слезами искоренили страсти и стяжали основные добродетели. Основными же добродетелями мы называем - смирение, истребляющее страсти и насаждающее небесное и ангельское бесстрастие, любовь, никогда не стоящую (на одном) и не падающую, но непрестанно множащуюся и растущую, прилагая стремление к стремлению и рвение к рвению, - и совершенное рассуждение, добре руководящее последующих ему и безбедно преводящее их по мысленному морю. Это рассуждение надлежит и тебе взыскать у Бога и умолить Его даровать тебе оное, и особенно теперь, чтоб мог ты верно определить свое состояние и соответственные тому взять на себя подвиги, да обрящешь Христа, Который бы и в

настоящее время содействовал тебе, и впоследствии богато излил на тебя полноту осияния Своего. Сие рассуждение избавит тебя от опасности последовать за волком вместо пастыря или вступить в такое стадо, которое больно какою-либо болезнью душевною и страстию, или основаться одному в уединении прежде времени, - чтоб не попасть в зубы душегубительного волка - диавола и не быть поглощену им, или не заболеть болезнью на болезнь и страстию на страсть и не умереть душевно, или, уединясь преждевременно, не пасть и не стяжать, увы, и горе, ибо горе единому, егда падет. Тот же, кто обретет доброго учителя и всецело предаст себя ему, не будет уже иметь заботы ни о чем таком, но будет проводить жизнь свою в совершенном беспечении и несомненно улучит спасение во Христе Иисусе.

Слова преподобного Симеона Нового Богослова: В 2 частях. М.: Правило веры, 2001. Часть 1, Слово 11, С. 131-170. Часть 2, Слово 72, С. 210-220.

Преподобный Григорий Синаит

О ПРЕЛЕСТИ

Смотри, я хочу, чтобы ты точно знал о прелести, остерегался ее и чтобы, водимый неведением, крупно не повредил себе и не погубил своей души. Свободный выбор человека легко склоняется к сообществу с врагами, особенно у неопытных, как наиболее преследуемых ими. Вблизи и вокруг новоначальных и своевольных бесы обыкновенно развертывают сети помыслов и губительных мечтаний и приготавливают рвы падений, так как душевный город их - под властью иноземцев. И не надобно удивляться, если кто-либо из неопытных обольщен, или впал в иступление ума, или приняв и принимает прелесть, или увидел чуждое истины, или говорит неуместное по неопытности и неведению... Это случилось со многими ищущими Бога теперь и прежде.

Память о Боге, или умная молитва, выше всех родов деятельности. Она, как и любовь Божия, является главой добродетелей. Но бесстыдно и нагло желающий войти к Богу и чисто исповедать Его и усиливающийся приобрести Его в себе, если будет попущено свыше, легко умерщвляется теми - разумею демонов, - так как самонадеянно и дерзко ищущий несогласного с личным состоянием влечется тщеславно к достижению

искомого преждевременно. Сжаливающийся над людьми Господь, часто обращая внимание на то, как мы дерзки в самовозвышениях, не попускает нам быть испытываемыми, чтобы каждый, познав свое самомнение, возвратился к истинному подвижничеству сам и прежде чем стал позором и смехом для демонов и плачем для людей, особенно когда кто ищет этого дивного дела с долготерпением, смирением и более всего с подчинением и спрашиванием опытных, чтобы незаметно вместо пшеницы не пожать терния или горького вместо сладкого и вместо спасения не найти бы погибели.

Сильным и совершенным свойственно одним всегда бороться с демонами и против них непрерывно простирать духовный меч, которым служит слово Божие [см.: Еф. 6, 17]. Немошны же и новоначальные, как крепостью, пользуются благоговейным бегством, со страхом избегают единоборства и, не отваживаясь на него преждевременно, этим спасаются от смерти. Ты же, если, успешно безмолствуя, ожидаешь быть с Богом, никогда не принимай чего-либо чувственного или духовного, представляющегося вне или внутри тебя, хотя бы то образ Христа, или по видимому ангела, или облик святого, или хотя бы в уме просвечивал и мечтательно впечатлевался свет. Ум и сам по себе имеет природную способность мечтать. Он легко может строить образы того, чего домогается у не внимающих тщательно этому и тем самому себе причиняет вред. Такое воспоминание доброго и злого обычно внезапно формирует умственные образы и ведет к мечтательности.

Отсюда подобный человек произвольно становится мечтателем, а не безмолвником. Потому будь внимателен, не веришь ли ты чему-либо в силу быстрого увлечения, прежде спрашивания и многого исследования, хотя бы то казалось добрым, чтобы не получить вреда. Всегда оставайся негодующим на мечтания, сохраняя свой ум постоянно бесцветным, безвидным и бесформенным. Часто многим причиняло вред и посланное Богом к испытанию для венца. Наш Господь желает испытать, куда склоняется наш свободный выбор. Но усмотревший что-либо мысленно или чувственно и принимающий то без совета опытных, пусть явление было и по воле Божией, темко прельщается или прельстится в будущем, как воспринимающий все необдуманно. Новонаначальному надобно быть внимательным к сердечной деятельности, как необманчивой, все же другое не принимать до момента миротворения страстей. Бог не негодует на

того, кто, строго внимая себе, во избежание прелести не примет знамений от Него без спрашивания опытных и многого исследования, но более восхваляет его, как мудрого, хотя на некоторых и негодовал. Впрочем, спрашивать надлежит не всех, но одного того, кому вверено управление другими, кто блистает жизнью и, будучи, по Писанию, бедным, многих обогащает [см.: 2 Кор. 6, 10]. Было немало неопытных руководителей, повредивших многим неразумным, за которых по смерти выдержат они суд. Право руководить других принадлежит не всем, но лишь тем, которым дано божественное рассуждение, или, по апостолу, различение духов [1 Кор. 12, 10], разделяющее мечом слово худшее от лучшего. Каждый обладает своим разумом и естественным деятельным или научным рассуждением, но не все имеют духовное рассуждение. Поэтому премудрый Сирах сказал: Живущих с тобою в мире да будет много, а советником твоим - один из тысячи [Сир. 6, 6]. Не мал труд - найти руководителя, не заблуждающегося ни в словах, ни в делах, ни в размышлениях. Чужд ли кто прелести, это выясняется в том, имеет ли он на деятельность и на ее понимание свидетельства от Божественных Писаний, смиренномудрствуя в том, о чем ему надлежит рассуждать. Отчетливо же постигнуть истину и быть чистым от несовместимого с благодатью - труд не малозначительный, потому что диаволу обычно показывать свою прелесть в виде истины, особенно новоначальным, и преобразовывать свое коварное в духовное.

Вследствие этого усердно стремящийся в безмолвии достигнуть чистой молитвы должен идти к своей цели путем спрашивания опытных и в великом трепете и печали, непрерывно оплакивая собственные грехи, скорбя о них и страшась адского мучения, отпадения от Бога и разлучения с Ним теперь и в будущем веке. Когда диавол увидит кого-либо живущим в плаче, то не медлит там, опасаясь смирения, производимого плачем. Если же кто с самомнением мечтает достигнуть высокого, приобретши сатанинское, а не истинное желание, то такового, как своего служителя, сатана беспрепятственно опутывает своими сетями. Потому хранение в молитве и плача является величайшим оружием против того, чтобы от радости молитвы не впасть в самомнение, но, избрав себе в удел утешительную печаль, соблюсти себя невредимым.

Святой Григорий Синаит. О прелести. // Добротолюбие. Т.5. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1992. С. 222-227.

В ЧЕМ СОСТОИТ ХРИСТИАНСКОЕ СОВЕРШЕНСТВО?

Скажу прямо: самое совершенное и великое дело, которого только может желать и достигнуть человек, есть сближение с Богом и пребывание в единении с Ним.

Но немало таких, которые говорят, что совершенство жизни христианской состоит в пощениях, бдениях, коленопреклонениях, спании на голой земле и в других подобных строгостях телесных. Иные говорят, что оно состоит в совершении многих молитвословий дома и в выстаивании долгих служб церковных. А есть и такие, которые полагают, что совершенство наше всецело состоит в умной молитве, в уединении, отшельничестве и молчании. Наибольшая же часть ограничивает сие совершенство точным исполнением всех уставом положенных подвижнических деланий, не уклоняясь ни к излишеству, ни к недостатку в чем-либо, а держась золотой середины. Однако ж все эти добродетели одни не составляют искомого христианского совершенства, но суть лишь средства и способы к достижению его.

Что они суть средства и средства действенные к достижению совершенства в христианской жизни, в этом нет никакого сомнения. Ибо видим очень многих добродетельных мужей, которые проходят как должно сии добродетели, с тою целью, чтобы получить чрез это силу и мощь против своей греховности и худости, чтобы почерпнуть из них мужество противостоять искушениям и обольщениям трех главных врагов наших: плоти, мира и диавола, чтобы запастись в них и чрез них духовными пособиями, столь необходимыми для всех рабов Божиих, особенно же для новоначальных. Они постятся, чтобы смирить плоть свою буйную, совершают бдения, чтобы изощрять око свое умное; спят на голой земле, чтобы не разнеживаться сном; связывают язык молчанием и уединяются, чтобы избежать и малейших поводов к учинению чего-либо, оскорбляющего Всесвятого Бога; творят молитвы, выстаивают службы церковные и иные совершают дела благочестия, для того чтобы внимание их не отходило от вещей небесных; читают о жизни и страданиях Господа нашего не для другого чего, но для того, чтобы лучше познать собственную свою худость и благосердную благость Божию, чтобы научиться и расположиться последовать Господу Иисусу Христу с

самоотвержением и крестом на раменах своих и чтобы паче и паче возгревать в себе любовь к Богу и нелюбие к себе.

Но, с другой стороны, эти же добродетели тем, которые в них полагают всю основу своей жизни и своего упования, могут причинить больший вред, нежели явные их опущения - не сами по себе, потому что они благочестны и святы, а по вине тех, которые не как должно пользуются ими, - именно когда они, внимая только сим добродетелям, внешне совершаемым, оставляют сердце свое тещи в собственных своих волениях и в волениях диавола, который, видя, что они соступили с правого пути, не мешает им не только с радостью подвизаться в этих телесных подвигах, но и расширять и умножать их по суетному их помыслу. Испытывая при сем некоторые духовные движения и утешения, делатели сии начинают думать о себе, что возвысились уже до состояния чинов ангельских и чувствуют в себе присутствие Самого Бога; иной же раз, углубившись в созерцание каких-либо отвлеченных, не земных вещей, мечтают о себе, будто совсем выступили из области мира сего и восхищены до третьего неба.

Но как погрешительно действуют таковые и как далеко отстоят от истинного совершенства, это всякий может уразуметь, судя по жизни их и по их нраву. Они обыкновенно желают, чтоб их предпочитали другим во всяком случае; они любят жить по своей воле и всегда упорны в своих решениях; они слепы во всем, что касается их самих, но весьма зорки и старательны в разбирательстве дел и слов других; если кто начнет пользоваться почетом у других, какой, как им думается, имеют они, они не могут этого стерпеть и явно делаютя немирными к нему; если кто помешает им в их благочестивых занятиях и подвижнических деланиях, особенно в присутствии других, - Боже сохрани! - они тотчас возмущаются, тотчас кипятятся гневом и становятся совсем другими, на себя не похожими.

Если Бог, желая привести их к познанию себя самих и направить на истинный путь к совершенству, пошлет им скорби и болезни или попустит подвергнуться гонениям, которыми обычно Он испытывает, кто истинные и настоящие рабы Его, тогда обнаруживается, что сокрывалось в сердце их и как глубоко растленны они гордостью. Ибо какая бы с ними ни случилась прискорбность, они не хотят подклонить выпю свою под иго воли Божией, упокоиваясь на праведных и сокровенных судах Его, и не желают,

по примеру смирившего Себя ради нас и пострадавшего Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия, смирить себя паче всех тварей, почитать любезными друзьями гонителей своих, как орудия Божественной к ним благодати и споспешников их спасения.

Почему очевидно, что они находятся в великой опасности? Имея внутреннее свое око, т. е. ум свой помраченным, им смотрят они и на самих себя, и смотрят неверно. Помышляя о внешних своих делах благочестия, что они хороши у них, они думают, что достигли уже совершенства, и, возгордеваясь от этого, начинают осуждать других. После сего нет уже возможности, чтобы кто-либо из людей обратил таковых, кроме особого Божия воздействия. Удобнее обратиться на добро явному грешнику, нежели скрытному, укрывающемуся под покровом видимых добродетелей.

Теперь, узнавши так ясно и определенно, что духовная жизнь и совершенство не состоят в одних тех видимых добродетелях, о которых мы сказали, узнай и то, что она не состоит и в другом чем, кроме как в сближении с Богом и в единении с Ним, как сказано вначале, - в связи с чем состоят сердечное исповедание благодати и величия Божия и сознание собственной нашей ничтожности и склонности на всякое зло; любовь к Богу и нелюбие к себе самим; подчинение себя не только Богу, но и всем тварям из любви к Богу, отвержение всякой собственной нашей воли и совершенная покорность воле Божией; и при том желание всего этого и совершение от чистого сердца, во славу Божию [1 Кор. 10, 31], только для одного благоугождения Богу, только потому, что так хочет Он Сам и что так надлежит нам любить Его и работать Ему.

Вот закон любви, начертанный перстом Самого Бога в сердцах верных рабов Его! Вот отвержение самих себя, какого требует от нас Бог! Вот благое иго Иисуса Христа и легкое бремя Его! Вот покорность воле Божией, которой требует от нас Искушитель наш и Учитель и собственным примером Своим и Своим словом.

Старец Никодим Святогорец. Невидимая брань. М.: Издание Русского Пантелеимонова монастыря, 1912. С. 12-16.

РАЗДЕЛ II

Преподобный Нил Сорский

КАК ВОЗНИКАЕТ В ЧЕЛОВЕКЕ ГРЕХ?

Святые отцы учат, что мысленная брань или борьба, сопровождаемая победой или поражением, происходит в нас различно: сперва возникает представление помысла или предмета - прилог; потом принятие его - сочетание; далее согласие с ним - сложение; за ним поработение от него - пленение; и наконец - страсть.

Прилог

Иоанн Лествичник, Филофей Синаит и другие прилогом называют всякий простой помысл или воображение какого-либо предмета, внезапно вносимое в сердце и предстоящее уму. Святой Григорий Синаит говорит, что прилог есть происходящее от врага внушение: делай то или другое, как это было сделано Самому Христу Богу нашему: «Рцы, да камень сие хлебы будут» [Мф. 4, 3]; или проще сказать - это какая-либо мысль, пришедшая человеку на ум. И, как таковой, прилог называют безгрешным, незаслуживающим ни похвалы, ни осуждения, потому что он не зависит от нас, ибо невозможно, чтобы не было приражения к нам вражеских козней, после того, как диавол с бесами получил доступ к человеку, за преслушание удаленному из рая и от Бога: в этом состоянии удаления он (диавол) может уже колебать мысли и ум всякого, - говорит Симеон Новый Богослов. Разве одни совершенные и восшедшие на высокую степень духовной жизни могут пребыть непоколебимыми, и то на время, - добавляет святой Исаак.

Сочетание

Сочетанием святые Отцы называют собеседование с пришедшим помыслом, т. е. как бы тайное от нас слово к явившемуся помыслу, по страсти или бесстрастно; иначе, принятие приносимой от врага мысли, удержание ее, согласие с ней, и произвольное допущение пребывать ей в нас. Это святые отцы почитают уже не всегда безгрешным, но оно может быть и похвально, если богоугодно разрешится. Богоугодно же разрешается так: если кто немедленно не отразит лукавого помысла, но несколько с ним беседует - удержит его в себе на некоторое время, и враг уже будет налагать на него страстное помышление, то пусть всячески

старается противопоставить ему помыслы противные - благие, или - предложить его на благое. А каким средством, мы о том скажем впоследствии.

Сложение

Сложением святые отцы называют уже благосклонный от души прием помысла, в нее пришедшего, или предмета, ей представившегося. Это бывает, например, когда кто-либо порожденную врагом мысль или представленный от него предмет примет, вступит с ним в общение через мысленное разглагольствование и потом склонится или расположится в уме своем поступить так, как внушает вражий помысл. О вменяемости сего святые отцы рассуждают применительно к той степени и мере духовного возраста, в которых находится подвижающийся. А именно: если кто достиг некоторого преуспеяния и удостоился получить от Бога помощь и силу отрывать лукавые помыслы, но не отженет их по лености и небрежению, - такому сие не безгрешно. Если же кто, новоначальный, и к отречению прилогов и наведении еще бессильный, склонится несколько на сторону лукавого помысла, но вскоре, раскаиваясь и зазревая себя, исповедает сие Господу и призовет Его на помощь, по слову Божию: «Исповедайтесь Господеви и призывайте Имя Его» [Пс. 104, 1], то Бог прощает ему, по милосердию Своему, ради немощи его. Вот что сказали отцы о сложении мысленном, об уступке, о склонении на сторону помысла: иногда кто-либо из подвижающихся хотя бывает побежден в мысли, но корень ума его - в глубине сердца его - твердо стоит в том, чтобы самым делом не согрешить и беззакония не совершить. Это есть первый вид сложения. А второй вид сложения, по словам святого Григория Синаита, состоит в следующем: «Когда кто волей своей принимает от врага наносимые мысли и, соглашаясь и сдружаясь с ними, побеждается ими так, что уже не только не противоборствует страсти, но и решается все сделать по внушению ее, и если не исполняет своих решений на самом деле, то не почему-либо другому, как только по неполучению на то времени или места, или по иной причине, не позволяющей совершить преднамеренное. Такое состояние души весьма виновно и подлежит запрещению», т. е. церковной епитимии.

Пленение

Пленение есть невольное увлечение нашего сердца к нашедшему помыслу, или постоянное водворение его в себе - совокупление с ним, отчего повреждается наше доброе устройство. В первом случае, когда умом

твоим овладевают помыслы, и он насильно - против твоего желания - уносится лукавыми мыслями, - ты вскоре, с Божией помощью, можешь удерживать его и возвращать к себе и к делу своему. Второй случай бывает тогда, когда ум, как бы бурей и волнами подъемлемый и отторженный от благого своего устройства к злым мыслям, уже не может придти в тихое и мирное состояние. Это обыкновенно происходит от рассеянности и от излишних бесполезных бесед. Вменяемость в этих случаях различна, смотря по тому, когда и как помысл внедряется в душу и действует: во время ли молитвы - келейной или соборной, или не во время молитвословия, - средний ли то - безразличный - негреховный помысл или прямо - злой... Если ум находится в плену лукавых помыслов во время молитвы, - это очень виновно и осудительно, потому что во время молитвы ум должен быть весь обращен к Богу и внимать молитве, отвращаясь всячески и всяких сторонних мыслей. Если же не во время молитвы и в необходимых для жизни потребностях входят в душу и в ней остаются мысли, то такое состояние безгрешно, ибо и святые необходимое для жизни телесной исполняли благословно и безвинно. Во всяком этого рода помысле, говорят отцы, ум наш, если соблюдает себя в благочестивом устройении, бывает с Богом - неразлучен; от лукавых же мыслей отвращаемся.

Страсть

Страстью называют такую склонность и такое действие, которые долгое время гнездясь в душе, посредством привычки, обращаются как бы в естество ее. Человек приходит в это состояние произвольно и самоохотно; и тогда помысл, утвердись от частого с ним обращения и сопребывания, и согретый и воспитанный в сердце, превратясь в привычку, непрестанно возмущает и волнует его страстными внушениями, от врага влагаемыми. Это бывает тогда, когда враг очень часто представляет человеку какую-либо вещь, или лицо, питающее страсть, и воспламеняет его к исключительному люблению их, так что - волею или неволею - человек мысленно порабощается ими. Причиной сего бывает, как сказано, по небрежению и произволению, долговременное занятие предметом. Страсть во всех ее видах непреложно подлежит или покаянию, соразмерному с виной или будущей муче. Итак, подобает каяться и молиться об избавлении от всякой страсти, ибо всякая страсть подлежит муче не за то, что подвергались брани от нее, но за нераскаянность. Если

бы было это (т. е. мука) только за брань врага, то некоторые, не достигнув еще совершенного бесстрастия, не могли бы получить избавления, как говорит Петр Дамаскин. Обуреваемому же какой-либо страстью подобает всеми силами противиться ей, - сказали отцы. Возьмем, например, страсть блудную: кто борим этой страстью к какому-либо лицу, тот пусть всячески удаляется от него, удаляется и от собеседования и от сопребывания с ним, и от прикосновения к его одежде и от запаха ее. Кто не соблюдает себя от всего этого, тот образует страсть, и любодействует мысленно в сердце своем, - сказали отцы: он сам в себе возжигает пламя страстей и, как зверей, вводит в душу свою лукавые помыслы.

Преподобный Нил Сорский. Устав о скитской жизни. Клин: Христианская жизнь, 2001. С. 28-34.

Преподобный Максим Грек

О ТОМ, КАК ДОЛЖНО ВХОДИТЬ В СВЯТЫЕ БОЖИИ ХРАМЫ

Когдаходишь в божественный сей храм – ты, рачитель непогрешительного благоверия, то думай, чтоходишь в самые пречистые дворы Вышняго, гдевозглашается непрерывно ангельская песнь. Смотри же, какходишь! Если душа твоя вполне чиста от лжи, зависти, помысла злопомнения и беззаконных похотей и ты украшаешься смиренными одеждами, приличествующими христианам, всею душою гнушаясь всякого одеяния нечестивых, то ты освятился божественным страхом и любовью. И если так стараешься входить, то ты блажен и в жизни сей, и когда перейдешь в будущую жизнь. Если же не так, то ты напрасноходишь: каким ты пришел, таким и выходишь, ничего отнюдь не приобретя, как и больной, который не слушается советов опытного врача, никогда не исцелится и не будет здоров.

<http://www.maksim-greek.narod.ru/zhitie/zhitie01.htm>

Святитель Димитрий Ростовский

ОСТАНОВИСЬ, ЧЕЛОВЕК!

Почто человече, Меня оставил?

Почто от Возлюбившего тебя отвратился?

Почто стал рабом врага Моего?

Вспомни, что ради тебя Я сошел с небес.
Вспомни, что ради тебя от Девы родился.
Вспомни, что ради тебя был Младенцем.
Вспомни, что ради тебя смирился.
Вспомни, что ради тебя обнищал.
Вспомни, что ради тебя на земле пожил.
Вспомни, что ради тебя гонение претерпел.
Вспомни, что ради тебя злословие, поношение, бесчестие, ругание,
раны, оплевания, заушение, осмеяние, страдания претерпел.
Вспомни, что ради тебя к беззаконникам причислен был.
Вспомни, что ради тебя позорною смертью умер.
Вспомни, что ради тебя был погребен.
С небес сошел, чтобы тебя на небо возвести.
Смирился, чтобы тебя вознести.
Обнищал, чтобы тебя обогатить.
Обесчестился, чтобы тебя прославить.
Уязвился, чтобы тебя исцелить.
Умер, чтобы тебя оживить.
Ты согрешил, Я твой грех на Себя взял.
Ты виновен, Я наказание принял.
Ты должник, Я долг заплатил.
Ты на смерть осужден, Я за тебя умер.
К этому привлекло Меня милосердие Мое и любовь Моя.
Не мог Я терпеть, чтобы ты так страдал.
Эту ли Мою любовь ты пренебрегаешь?
Вместо любви ненавистью воздаешь.
Вместо Меня, грех любишь.
Вместо Меня, страстям служишь.
Что ты нашел во Мне достойное отвращения?
Почему не хочешь ко Мне прийти?
Добра ли ищешь? У Меня полнота добра.
Блаженства ли ищешь? У Меня полнота блаженства.
Красоты ли ищешь? Что прекраснее Моих красот?
Благородства ли ищешь? Что благороднее Сына Божия и Сына Девы?
Высот ли ищешь? Что выше Царя Небесного?
Славы ли ищешь? Кто славнее Меня?

Богатства ли ищешь? У Меня полнота богатства.
Премудрости ли ищешь? Я Премудрость Божия.
Друга настоящего найти желаешь? Кто более искренний и
любвеобильный Друг, чем Тот, который душу за всех положил?
Помощи ли ищешь? Кто поможет, кроме Меня?
Врача ли ищешь? Кто исцелит, кроме Меня?
Радости ли ищешь? Кто даст радость, кроме Меня?
Утешения ли в печали ищешь? Кто утешит, кроме Меня?
Покоя ли ищешь? У Меня обретешь покой душе твоей.
Мира ли ищешь? Я — мир душевный.
Жизни ли ищешь? У Меня источник жизни.
Света ли ищешь? Я — Свет миру.
Истины ли ищешь? Я — Истина.
Пути ли ищешь? Я — Путь.
Путеводителя ли ищешь? Я верный Путеводитель.
Почему, чего ради, ты не хочешь прийти ко Мне?
Не смеешь приступить? К кому приступить удобнее?
Опасаясь просить? Кому из просящих Я отказал?
Грехи не допускают тебя? Я умер за грешников.
Тебя смущает множество грехов? У Меня милосердия несравненно
больше.

Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные и Я упокою вас.
<http://www.rusvera.mrezha.ru/22/34.htm>

Святитель Димитрий Ростовский

ПРАВОУЧЕНИЕ

Горе нерадению нашему! Мы ленивы, враг же наш бодр и замышляет
поглотить нас. Мы едим и пьем, - а враг зубами своими на нас скрежещет.
Мы празднословим, - а враг плетет на нас свои сети.

Взывает Апостол: трезвитесь, бодрствуйте, ибо супостат ваш диавол,
яко лев, рыкая, ходит, ища кого поглотить!

И трезвиться, и бодрствовать нужно, чтоб не поглотил нас диавол.
Если ленивы мы, то уже поглотил нас враг. Если трезвимся, бодрствуя, то
ратует на нас, поглотить желая, но не может, - Богу помогающе.

Некто из отцов пустынных стал на молитву в полуночи и вот, слышит глас трубы, как на брань. Говорит в себе: откуда в пустыне войны и брань? Тогда явился ему бес и сказал: «То и есть брань, когда на молитве стоишь. Ляг и спи, и не будем бороться с тобой. Мы лишь с теми боремся, которые вооружаются на нас бодрой молитвой, с ленивыми не боремся».

Слышишь, что говорит злокозненная сила: «с ленивыми не боремся». Почему? – Ленивый уже побежден, пал и лежит, врагом попираем...

Трезвимся же и бодрствуем!

Святитель Димитрий Ростовский. Руно орошенное. СПб.: Миръ, 2003. С. 129-130.

Святитель Димитрий Ростовский

СЛОВО О ПЬЯНСТВЕ

«Не винно вино, но проклято пьянство» [Притч. 20, 1], от которого сколь великий вред бывает, об этом нет нужды говорить. Ибо это может каждый увидеть из повседневного опыта, и в церковных книгах везде находится много написанного о вреде пьянства. Однако и мы о том же здесь нечто вспомняем. Славный среди древних эллинов философ Анахарсис говорил, что лоза виноградная родит три грозди: во-первых, гроздь услаждения, во-вторых, упоения, и в-третьих, гроздь печали. Сие философ изъяснял в том смысле, что питое вино в незначительном количестве является услаждением и полезно человеку, ибо утоляет жажду, подает цельбу стомахе и веселит сердце, тогда как питье в большом количестве делает человека пьяным, порождает многочисленные свары, разжигает ярость и поднимает на брань и бой, за чем следует немалая печаль. Мы же, если пожелаем подробно рассмотреть силу пьянства и если пьянство назовем виноградом, то найдем родящиеся от пьянства гроздь нравов, приносящих человеку не пользу, но вред и печаль, и найдем не три, но больше, а именно - десять.

Пусть будет пьянство названо виноградом, но виноградом не благоплодовитым, а разве тем, о котором пророк Моисей во Второзаконии пишет: «От виноградов содомских виноград их, и лоза их от Гоморры, гроздь их гроздь желчи, гроздь горести их; ярость змиев вино их, и ярость аспидов неисцельна» [Втор. 32, 32-33]. Поистине, пьянство есть содомогоморрский виноград и не иные гроздь, как только гроздь желчи,

горести, исполненные змеиного и аспидного яда и рождающие ярость, ибо **каков сад, таковы и плоды бывают!** [Лк. 6, 45]

Первая гроздь желчного пьянственного винограда заключается в помрачении ума, изменении разума и погублении памяти, ибо сила пьянственная, восходя от наполненного вином желудка к голове, потемняет мозг и смущает ум. Поэтому бывает часто то, что многие в своем пьянстве не помнят о себе и не знают, что делают и что говорят, как **безумные**; если же с ними приключится какое-нибудь бедствие или **бесчестье**, или раны, то они наутро не помнят. На таковых исполняются слова, написанные в Притчах: «Биша мя, и не поболех, и поругашамися, аз же не разумех» [Притч. 23, 35].

Другая гроздь есть бесстыдство, ибо пьяный никого не стыдится, но, погубив стыд, произносит слова скверные, хульные, бесстыдные, нелепые, **скарденные** и недостойные целомудренного слуха, и бывают его уста как бы **некоей** пустой хлевниной, исполненной смрадного гноя, а язык уподобляется лопате, которой выкидывается гной. Сердце же такого человека чем иным может быть, разве только сокровенным местом многих зол, откуда не может происходить добро, но лишь одно зло, как говорится в Евангелии: «Человек злой от злого сокровища сердца своего износит злое, от избытка бо сердца глаголят уста его» [Лк. 6, 45].

Третья гроздь пьянственного винограда есть несоблюдение тайны, ибо все то, что трезвый глубоко в сердце своем скрывает, погребши молчанием, будут ли это свои или вверенные ему кем-либо другим тайны, все это пьяный делает известным для всех. Кроме того, и все, что было совершено давно и предано забвению, он вспоминает и как мертвеца **воскрешает**. Такой подобен бочке, полной нового питья, в которой при шумящем и изливающимся питье дрожжи не удерживаются на дне, но поднимаются вверх и, гонимые из бочки внутренней теплотой, вытекают вон. Подобно сему и в пьяном человеке сила опьянения возмущает **сердечные тайны** и гонит их вон. Он устами своими открывает тайны подобно тому, как дрожжи поднимаются со дна бочки, и что обычно **бывает**, как пища из желудка, исполненного пьянством, выбрасываются и **тайны** блеванием. В пьяном обе эти, то есть и пища и тайны, превращаются в блевотину.

Четвертая гроздь пьянственного содомогоморрского винограда есть **распаление** похоти на плотское смешение. Посему-то апостол и увещает:

«Не упивайтесь вином, в нем же есть блуд» [Еф. 5, 18], а святой Василий Великий говорит: «Несомненно от вина, как от некоего источника, истекает безудержная похоть, которая много превосходит даже неистовство всех бессловесных по отношению к женскому полу; ибо бессловесные животные не переходят границ естественного, а упивающиеся вином в мужчинах ищут женского пола и в женщинах - мужского пола».

Пятая гроздь, исполненная змеиного и аспидного яда, есть ярость, гнев, вражда, ссоры, драки и кровопролития. Пророк Осия говорит: «Начаша князи яритися от вина, не токмо же князи, но и простолуподины, исполнившиеся вина, восстают друг на друга яростию» [Ос. 7, 5]. Посему-то и Приточник выражает порицание: «Кому лютее? Кому молва? Кому суды. Кому туга и понос? Кому сокрушение вотще? Кому сини очи? Не пребывающем ли в вине и не надзирающим ли, где когда пирове бывають?» [Притч. 23, 29-30]. И Сирах увещевает: «В вине не мужайся, многих бо погуби вино: пещь искушает железо, вином же искушается сердце в сваре гордых» [Сир. 31, 29-30]. И еще тот же говорит: «Горесть душам вино много пиваемо, с гневом и клеветою умножит ярость безумного» [Сир. 31, 34-35].

Шестая желчная гроздь пьянственного винограда есть повреждение здоровья, ослабление телесных сил, дрожание рук, боль головы, изменение глаз, бедствования желудка, стоны, недуги, преждевременная старость, уменьшение лет жизни и ранняя кончина.

Седьмая гроздь - растрата имущества, погубление богатств и отсутствие прибылей. «Делатель бо пиянивый,- говорит Сирах,- не будет богат» [Сир. 19, 7]. О, как много таких, которые от великого богатства пришли к крайней нищете! Примером сего может быть блудный сын.

Восьмая несладкая гроздь - лишение спасения, ибо пьянство губит подобно вещественным имениям и духовные богатства. Оно осмеливается на все грехи, ибо тот грех, которого трезвый человек гнушается, боится или стыдится, тот грех он в пьяном виде совершить не стыдится, не боится и не гнушается. В Патерике есть повесть о некоем египетском пустынножителе, которому бес обещал, что не будет его больше угнетать никакими искушениями, только бы он совершил один какой-либо грех из трех. Он предложил следующие три греха: убийство, блуд и пьянство. Соверши, говорил он, какой-либо один из них: или человека убей, или

соблуди, или один раз упейся, и дальше ты пребудешь в мире, и после этого я не буду уже искушать тебя никакими искушениями. Пустынник же тот подумал про себя так: человека убить страшно, ибо это есть и само по себе большое зло, и заслуживает смертной казни как по Божьему суду, так и по гражданскому. Совершить блуд, стыд, погубить хранимую до того чистоту тела - жаль, и гнусно оскверниться не познавшему еще этой скверны. Упитья же один раз, кажется, небольшой грех, ибо человек скоро протрезвляется сном. Итак, пойду я, упиюсь, чтобы бес больше не угнетал меня, и мирно я буду жить в пустыне. И вот, взявши свое рукоделие, он пошел в город и, продав его, вошел в корчму, и упился. По действию сатанинскому случилось ему беседовать с некоей бесстыдной и прелюбодейной женщиной. Будучи прельщен, он пал с ней. Когда он совершал с ней грех, пришел муж той женщины и, застав грешащего с женой, начал его бить; а он, оправившись, начал драться с тем мужем и, одолевши его, убил. Таким образом, тот пустынник совершил все три греха: блуд и убийство, начав с пьянства. Каких грехов он трезвый боялся и гнушался, те он смело совершил пьяный и через это погубил многолетние свои труды. Разве только потом истинным покаянием он смог снова найти их, ибо милосердием Божиим человеку, истинно кающемуся, возвращаются его прежние заслуги, которые он погубил грехопадением. Вот как пьянство толкает на все грехи и лишает спасения, погубляя добродетели. Об этом ясно говорит святой Златоуст: «Пьянство, если в ком найдет и целомудрие, и стыд, и разум, и кротость, и смиренномудрие, все повергает в бездну законопреступления». Не лишится ли спасения своего и не будет ли отрешен от наследия небесного тот человек, который через пьянство лишился всех своих добродетелей? Истину говорит апостол: «Пьяницы царствия Божия не наследят» [1 Кор. 6, 10].

Девятая желчная гроздь - гнев Божий, ибо пьянствующий, преступая заповеди Божии, подвигает на гнев Бога своими грехами. Посему пророк Исайя восклицает: «Горе восстающим завтра, гонящим сикера, пьющим до вечера: вино бо пожжет я. С гусями и прегудицами, и тимпаны, и свирельми вино пьют, а дел Божиих не ведут» [Ис. 5, 11-12]. К таким и пророк Иеремия говорит: «Пийте и упийтесь, и изблюйте, и падите, и не возстаните от лица меча его же Аз пошлю среди вас» [Иер. 25, 27].

Десятая и самая горькая гроздь пьянственного винограда есть несомненная погибель души, ибо иные грешники, когда приблизятся к часу смерти своей, могут каяться и сожалеть о грехах, имея трезвый ум; пьяный же как может, умирая покаяться, если он не помнит себя и не знает, что приблизилась к нему неожиданная кончина? Умиравшему же без покаяния неизбежна геенна.

Вот каковы грозди того содомогоморрского винограда, то есть пьянства, вкус которых хотя в начале и кажется сладким, но после превращается в желчную горечь и в яд змеинный и аспидный.

Все это сказано не для похуления вина, но для укорения пьянства, ибо вино создано Богом на радость и здоровье людям, а не для пьянства и вреда. Послушаем, что говорит святой Златоуст: «Вино дано для того, чтобы мы веселились, а не безобразничали, чтобы смеялись, а не были осмеяны, чтобы мы здравствовали, а не болели, чтобы исправили слабость тела, а не уничтожали душевную крепость». Еще он же в другом месте говорит: «Пьянство не от вина, но от безмерного употребления: вино нам дано не для иного чего, как только для телесного здоровья, но сему препятствует безмерное его употребление». Из этих слов учителя видно, что не вино виновато, но воздержание пьющих без меры. Тот же святой считает пьяниц за их безмерное пьянство бесчестнее псов, ослов и прочих бессловесных животных, ибо всякое животное не ест и не пьет больше, чем нужно, и никто не может принудить его, чтобы оно ело или пило больше, чем желает его природа. Пьянствующий же человек и без принуждения все больше и больше наполняет чрево свое, так что даже сам себе вредит.

<http://www.portal-slovo.ru/theology/41819.php>

Святитель Иоанн (Максимович) Тобольский

БОЖЕСТВЕННЫЙ ПРОМЫСЛ

Что есть Провидение? Это есть одно из коренных свойств Божиих - видеть все действующее, действовавшее и имеющее действовать в будущем времени, как настоящее, и иметь всемогущую заботливость о сохранении творений и разумном управлении явлений, ими производимых. Св. Иоанн Дамаскин об этом говорит так: «Провидение есть воля Божественная, которою все содержится и все разумно управляется».

Если мы рассматриваем какие бы то ни было происшествия и явления, не вникая в их причины и последствия, то нам многое кажется случайным. Если же посмотрим на них с истинной точки зрения, т.е. по разуму Божию судить будем о явлениях, в мире бываемых, то увидим, что в мире нет ничего случайного, что происходило бы без воли и без Провидения Божия. Разум Божий (Промысл, попечение Божие) безграничен и обнимает все, подлежащее нашему разумению. Всемогуший Бог в одно мгновение проникает и видит все места: высоту неба и широту земли, глубину моря и недоведомое в преисподних местах... Справедливо сказал Августин: «Все то, что, не понимая, считаем мы происходящим случайно, неразумно и без всякого Божия распоряжения, совершается по Божьему устроению». Объясним это примером: господин посылает двоих слуг в одно и то же место, но различными дорогами, не сказав об этом ни тому, ни другому. Встреча их в том месте есть случайная по отношению к слугам: они не думали встретиться друг с другом, - но не случайная по отношению к господину. Таким же образом нищий находит клад (закопанное сокровище, деньги) случайно, но для Бога, благоволившего, чтобы сокровище было там закопано, чтобы этот нищий нашел его и обогатился, - это уже не случайность, но Божие отеческое Провидение, обогащающее бедняка. У Бога не бывает случайностей...

Часто Бог, мудро промысляющий о нас, ведет нас по бедственным, едва проходимым, жизненным дорогам, но Он хорошо знает, какую дорогою ведет Он в небесные райские сады. Зачем же поднимать нам жалобные вопли против мудрейшего и весьма надежного Путеводителя в нашей жизни? Зачем говорить, если мы идем по пути, определенному нам Богом: «Куда Ты нас ведешь? кажется, мы давно уже совратились с правильного пути». – «Не печалься, мой друг! - таинственно говорит нам Бог: верь только Мне. Я проведу тебя благополучно, ты ни мало не поскорбишь, когда окончишь путешествие». Так каждого из нас сопровождает Божие Провидение на жизненном пути со дня рождения и до дня исхода в жизнь вечную, если только останемся верными водительству Божию, указанному нашим Спасителем во святом Его Евангелии.

Говоря о Провидении Божиим, нельзя не вспомнить истории израильского царя Саула, который, быв послан своим отцом отыскивать пропавших ослиц, нашел себе царство. Рассмотрим здесь Провидение Божие об этом муже. Бог сказал пророку Самуилу: «Завтра в это время (это

было в полдень) Я пришлю к тебе человека из земли Вениаминовой, и ты помажь его на царство народу Моему – Израилю». Прислал же Бог Саула к Самуилу таким образом: у отца Саулова забежали куда-то ослицы, и он послал своего сына искать их. Саул, взявши с собою одного из слуг, отправился разыскивать ослиц. Прошли они гору Ефремову и землю Шалишу, но ослиц не нашли; и прошли чрез землю Шаалим, и чрез землю Вениаминову, и не нашли. И когда они пришли в землю Цуф, Саул сказал слуге, своему спутнику: «Пойдем назад, чтобы отец, забыв об ослицах, не стал беспокоиться о нас и не был бы принужден искать нас самих». На это слуга сказал: «Здесь, в этом городе есть человек Божий, человек уважаемый; все, что он ни скажет, сбывается; не расспросить ли нам у него об ослицах?» Этот совет слуги нашел Саул разумным и полезным. Вот каким путем послал Бог Саула к Самуилу [1 Цар. 9, 1-7]. Но прежде, чем они увидели один другого и начали вести разговор, Господь открыл Самуилу, что пришедший к нему Саул и есть тот, которого должно миропомазать на царство для управления еврейским народом. Все произошло по непостижимому распоряжению Божию, обыкновенным, повидимому, порядком: Саул и ослиц нашел, и вместе получил и царство, о котором никогда не думал. О, какая непостижимая бездна Провидения Божия! Какая величайшая тайна! Как отличны судьбы Божии от мыслей человеческих: Саул нисколько не думал о венце и скипетре царском, но благоволением Божиим возведен на престол. Итак, не случайно забежали ослицы, не случайно послан был Саул для отыскания их, не случайно также долго не находил их, и не случайно дал слуга совет господину сходить к прозорливцу Самуилу: все это произошло по Божью Провидению и тайному внушению исполнителям Его воли для того, чтобы поставить Саула царем израильским...

Никакое старание и усердие наше не может сохранить нас без помощи Божией; но и помощь Божия без человеческого желания (воли) не принесет пользы: примеры тому видим в Петре и Иуде. Нам следует избегать односторонностей: мы не должны оставаться в лености, возложивши все на Бога, а равно не должны думать мы, что сами собою, без Божией помощи и Его благоволения, можем совершить что-либо доброе. Ибо и Сам Бог всего не совершает, чтобы не оставить нас праздными, и нам не предоставил все вершить, чтобы мы не

превозносились тщеславно: от всего, что может вредить нам, Бог отводит нас, а что для нас полезно, к тому Он побуждает нас и помогает нам...

Провидение Божие обнаруживается с величайшею мудростью: обыкновенно не каждое преступление наказывается тотчас же, но, с другой стороны, и не оставляется без наказания вовсе. Если бы не подвергал Бог ни одного злодеяния наказанию, то многие подумали бы, что никакого Провидения нет. Если же бы за каждым преступлением неотложно следовало наказание, в таком случае верили бы, что после смерти нет ни награды, ни наказаний. А потому Бог, наказывая только некоторых, обнаруживает Свое Провидение; когда же других не наказывает тотчас по преступлении, то грозит им наказанием после смерти в будущей жизни, если не покаются в здешней.

Все житейские бедствия обращает Бог к нашей пользе и ко благу нашему; попускает самые грехопадения для достижения и приведения к концу высочайших, непостижимых, таинственных дел Своего Богоуправления. Ибо и совершать добрые дела и попускать злодеяние есть свойство, исключительно принадлежащее одному Божественному Провидению. Истинно, никогда Бог не допустил бы зла, если бы Он не был столь силен и добр, чтобы из всякого злого дела производить доброе последствие. Скажи по совести: когда в мире появлялось лютейшее и большее зло, чем преступление Адамово и убийство Христа-Спасителя, нового Адама? - Однакож первородный грех низвел Бога с неба на землю для восприятия на Себя тела человеческого; смерть Христова отворила нам небо и возвратила все потерянное нами в Адаме. Высочайший Бог есть вместе и мудрейший художник, превращающий всякое злое действие в причину к произведению наилучших последствий, подобно тому, как из грубой массы добывается золото. Любящим Бога вся поспешествуют во благое [Рим. 8, 28]: согрешения Магдалины послужили для многих поводом к исправлению себя; падение Петрово - бесчисленному множеству людей примером истинного покаяния; неверие Фомы многих утвердило в истине воскресения Христова. Отсюда обнаруживается величайшая Божественная слава: «Жнеши, идеже не сеял еси». Бог не посеял грехов, однакоже от них собирает богатую жатву добродетелей. Воистину Бог мед из камени, и елей от твердыни камени источает, когда из величайших злодеяний производит благодетельнейшие последствия.

Таким же образом Провидение Божие бодрствует и о нас, и бодрствует неопустительно, так, что и малейшие наши телесные стеснения не оставляет незамеченными у Себя. Вследствие этого каждому из нас, при телесной невзгоде, следует рассуждать так: болезнь эта или другая невзгода, - произошла ли она от моей неосторожности, или по злобе человеческой, или от чего-либо другого, - во всяком случае, приключилась не без Божия Провидения, которое определило ее соответственно моим силам, так что ее начало, ее тяжесть (ослабление или усиление) зависит от Него. Равным образом от Провидения Божия зависит способ врачевания и исцеления оной. Оно вразумляет врача и указывает на средства, или же противодействует всему, ибо и доброе и худое, жизнь и смерть, бедность и богатство - от Господа [Сир. 11, 14]. Равным образом, должно во всех приключениях, бывающих с нами, рассуждать, что они предвидены и допущены Богом. Враг ли злословит и проклинает тебя, - знай, что все его хуления и слова, произносимые злобными устами, положены от века на весы Божия Провидения: сколько ему дозволено, столько и выскажет, и больше ни одного слова. Что же ты напрасно противишься и тщетно гневаешься? Так точно размышляй и о всех других твоих бедствиях, которых происхождение, число, тяжесть, продолжение и окончание предусмотрены Богом. Потому Промыслу Божию покорись, говоря с Псалмопевцем: «Я нем - и не открываю уст моих» [Пс. 37, 14]. Да будет воля Твоя, Боже мой! По Твоему Провидению и попущению все это устроилось. А поелику Ты это сотворил, то я был бы нечестивым беззаконником, если бы вознегодовал против Тебя. Итак, святой воле Твоей, Боже мой, во всем повинуюсь и с благодарностью приемлю все от Тебя ниспосылаемое и терпеливо претерплю...

Не удивляйся тому, что суды Божии - таинственны и непостижимы: во второе пришествие Христово, в страшный день судный вся жизнь каждого человека явится как в зеркале; выяснится и каждая причина, по которой Провидение Божие устроило то или другое происшествие, и для чего устроило, повсюду: во всех царствах, городах, семействах и с каждым человеком. Все откроется. Откроется, как милостив был Господь к согрешающим, и каждый из них более или менее будет безответен; а также и то обнаружится, в какой степени был сообразен образ Божиего мироправления с Его славой и правдою, и насколько приличен и благодетелен для всех тварей...

Так как ни диавол и никто из людей один другому не может нанести никакого зла без попущения Божия, то рассмотрим: что попускает Бог, каким образом попускает, и для чего, по какой причине совершается попущение Божие?

Необходимо различать два рода попускаемых зол. Первый род зол, обнимающий разные огорчения, тяготы, болезни, нанесение обид или бесчестия (приведение в нищету, заключение в тюрьме, изгнание, ссылка), смерть, - все это не может быть даже названо в тесном смысле злом, а только горьким лекарством, посылаемым нам от Бога для душевного врачевания нас. Второй род зол, называемый в собственном смысле злом, это - наши грехи, преступления Божиих заповедей. Первого рода зло попускает Бог по желанию Своему или как казнь для нечестивых, или как меру исправления для сынов и дочерей. О зле второго рода, т.е. о грехах, нельзя сказать, что совершения их желает Бог, но попускает только.

Непостижимы суды Божии. Для Божественного апостола Павла было весьма дивно определение Божие о двух близнецах Ревекки - Исае и Иакове. Ибо, когда они еще не родились и не сделали ничего доброго или худого, почему можно было бы предпочесть одного из них другому, Бог наперед уже сказал: Иакова Я возлюбил, а Исава возненавидел. - Что же скажем об этом? Неужели неправда у Бога? - Никак! О, человек, кто же ты, что споришь с Богом? Изделие скажет ли сделавшему его: зачем ты меня так сделал? Не властен ли горшечник над глиною, чтобы из той же смеси сделать один сосуд для почетного употребления, а другой - для низкого [Рим. 9, 11-13; 14, 20-21]?

Неужели между горшечником и глиною меньше различия, чем между Богом и человеком, ничтожным червем? Кто же дерзнет сказать Богу: зачем Ты, Господи, так делаешь?

Св. Дорофей рассказывает: в некоторый город пришел корабль с невольниками, а в городе том жила одна святая дева. Она, услышав, что пришел оный корабль, очень обрадовалась, ибо желала купить себе маленькую девочку, и думала: возьму и воспитаю ее, как хочу, чтобы она вовсе не знала пороков мира сего. Она послала за хозяином корабля того и, призвав его к себе, узнала, что у него есть две маленькие девочки, именно такие, каких она желала, и тотчас с радостью отдала она цену (за одну из них) и взяла ее к себе. Когда же хозяин корабля удалился из того места, где пребывала оная святая, и едва отошел немного, встретила его одна

блудница, весьма развратная, и, увидев с ним другую девочку, захотела взять ее; условившись с ним, отдала цену, взяла (девочку) и ушла с ней. Видите ли тайну Божию? Видите ли суд (Божий)? Кто может объяснить это? В самом деле, святая дева взяла ту малютку, воспитала ее в страхе Божиим, наставляя ее на всякое благое дело, обучая ее иноческому житию и, кратко сказать, во всяком благоухании святых заповедей. Блудница же, взявши ту несчастную, сделала ее орудием диавола. Ибо чему могла она зараза научить ее, как не погублению души своей? Итак, что мы можем сказать о страшной сей судьбе? Обе были малы, обе проданы, не зная сами, куда идут, и одна оказалась в руках Божиих, а другая впала в руки диавола. Кто в этом событии исследует глубину и таинственность судеб Божиих? Судьбы Твои, Боже, бездна многа!..

Св. Григорий сказал: исследовать сокровенные причины судеб Божиих значит противопоставлять нашу греховную гордость советам, или определениям, Его. Наша обязанность, наше дело - при всяком необычном событии повторить слова св. Павла: «О, бездна богатства, и премудрости, и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его» [Рим. 11, 33].

Святитель Иоанн (Максимович). Илиотропион или сообразование человеческой воли с Божественною волею. М.: Паломник, 1994.
http://www.fatheralexander.org/booklets/russian/iliotropion.htm#_Toc3559183

Святитель Тихон Задонский

ДУХОВНЫЕ НАСТАВЛЕНИЯ

Люби Бога и благодари его за все

Бог есть твой Создатель, Искупитель, высочайший Благодетель и благой Промыслитель. Он как создал тебя, так с тех пор всякое добро тебе подает. Без добра Его и минуты жить не можешь. Не видишь ты Благодетеля своего телесными очами, но видишь благодеяния Его, подаваемые тебе: видишь солнце, луну и звезды Его, которые светят тебе; видишь огонь, который согревает тебя и варит пищу тебе; видишь воду, которая напоет и омывает тебя; видишь пищу, которая насыщает тебя; видишь одеяние, которым покрывается нагое тело твое; видишь и прочие бесчисленные блага, которые Он подал тебе в нужде твоей и к утешению твоему. Видя же и получая благодеяния, везде и всегда с любовью

невидимого Благодетеля своего вспоминай и за все благодеяния от чистого сердца благодари Его. Больше и высочайшее Его благодеяние - что благоволением Его пришел к нам Христос, Единородный Сын Его, и честною Своею Кровью и страданием искупил нас от диавола, ада и смерти. Непостижимая открылась нам тогда благодать Божия. Должно же и нам всегда на это великое и умом непостижимое дело Божие верою взирать и непрестанно о нем помнить; и Богу, нас, недостойных, так возлюбившему, от всего сердца приносить благодарность; поклоняться Ему, хвалить, петь и славословить Его сердцем и устами: Благословен Господь Бог Израилев, что посетил народ Свой и сотворил избавление ему, и воздвиг рог спасения нам в доме Давида, отрока Своего [Лк. 1, 68-69]. Помни же и ты всегда великое это дело Божие, и удивляйся тому, и от сердца благодари Бога, и живи так, как хочет Бог, пришедший в мир грешников спасти, да не оскорбишь Его своей неблагодарностью. Хочет Он тебя спасти, так что и в мир ради тебя пришел, и пострадал, и умер святой плотью Своей, - исполняй же и ты святое хотение Его и со всей тщательностью заботься о спасении души своей. Будь благодарен Ему и живи смиренно, любовно, кротко и терпеливо, как Он Сам жил и того хочет от тебя.

Везде и во всем с любовью замечай Господа Бога твоего и святую любовь Его к нам. Все, что ни видишь на земле, и на небе, и в доме твоём, возбуждает тебя к воспоминанию Господа Бога твоего и любви Его святой. Любовь Божия объемлет нас: всякое создание Божие о любви Его к нам свидетельствует. Видя же творение Божие и пользуясь им, говори в себе так: это есть дело рук Господа Бога моего, и ради меня оно сотворено. Эти светила небесные: солнце, луна и звезды - Господа Бога моего суть создание, всей вселенной и мне они светят. Эта земля, на которой я живу, которая плоды мне и скоту моему произращает, и все, что на ней ни есть, Господа моего есть создание. Эта вода, которая меня и скот мой напоет, Господа моего есть добро. Этот скот, который мне служит, Господа моего есть создание, и мне на службу от Него дан он. Этот дом, в котором я живу, Божие добро есть, и мне он дан от Него к упокоению моему. Эта пища, которую я вкушаю, Божие дарование есть, мне ко укреплению и утешению немощной плоти моей данное. Эту одежду, в которую одеваюсь, Господь Бог мой подал мне ради прикрытия нагого тела моего, и прочее.

Этот образ, образ Христов, есть образ Спасителя моего, Который ради меня в многобедный мир пришел спасти меня погибшего, и пострадал, и умер за меня, и так от греха, диавола, смерти, ада искупил меня. Поклоняюсь неизреченному человеколюбию Его.

Этот образ Богородицы есть образ Пресвятой Девы, Которая Господа Бога моего Иисуса Христа плотью без семени родила. Благословенна в женах Бога плотию рождающая Матерь и благословен плод чрева Ее! Блаженно чрево, носившее Господа Бога моего, и сосцы, Его питавшие!

Этот образ Предтечи есть образ великого Пророка, который от Бога послан пред Спасителем моим Иисусом Христом и о Нем, уже пришедшем в мир, возвестил людям и указывал на Него: Вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира [Ин. 1, 29], - и Того крестить сподобился в струях Иорданских.

Этот образ Апостола есть образ ученика Спасителя моего, который сам Его видел и общался с Ним: и чудодельствующего Его видел, и поучающего слышал, и страждущего за спасение мира, и воскресшего из мертвых, и возносящегося на Небо видел, - и от Него послан во вселенную проповедовать Святое Евангелие Его.

Этот образ мученика есть образ того подвижника, который стал до крови за честь Спасителя моего Иисуса Христа, и за имя Его святое живота своего не пощадил, и благочестивую нашу веру, как истинную, излиянием крови своей утвердил.

Это слово, Священное Писание, которое я слышу, есть слово Божие, есть слово уст Его, уста Господня глаголаша сия, и ныне через него Бог мой мне говорит: Закон уст Твоих для меня лучше тысяч золота и серебра [Пс. 118, 72]. Господи! Дажь мне уши слышать слово Твое святое.

Этот дом священный, церковь, в которой я стою, есть храм Божий, в котором от верных, братии моей, приносятся Богу моему молитва и славословие. Эти священные гласы, славословие и молитва общая, суть те гласы, которыми пение, благодарение, хвала и славословие воссылаются святому имени Бога моего.

Этот священный муж, епископ или иерей, есть ближайший служитель Бога моего, который мне и прочим людям, братии моей, возвещает путь спасения.

Этот брат мой, всякий человек, есть любимое создание Бога моего, как и я, - создание, по образу Божию и по подобию сотворенное и падшее;

Кровью Сына Божия, Спасителя моего, как и я, искупленное и к вечному животу словом Божиим позванное. Надо мне его любить, как любимое создание Бога моего, любить, как себя самого люблю, и не делать ему ничего, чего себе не хочу, и делать ему то, что себе хочу. Ибо так повелел Бог мой.

Словом, всякий случай и всякая вещь могут и должны возбуждать тебя к любовному воспоминанию Господа Бога твоего и показывать любовь Его к тебе, так что и самое наказание от любви Его к нам бывает, по писанному: Господь, кого любит, того наказывает [Евр. 12, 6]. Поминай же везде, во всяком случае и во всякой вещи имя Господа Бога твоего. Берегись забывать Благодетеля, довольствуясь благодеянием Его, да не явишься Ему неблагодарным. Ведь забвение благодетеля есть явный знак неблагодарности.

Бог есть высочайшее Добро, от Которого всякое прочее добро и блаженство, какое есть и может быть, проистекает. Блаженство без Бога есть окаянство и бедность, жизнь - смерть, радость и сладость - горесть. С Богом жить и в несчастии есть счастье; в нищете - богатство; в беславии - слава; в бесчестии - честь; в скорби - утешение. Без Бога не может быть истинного покоя, мира и утешения. Потому люби Его, как высочайшее добро твое и блаженство, люби более всякого создания, более отца и матери, более жены и детей, более себя самого. К Нему Единому прилепляйся сердцем твоим и более всего Единого Его желай и ищи. Он - вечное твое добро и блаженство, без Него и в нынешнем веке нет, и в будущем не будет жизни и блаженства. Всякое создание Божие - добро, но Создатель несравненно лучше. Люби же и желай то самое истинное Добро, как существенное, безначальное, присносущное и непрменяемое, от Которого все создания добрыми сделались.

Любовь - это первое и главное чувство, каким должны быть запечатлены все наши отношения к Богу; но любовь холодная, ничем не выражающая себя не что иное есть, как пустой призрак, безжизненное изображение, подобное живописному изображению огня, который, при всей яркости цветов, ни светит, ни согревает. Потому что если вера, по свидетельству апостола, без дел мертва есть [Иак. 2, 20], то каким образом любовь может существовать без них - любовь, от которой сама вера заимствует свою силу и действенность [см.: Гал. 5, 6]?

Спасение в Господе Иисусе Христе

Спасения твоего ни в чем ином не полагай, как только во Едином Христе Иисусе, Спасителе мира. Если истинно веруешь, что Он за тебя пострадал и умер и есть Спаситель твой, то люби Его всем сердцем твоим, слушай Его и угождай Ему, как Спасителю своему, и всю надежду спасения в Нем Едином полагай и утверждай. Непременно должны мы добрые дела творить, как христиане, но спасения от Единого Христа просить и ожидать должны.

Внимай слову Божию

Слово Божие, то есть Священное Писание, пророками и апостолами нам преданное, люби как и Самого Бога: Божие слово есть слово уст Божиих. Если Бога любишь, то непременно и слово Божие любишь. Ибо оно есть послание Божие к нам, недостойным, и высочайший Его дар, нам ради спасения поданный: если любишь Пославшего, люби и посланное от Него письмо к тебе. Слово Божие мне, тебе и всем дано от Бога, да всякий, хотящий спастись, через него спасение получит. Когда царь земной к тебе напишет письмо, любишь таковое и с любовью и радостью прочитываешь его. Кольми паче письмо Царя Небесного, слово Божие, любить и с любовью и радостью прочитывать должно.

Слово Божие не ради того дано нам, чтобы оно лежало, на хартии написанное, но чтобы мы пользовались им духовно, просвещались, на путь истинный и спасение наставлялись, нравы свои исправляли и по правилу его в мире сем жили и Богу угождали. Если же хочешь быть истинным христианином, непременно старайся жить по правилу его. Ибо слово Божие есть семя Небесное: должно в нас плод произрастить, себе подобный, то есть святое и Небесное житие. Иначе оно обличит нас в день Страшного Суда Христова. Живи же так, как слово Божие учит, и по нему себя исправляй.

Не откладывай покаяние

Если в чем оступишься, как человек, и согрешишь, не отчаивайся, но тотчас, познав свой грех, падай со смирением пред милосердным Богом и проси милости, взывая мытаревым гласом: Боже, милостив буди мне грешному! И отпустится тебе согрешение твое.

Какие бы грехи ни сотворил ты по Крещении, если в истинном покаянии находишься, не отчаивайся, но ожидай милости Божией. Сколько

бы их ни было и сколь велики и тяжки ни были они, у Бога милости еще более. Только впредь берегись грешить.

Погубляет человека не тяжесть и количество грехов, но нераскаянное и ожесточенное сердце.

Одним тем непременно следует осуждение с диаволом во аде, которые не хотят каяться и от грехов отстать, а кающимся и отставшим от грехов двери милосердия Божия отверсты.

Не от долгого времени покаяние зависит, но от усердия кающегося.

Надобно опасаться, чтобы у немощного не было и покаяние немощное, а у умирающего мертвое.

Надобно оставить прихоти, пока они нас не оставят; надобно оставить суету, пока она нас не оставит.

http://www.p-blagovest.narod.ru/Reading/Reading-4/loann_Zl-How.htm

Святитель Тихон Задонский

ТЫ ЧЕГО СТАЛ?

Бывает, что когда люди, собравшиеся на какое дело работают и трудятся, и один из них разленившись стоит; тогда другой ему говорит: ты чего стал? Тако наченшему, но ослабевающему в подвиге благочестия, можно к поощрению сказать: прочии христиане в деле своем трудятся, а ты чего стал? Прочии со усердием каются и воздыхают за грехи своя: ты чего стал? Прочии подвизаются противу греха, диавола, мира и страстей: ты чего стал? Прочии прилежно делают в винограде Господни: ты чего стал? Прочии со усердием работают Господеви: ты чего стал? Прочии со тщанием молятся, просят и толкут в двери милосердия Божия: ты чего стал? Прочии сеют семена своя духовная: ты чего стал? Прочии щедрят и дают милостыню: ты чего стал? Прочии благотворят ближним своим: ты чего стал? Прочии богатство, честь, славу и всякую суету мира сего презирая, на вечное блаженство взирают и текут к тому: ты чего стал? Прочии смиряются пред Богом и человеками: ты чего стал? Прочии с любовью работают ближним своим: ты чего стал? Прочии к почести высшего звания идут и текут: ты чего смотришь, чего стал, и не идешь? Прочии емлются за вечную жизнь: ты чего стал и не емлешься? Прочии, отрешившись себе и взяв крест свой, идут за Христом и последуют Ему терпением, любовью, кротостию и смирением, и идут за Ним в вечную

жизнь, жизнь, идеже есть радость, веселие, сладость, честь, слава и блаженство вечное; идеже видится Бог лицом к лицу; откуда отбежит болезнь, печаль и вздыхание; где слышится глас радости и веселия, слышится глас и шум празднующих и веселящихся, где поют непрестанно и сладко песнь: аллилуйя. Где сладкое и блаженное дружество со ангелами, туда идут последующие Христу, яко овцы пастырю: овцы Моя гласа Моего слушают, и Аз знаю их, и по Мне грядут. И Аз живот вечный дам им, и не погибнут во веки, и не восхитит их никтоже от руки Моея [Ин. 10, 27-28], глаголет Господь. Ты чего стал? Для чего туда же в покойное, мирное и сладкое место не спешишь? Туда пошли и вошли вси святии; вошли патриархи, пророки, апостолы, святители, мученицы, преподобные и вси, от века верою угодивши Богу, и водворяются тамо, и радуются и веселятся, и ожидают общего воскресения и совершеннейшего блаженства, по неложному Божию обещанию: ты чего стал? Чего для туды же не поспешаешь? Они ожидают нас с великим желанием, чтобы туда шли и пришли мы. Ждет и небесный Отец; ждет, Который Сына Своего ради нас не пощадил, но на смерть предал Его; ждет, которых по образу Своему и по подобию сотворил; ждет, да ублажит нас вечным блаженством во царствии Своем. Чего убо стоим мы? чего ради дремлем? чего ради не идем? чего ради туда не спешим? какое блаженство видим в мире сем? какой покой, мир и добро? какое веселие и радость? Суета суетствий и всяческая суета. Беды во градах, беды в селех, беды в пустынях, беды на земли, беды на море, беды от явных, беды от тайных врагов, беды от языка, беды от рук человеческих, беды от плоти и страстей, воюющих на душу, беды от диавола, который, яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити [1 Пет. 5, 8]; беды от лживых прелестников и обманщиков, беды от сродников и от лжебратии, беды от мира всего. Мир весь во зле лежит [1 Ин. 5, 19]. Что в мире не горестно? Богатство с нищетою сопряжено, слава с бесславием, честь с бесчестьем, покой не без беспокойствия, мир не без смущения и мятежа, любовь лицемерна, дружество не без подозрения, сладость растворенная горестию. Отвсюду страх, отвсюду боязнь, подозрение, опасность и печаль. Нет истины, нет верности. Умалишася истины от сынов человеческих. Воистину весь мир во зле лежит. Чего убо чаем в мире сем доброго? Суета суетствий и всяческая суета. Суетная глагола кийждо ко искреннему своему; устне лживы в сердце, и в сердце глаголаша злая. Увы мне! яко прищельствие

мое продолжися. О Иисусе, сладосте жизненная, радости и утехе любящих Тя! К Тебе, живущему на небеси, плачевныя моя очи возвожу от горькой и плачевной сей юдоли: влещи мене за Собою!.. Побежим, идеже есть всех веселящихся жилище. К Тебе возведох очи мои, живущему на небеси. Се яко очи раб в руку господий своих, яко очи рабыни в руку госпожи своея: тако очи наши ко Господу Богу нашему, дондеже ущедрит ны. Помилуй нас, Господи, помилуй нас, яко помногу исполнихомся уничижения: наипаче наполнися душа наша поношения гобзующих и уничижения гордых. [Пс. 122, 1-4]

Святитель Тихон Задонский. Сокровище духовное, от мира собираемое. М.: Правило веры, 2003. С. 392-395.

Святитель Тихон Задонский

СЧАСТЬЕ

Люди, когда по желанию своему что получают, счастливыми называются – тако христианин счастлив есть, когда имеет то, чего желает и ищет. Счастливы люди тии, которые от работы, или от темницы, или от ссылки, или от плена свободилися. Христианин счастлив есть, когда от грехов, которыми, како узами, связан был, и от работы диавольской свободился. Счастье у людей есть, что здоровое тело имеют, - христианское счастье есть иметь здоровую душу. Счастливыми называются тии воины, которые одерживают победу над врагами своими, - воистину счастлив тот христианин, который себя самого побеждает. За счастье себе почитают многие, что им удалось врагам своим отмстить, - истинное христианина счастье есть, что он врагам своим уступает и не воздает зла за зло: большее еще счастье есть, когда их любит и благоволит им, - тогда-то он подлинно сын есть Небесного Отца, Иже солнце Свое сияет на злых и благия и дождит на праведных и на неправедных. [ср.: Мф. 5, 44-45]

Счастье у людей есть, что много от людей принимают и собирают, - счастлив воистину тот христианин, который от всего, что имеет у себя, ближним своим уделяет. Блажени милостивии: яко тии помиловани будут [Мф. 5, 7]. Благ муж щедр и дая: устроит словеса своя на суде, яко в век не подвижится [Пс. 111, 5]. Счастье у людей есть быть богатым и славным в мире сем – христианина счастье есть добрыми делами богатеть и славу мира сего презирать. Счастье у людей есть над другими людьми

господствовать и царствовать – христианин счастлив есть, когда над собою самим, над плотию своею, над страстями и похотями своими господствует и царствует и ими повелевает. Сей есть воистину господин, царь и повелитель! Многие над людьми господствуют и царствуют, но сами рабы суть греха и пленники страстей своих. Воистину преславный царь есть и господин, кто страстями и похотями своими владеет! Счастье у людей есть богатую поставлять трапезу и тою насыщаться – христианина счастье есть внутри сердца своего слышать слово Божие и тем насыщать душу свою, утешать и увеселять: се есть богатая трапеза, преславная и пресладкая христианской души вечера! Счастлив у людей есть, кто в радости и веселии мира сего живет, - христианина счастье есть, ежели он печаль по Боге имеет и плачется своих ради грехов. Блажени плачущии: яко тии утешатся [Мф. 5, 4].

Счастье у людей есть, когда человек в богатом и красном доме живет, - христианина счастье есть, ежели он истинно внутри Церкви Божией обретается, есть истинный сын Церкви, сожитель святым, присный Богу и духовный уд Христов. Блажени живущии в дому Твоем: в веки веков восхвалят Тя [Пс. 83, 5]. Счастье у людей есть: иметь себе защитников и помощников от сильных людей – христианина счастье есть: иметь себе Бога Защитника и Помощника. Блажен муж, емуже есть заступление его у Тебе, Боже! Блажен, емуже Бог Иаковль Помощник его, упование его на Господа Бога своего, сотворшаго небо и землю, море, и вся, яже в них: хранящаго истину в век, творящаго суд обидимым, дающаго пищу алчущим [Пс. 83, 6]. Счастье у людей есть: быть крепким телом и храбрым на брани – христианина счастье есть, ежели он крепок душою, неподвижимый и неодолимый на брани, от диавола бываемой, и во искушениях, бедах и напастях, от него наносимых, непреклонен есть. Се есть крепость и великодушие христианское! Се есть храбрый воин Христов! Ты моя крепость, Господи, Ты моя и сила (ирмос воскресный 8-го гласа) и прочая. С тобою все могу. Без Тебя ничего не могу. Вся могу о укрепляющем мя (Иисусе) Христе [Флп. 4, 13] и прочая.

Возлюбленный христианине! Пусть люди в счастии мира сего процветают – ты довольно счастлив будеши, когда внутри себя счастье будеши иметь; то-то есть истинное, неподвижное и неотъемлемое счастье! Пусть люди много знают вне себя – ты довольно счастлив, когда знаеши самого себя и внутри себя, хотя и ничего иного не знаеши. Пусть

люди красуются здравием телесным – ты довольно счастлив, когда здравие душевное имеешь, хотя телом и недугуешь. Пусть люди изобилуют тленным богатством – ты довольно счастлив, когда внутри себя благочестие и сокровище добродетелей носиши. Пусть люди хвалятся защитниками и помощниками своими: я-де того и того имею князя и вельможу защитника своего, тот-де и тот мне муж помогает в бедах моих и напастях – ты довольно счастлив, когда Бог Помощник и Защитник твой есть. Пусть люди свободу и благородие свое оказывают – ты довольно счастлив, когда христианское благородие и душу свободну от грехов имеешь, хотя и работаешь людям, или в темнице заключен имеешься, или в ссылку послан страждеши, или в плену находишься. Пусть люди хвалятся, что у царя, или вельможи, или князя имеются в милости, - ты весьма счастлив будешь, ежели у Бога, Небесного Царя, в милости быть сподобишься, хотя и никто от человек не будет тебе милостив; единого Бога милость будет тебе паче милости всего мира. Пусть люди живут в красных палатах и чертогах – ты довольно счастлив, когда живешь в Доме Божии, яже есть Церковь Бога Жива, и сожитель – святым, и присный – Богу, и домашний Христов имеешься, хотя и в хижине или пещере живешь или не имеешь, где главы подклонити [Мф. 8, 20].

Пусть люди питаются и насыщаются богатою и сладкою трапезою – ты довольно счастлив, когда душа твоя питается и насыщается гласом Божиим и утешается Небесными, святыми и духовными мыслями, хотя и хлеба единого с водою, ради подкрепления немощи телесной, вкушаешь. Пусть люди хвалятся крепостию сил своих – ты довольно счастлив, когда душа твоя стоит неподвижима противу козней и искушений диавольских, хотя и никакой телесной крепости не имеешь. Пусть люди ходят в шелковых и красных одеждах – ты довольно счастлив, когда душа твоя благодатию Христовою, верою, надеждою, любовию и прочею духовною утварию украшается, хотя и рубищем одеваешься. Пусть люди славятся, что с сильными и славными мира сего дружество имеют, - ты довольно счастлив и славен, когда вошел в дружество со Христом Сыном Божиим, имеешь общение... со Отцем и с Сыном Его Иисусом Христом [1 Ин. 1, 3], хотя и никого от человек друга себе не имеешь, и прочая. Се есть истинное счастье и подлинное блаженство, которого ни огонь, ни вода, ни темница, ни ссылка, ни пленение, ни хитрость, ни злоба человеческая, ни смерть отнять не могут. Аще Бог по нас: кто на нас? [ср.: Рим. 8, 31] Сие

блаженство везде и всегда носит с собою человек, ибо внутри себя имеет. Се бо, Царствие Божие внутрь вас есть [Лк. 17, 21]. Несть бо Царство Божие брашно и питание, но правда и мир и радость о Дусе Святе [Рим. 14, 17].

С сим блаженством христианин и на оный век отходит, и с собою износит его от мира сего, и приносит в Небесное свое Отечество, и от блаженства в вечное и совершеннейшее блаженство приходит, где будет душою и телом совершенно блажен. О, воистину истинное есть христианское блаженство, воистину дражайшее счастье! Что убо пользует человеку по миру счастливым быть, но христианского счастья не иметь? Что пользует телом здравствовать, но душу расслабленную иметь? Расслабленной души знак есть злонравие. Что пользует благородием и свободою телесною хвалиться, но рабом греха и страстей быть? Всяк творяй грех раб есть греха [Ин. 8, 34]. Что пользует вне себя много знать, но себя самого не знать? Бедный человек! Старайся прежде познать себя самого, и тогда много будеши знать. Что пользует тленным веществом богатеть, но душою ниществовать? Нищий тот богат, кто тленным серебром и златом богатеет, но добродетелию ниществует. Что пользует в богатом и красном доме жить, но вне дома Божия – Церкви Святой како извергу считаться? Что пользует людьми владеть и управлять тому, кто сам собою владеть не может? Человеке! Научися прежде собою владеть, и тогда счастливо людьми владеть будеши. Что пользует тленное украшать тело, а душа бессмертная наготует и скаредным греховным рубищем покрывается?

Человеке несмысленный! Остави смертное тело: прах, землю и пепел, - а украшай бессмертную душу; и тогда будеши внутри себя иметь красоту, но истинную и нетленную и прочая. Христианине! Мира сего счастье есть общее нечестивым и благочестивым, паче же нечестивым. Кто бо более в мирском счастье живет, како нечестивые? О них-то написано: Несть восклонения в смерти их и утверждения в ране их: в трудех человеческих не суть, и с человеки не примут ран [Пс. 72, 4-5]. Но духовное счастье есть свойственное единым истинным христианам. Имей истинное благочестие внутри себя – и тогда будеши иметь истинное счастье и внутри тебя, но неотъемлемое и несравненно лучшее паче

мирского. Елицы правилом сим жительствоуют, мир на них и милость, и на Израили Божии [Гал. 6, 16].

Святитель Тихон Задонский. Сокровище духовное, от мира собираемое. М.: Правило веры, 2003. С. 232-243.

Беседа преподобного Серафима Саровского

О ЦЕЛИ ХРИСТИАНСКОЙ ЖИЗНИ

Это было в четверг. День был пасмурный. Снегу было на четверть на земле, а сверху порошила довольно густая, снежная крупа, когда батюшка отец Серафим начал беседу со мной на ближней пажитке своей, возле той же его ближней пустыньки, против речки Саровки, у горы, подходящей близко к берегам ее.

Поместил он меня на пне только что срубленного им дерева, а сам стал против меня на корточках.

— Господь открыл мне, — сказал великий старец, — что в ребячестве вашем вы усердно желали знать, в чем состоит цель жизни нашей, христианской, и у многих великих духовных особ вы о том неоднократно спрашивали...

Я должен сказать тут, что с 12-летнего возраста меня эта мысль неотпустимо тревожила, и я, действительно, ко многим из духовных лиц обращался с этим вопросом, но ответы их меня не удовлетворяли. Старцу это было неизвестно.

— Но никто, — продолжал отец Серафим, — не сказал вам о том определенно. Говорили вам: ходи в церковь, молись Богу, твори заповеди Божии, твори добро — вот тебе и цель жизни христианской. А некоторые даже негодовали на вас за то, что вы заняты не богоугодным любопытством, и говорили вам: высих себя не ищи. Но они не так говорили, как бы следовало. Вот я, убогий Серафим, растолкую вам теперь, в чем действительно эта цель состоит.

Молитва, пост, бдение и всякие другие дела христианские, сколько ни хороши они сами по себе, однако, не в делании только их состоит цель нашей христианской жизни, хотя они и служат необходимыми средствами для достижения ее. Истинная же цель нашей христианской жизни состоит в стяжании Духа Святого Божиего. Заметьте, батюшка, что лишь только ради Христа делаемое доброе дело приносит нам плоды Святого Духа. Все

же не ради Христа делаемое, хотя и доброе, но мзды в жизни будущего века нам не представляет да и в здешней жизни благодати Божией тоже не дает. Вот почему Господь Иисус Христос сказал: «Всяк иже не собирает со Мною, той расточает»... Добро, ради Него сделанное, не только в жизни будущего века венец правды ходатайствует, но и в здешней жизни преисполняет человека благодати Духа Святого, и притом, как сказано, «не в меру бо дает Бог Духа Святого, Отец бо любит Сына и все дает в руке Его».

Так-то, ваше Боголюбие! Так в стяжании этого-то Духа Божиего и состоит истинная цель нашей жизни христианской, а молитва, бдение, пост, милостыня и другие ради Христа делаемые добродетели только средства к стяжанию Духа Божиего... Бог Слово, Господь наш Богочеловек Иисус Христос уподобляет жизнь нашу торжищу, и дело жизни нашей на земле именуется куплею, и говорит всем: «Купуйте, дондеже прииду, искупующе время, яко дние лукави суть», — то есть выгадывайте время для получения небесных благ через земные товары. Земные товары — это добродетели, делаемые Христа ради, доставляющие нам благодать Всесвятого Духа, без Которого и спасения никому нет и быть не может, ибо: «Святым Духом всяка душа живится и чистотою возвышается, светлеется тройческим единством священнотайне». Сам Дух Святой вселяется в души наши, и это самое вселение в души наши Его, Вседержителя, и сопребывание с духом нашим Его Троического Единства и даруется нам лишь через всемерное с нашей стороны стяжание Духа Святого, которое и предуготовляет в душе и плоти нашей престол Божию Всетворческому с духом нашим сопребыванию, по непреложному слову Божию: «Вселюся в них и похожду и буду им в Бога, и тии будут людие Мои». Конечно, всякая добродетель, творимая ради Христа, дает благодать Духа Святого, но более всего дает молитва, потому что она как бы всегда в руках наших, как орудие для стяжания благодати Духа. Захотели бы вы, например, в Церковь сходить, да либо Церкви нет, либо служба отошла; захотели бы нищему подать, да нищего нет, либо нечего дать; захотели бы девство соблюсти, да по сложению вашему или по усилиям вражеских козней, которым вы по немощи человеческой противостоять не можете, сил нет этого исполнить; захотели бы и другую какую добродетель ради Христа сделать, да тоже сил нет, или случая сыскать не можно. А до молитвы уже это никак не относится: на

нее всякому и всегда есть возможность — и богатому и бедному, и знатному и простому, и сильному и слабому, и здоровому и больному, и праведному и грешнику. Велика сила молитвы, и она более всего приносит Духа Божиего, и ее удобнее всего всякому исправлять. Молитвою мы с Всеблагим и Животворящим Богом и Спасом нашим беседовать устаиваемся, но и тут надобно молиться лишь до тех пор, пока Бог Дух Святой не сойдет на нас в известных Ему мерах небесной Своей благодати. И когда благоволит Он посетить нас, то надлежит уже перестать молиться. Чего же молиться тогда Ему: «Прииди, и вселися в ны, и очисти ны от всякие скверны, и спаси, Блаже, души наши», когда уже пришел Он к нам, воеже спасти нас, уповающих на него и призывающих Имя Его святое во истине, то есть с тем, чтобы смиренно и с любовью встретить Его, Утешителя, внутрь храмин душ наших, алчущих и жаждующих Его пришествия.

— Ну а как же, батюшка, быть с другими добродетелями, творимыми ради Христа для стяжания благодати Духа Святого? Ведь вы мне только о молитве говорить изволите.

— Стяжайте благодать Духа Святого и всеми другими, ради Христа, добродетелями, торгуйте теми из них, которые вам больший прибыток дают... Примерно: даст вам более благодати Божией молитва и бдение, бдите и молитесь; много дает Духа Божиего пост, поститесь; более дает милостыня, милостыню творите, и таким образом о всякой добродетели, делаемой Христа ради, рассуждайте. Так и извольте торговать духовно добродетелью. Раздавайте дары благодати Духа Святого требующим, по примеру свечи возжженной, которая и сама светит, горя земным огнем, и другие свечи, не угашая своего собственного огня, зажигает во светление всех в других местах. И если это так в отношении земного огня, то что мы скажем об огне благодати Всесвятого Духа Божия?!

— Батюшка, — сказал я, — вот вы все изволите говорить о стяжании благодати Духа Святого как о цели христианской жизни, но как же и где я могу ее видеть? Добрые дела видны, а разве Дух Святой может быть виден? Как же я буду знать, со мной Он или нет?

— Мы в настоящее время, — так отвечал старец, — по нашей почти всеобщей холодности к святой вере в Господа нашего Иисуса Христа и по невнимательности нашей к действию Его Божественного о нас промысла и общения человека с Богом до того дошли, что можно сказать, почти вовсе

удалились от истинной христианской жизни. Нам теперь кажутся странными слова Священного Писания, когда Дух Божий устами Моисея говорил: «И виде Адам Господа, ходящего в раи», или же когда читаем у апостола Павла: «Идохом в Ахаию и Дух Божий иде с нами». Неоднократно и в других местах Священного Писания говорится о явлении Бога человеку. Вот некоторые и говорят: «Эти места непонятны, неужели люди так очевидно могли видеть Бога?» А непонятного тут ничего нет. Произошло это непонимание от того, что мы удалились от простора первоначального христианского ведения и под предлогом просвещения зашли в такую тьму неведения, что нам уже кажется неудобопостижимо то, о чем древние до того ясно разумели, что им и в обыкновенных разговорах понятие о явлении Бога не казалось странным...

Когда Господь наш Иисус Христос изволил совершить все дело спасения, по воскресении Своем, дунул на апостолов, возобновив дыхание жизни, утраченное Адамом, и даровал им эту самую адамовскую благодать Всесвятого Духа Божиего. В день Пятидесятницы, торжественно ниспослал Он им Духа Святого в дыхании бурне в виде огненных языков, на каждого из них седших, и вошедших в них, и наполнивших их силой огнеобразной Божественной благодати, росоносно дышащей и радостворно действующей в душах, причащающихся Ее силе и действиям. И вот эту-то самую огневдохновенную благодать Духа Святого, когда она подается нам всем верным Христовым, в таинстве Святого крещения, запечатлевают в главнейших, указанных Святою Церковью местах нашей плоти как вековой хранительницы этой благодати. Говорится: «Печать дара Духа Святого». А на что, батюшка, ваше Боголюбие, кладем мы, убогие, печати свои, как не на сосуды, хранящие какую-нибудь высокоценимую нами драгоценность. Что же может быть выше всего на свете и что драгоценнее Даров Духа Святого, ниспосылаемых нам свыше в таинстве крещения, ибо крещенская эта благодать столь велика, и столь необходима, столь живоносна для человека, что даже от человека еретика не отъемлется до самой его смерти... И если бы мы не грешили никогда после крещения нашего, то вовек пребыли бы святыми, непорочными и изъятными от всякой скверны плоти и духа угодниками Божиими. Но вот в том-то и беда, что мы, преуспевая в возрасте, не преуспеваем в благодати и в разуме Божиим, как преуспевал в том Господь наш Иисус Христос, а напротив того, развращаясь мало-помалу, лишаемся благодати Всесвятого

Духа Божиего и делаемся в многообразных мерах грешными и многогрешными людьми. Но когда, кто, будучи возбужден ищущей нашего спасения Премудростью Божией, решится ради нее на утреневание к Богу и бдение ради обретения вечного своего спасения, тогда тот, послушный гласу ее, должен прибегнуть к истинному во всех грехах своих покаянию и к совершению противоположных содеянным грехам добродетелей, а через добродетели Христа ради к приобретению Духа Святого, внутри нас действующего и внутри нас Царство Божие устраивающего. Благодать Духа Святого, даруемая при крещении во Имя Отца и Сына и Святого Духа, несмотря на грехопадения человеческие, несмотря на тьму вокруг души нашей, все-таки светится в сердце искони бывшим Божественным светом бесценных заслуг Христовых. Этот-то Свет Христов, при обращении грешника на путь покаяния, совершенно изглаживает и следы содеянных преступлений, одевая бывшего преступника снова одеждой нетления, сотканной из благодати Духа Святого, о стяжании которой, как о цели жизни христианской, я и говорю столько времени вашему Боголюбию.

Если скажу вам, чтобы вы еще яснее поняли, что разумею под благодатью Божией, и как распознать ее, и в чем особенно проявляется ее действие в людях, ею просвещенных. Благодать Духа Святого есть свет, просвещающий человека. Господь неоднократно проявлял для многих свидетелей действие благодати Духа Святого в тех людях, которых Он освящал и просвещал великими наитиями Его. Вспомните про Моисея после беседы с Богом на горе Синайской. Люди не могли смотреть на него — так сиял он необыкновенным светом, окружавшим его. Он даже принужден был являться народу не иначе как под покрывалом. Вспомните преобразование Господа на горе Фаворе. «И быша ризы Его, блещущие яко снег, и ученицы его от страха падоша ниц». Когда же Моисей и Илия явились Ему, то, чтобы скрыть сияние света Божественной благодати, ослеплявшей глаза учеников, «облако», сказано, «осени их». И таким-то образом благодать Всесвятого Духа Божия является в неизреченном свете для всех, которым Бог являет действие ее.

— Каким же образом, — спросил я батюшку отца Серафима, — узнать мне, что я нахожусь в благодати Духа Святого?..

Тогда о. Серафим взял меня весьма крепко за плечи и сказал мне:

— Мы оба теперь, батюшка, в Духе Божиим с тобою!.. Что же ты не смотришь на меня? Я отвечал:

— Я не могу, батюшка, смотреть, потому что из глаз ваших молнии сыпятся. Лицо ваше сделалось светлее солнца, и у меня глаза ломит от боли!..

О. Серафим сказал:

— Не устрашайтесь, ваше Боголюбие, и вы теперь сами так же светлы стали, как и я сам. Вы сами теперь в полноте Духа Божиего, иначе вам нельзя было бы и меня таким видеть.

И, преклонив ко мне свою голову, он тихонько на ухо сказал мне:

— Благодарите же Господа Бога за неизреченную к вам милость Его. Вы видели, что я не перекрестился даже, а только в сердце моем мысленно помолился Господу Богу и внутри себя сказал: «Господи, удостой его ясно и телесными глазами видеть то сошествие Духа Твоего, которым Ты достаиваешь рабов Своих, когда благоволишь являться в свете великолепной славы Твоей». И вот, батюшка, Господь и исполнил мгновенно смиренную просьбу убогого Серафима... Как же не благодарить Его неизреченный дар нам обоим! Этак, батюшка, не всегда и великим пустынным являет Господь Бог милость Свою. Это благодать Божия благоволила утешить сокрушенное сердце ваше, как мать чадолубивая по предстательству Самой Матери Божией... Что же, батюшка, не смотрите мне в глаза? Смотрите просто и не бойтесь — Господь с нами!

Я взглянул после этих слов в лицо его, и напал на меня еще больший благоговейный ужас. Представьте себе, в середине солнца, в самой блистательной яркости его полуденных лучей, лицо человека, с вами разговаривающего. Вы видите движение уст его, меняющееся выражение его глаз, слышите его голос, чувствуете, что кто-то вас руками держит за плечи, но не только рук этих не видите, не видите ни самих себя, ни фигуры его, а только один свет ослепительный, простирающийся далеко, на несколько сажень кругом, и дарующий ярким блеском своим снежную пелену, покрывающую поляну, и снежную крупу, осыпающую сверху и меня и великого старца. Возможно ли представить себе то положение, в котором я находился тогда!

— Что же чувствуете вы теперь? — спросил о. Серафим.

— Необыкновенно хорошо! — сказал я.

— Да как же хорошо? Что именно? — спросил он меня.

Я отвечал:

— Чувствую я такую тишину и мир в душе моей, что никакими словами выразить не могу!

— Это, ваше Боголюбие, — сказал батюшка о. Серафим, — тот мир, про который Господь сказал ученикам Своим: «Мир Мой даю вам, не яко же мир дает, Аз даю вам. Аще бы от мира бысте были, мир убо свое любил бы, но Аз избрах вас от мира, сего ради ненавидит вас мир. Но дерзайте, яко Аз победих мир». Вот этим-то людям, ненавидимым от мира сего, избранным же от Господа, и дает Господь тот мир, который вы в себе теперь чувствуете. «Мир», по слову апостольскому, «всякий ум преимуший» [Флп. 1, 7].

— Что же еще чувствуете вы? — спросил меня о. Серафим.

— Необыкновенную сладость! — отвечал я. И он продолжал:

— Это та сладость, про которую говорится в Священном Писании: «От тука дому Твоего упиются и потоком сладости Твоя напоиши я». Вот эта-то теперь сладость преисполняет и разливается по всем жилам нашим неизреченным услаждением. От этой-то сладости наши сердца как будто тают, и мы оба исполнены такого блаженства, какое никаким языком выражено быть не может... Что же еще вы чувствуете?

— Необыкновенную радость во всем моем сердце! И батюшка отец Серафим продолжал:

— Когда Дух Божий снисходит к человеку и осеняет его полнотою Своего наития, тогда душа человеческая преисполняется неизреченною радостью, ибо Дух Божий радостно творит все, к чему бы он ни прикоснулся, это та самая радость, про которую Господь говорит в Евангелии Своем: «Жена, егда рождает, скорбь имать, яко прииде год ея; егда же родит отроча, к тому не помнит скорби за радость, яко родился человек в мире. В мире скорбни будете, но егда узрю вы, возрадуется сердце ваше, и радости вашае никто же возмет от вас». Но как бы ни была утешительна радость эта, которую вы теперь чувствуете в сердце своем, все-таки она ничтожна в сравнении с тою, про которую сам Господь устами Своего апостола сказал, что радости той «ни око не виде, ни ухо не слыша, ни на сердце человеку не взыдоша благая, яже уготова Бог любящим Его»...

— Что же вы еще чувствуете, ваше Боголюбие? Я отвечал:

— Теплоту необыкновенную!

— Как, батюшка, теплоту? Да ведь мы в лесу сидим. Теперь зима на дворе, и под ногами снег, и на нас более вершка снегу, и сверху крупа падает... Какая же может быть тут теплота?!

Я отвечал:

— А такая, какая бывает в бане, когда поддадут на каменку и когда из нее столбом пар валит...

— И запах, — спросил он меня, — такой же, как из бани?

— Нет, — отвечал я, — на земле нет ничего подобного этому благоуханию. Когда, еще при жизни матушки моей, я любил танцевать и ездил на балы и танцевальные вечера, то матушка моя опрыснет меня бывало духами, которые покупала в лучших модных магазинах Казани, но и те духи не издают такого благоухания...

И батюшка о. Серафим, приятно улыбнувшись, сказал:

— И сам я, батюшка, знаю это точно так же, как и вы, да нарочно спрашиваю у вас — так ли вы это чувствуете? Сушая правда, ваше Боголюбие! Никакая приятность земного благоухания не может быть сравнена с тем благоуханием, которое мы теперь ощущаем, потому что нас теперь окружает благоухание Святого Духа Божия. Что же земное может быть подобно ему? Заметьте же, ваше Боголюбие, ведь вы сказали мне, что кругом нас тепло, как в бане, а посмотрите-ка, ведь ни на вас, ни на мне снег не тает и над нами так же. Стало быть, теплота эта не в воздухе, а в нас самих. Она-то и есть та самая теплота, про которую Дух Святой словами молитвы заставляет нас вопиять ко Господу: «Теплотою Духа Твоего Святого, согрей мя!» Ею-то согреваемые пустыnnики и пустыnnицы не боялись зимнего мраза, будучи одеваемы, как в теплые шубы, в благодатную одежду, от Святого Духа истканную. Так ведь и должно быть на самом деле, потому что благодать Божия должна обитать внутри нас, в сердце нашем, ибо Господь сказал: «Царство Божие внутри вас есть». Под Царствием же Божиим Господь разумел благодать Духа Святого. Вот это Царствие Божие внутри вас теперь и находится, а благодать Духа Святого и отвне осиявает и согревает нас и, преисполняя многообразным благоуханием окружающий нас воздух, услаждает наши чувства пренебесным услаждением, наполняя наши сердца радостью неизглаголанною. Наше теперешнее положение есть то самое, про которое апостол говорит: «Царство Божие несть пища и питье, но правда и мир о Дусе Святе». Вера наша состоит «не в убедительных человеческой

мудрости словесех, но в явлениях духа и силы». Вот в этом-то состоянии мы теперь с вами и находимся.

Угодник Божий Серафим: В 2 тт. Т. 1. Издание Свято-Преображенского Валаамского монастыря, 1993. С. 126-145.

СТИХОТВОРНЫЙ ДИАЛОГ ПУШКИНА И СЯТИТЕЛЯ ФИЛАРЕТА

Пушкин:

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?..

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

Митрополит Филарет ответил на эти стихи:

Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога мне дана,
Не без воли Бога тайной
И на казнь осуждена.

Сам я своенравной властью
Зло из темных бездн воззвал,
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомненьем взволновал.

Вспомнись мне, забвенный мною!
Просияй сквозь сумрак дум —
И созиждется Тобою
Сердце чисто, светел ум!

В ответ митрополиту Филарету Пушкин написал «Стансы»:

В часы забав иль праздной скуки,
Бывало, лире я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос величавый
Меня внезапно поражал.

Я лил потоки слез неожиданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.

И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.

Твоим огнем душа палима
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе Серафима
В священном ужасе поэт.

Первоначальный текст последней строфы, измененный по требованию цензора, был таков:

Твоим огнем душа согрета
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе Филарета
В священном ужасе поэт.

http://www.pagez.ru/philaret/nasl_003.php

Преподобный Амвросий Оптинский

МОНАСТЫРЬ В МИРУ

Слово Божие имеет силу перерождать человеческую душу. И тогда все то, что было справа начинает казаться слева, а все, что было слева, начинает казаться справа. Иной язык, иные понятия, иные чувства у верующего и у неверующего человека. Что хорошо по Божьи, то плохо по

мирскому, и наоборот, что хорошо по мирскому, то мерзость пред Господом. И вот, когда упадет семя слова Божия на добрую почву, человек мирской начинает скорбеть, ибо чувствует, как начинает отрываться от обычной мирской жизни, мирских интересов, мирских понятий, но не может найти дороги, по которой можно идти в условиях жизни мирской, в то же время исполняя Заповеди Божьи.

Это создает в его душе как бы некоторый разлад, как бы некое смущение. Он уже потерял вкус к тому, что раньше так манило его в жизни мирской, но и не научился еще вполне отдаться жизни духовной, и спрашивает такой человек: как ему жить? То есть, как ему найти в наших условиях жизни такие пути, которые дали бы ему возможность и в мирской суете жить по Божьи.

Его смущает, что наша жизнь построена совсем не так, как учил Христос, и что даже невозможно найти приложения к жизни возгоревшейся ревности о жизни во Христе.

Но так было всегда. И в первые века христиане жили среди язычников. И разве христианин, живший при дворе римского императора, где царствовали разврат, честолюбие, зависть и злоба, — разве не был он поставлен перед тем же вопросом, как в условиях жизни мирской сохранять и осуществлять христианское учение?

Здесь открывается первая задача для всякого христианина. Задача внутренняя. Задача нашего внутреннего устройства. Внешняя жизнь может остаться еще неизменной, но это будет уже совсем иной человек. Иное отношение будет к скорби, к неудачам, к болезням, к злобе, к клевете, к славе, иной откроется смысл человеческого бытия.

И потому первое, на что надлежит указать человеку, отрывающемуся от жизни мирской, уже почувствовавшему жизнь Господа, — нужно указать ему те внутренние задачи, которые стоят перед каждым. Когда душа человеческая придет в надлежащий строй, Господь вразумит ее тогда и о внешнем жизненном пути.

Для того чтобы отдаться жизни духовной, надо иметь внутреннюю решимость отдаться этой жизни окончательно, вполне. Это то самое, что страшит многих, что заставляет их служить двум господам и что является источником многих скорбей. Господь призывает нас не к тому, чтобы мы половину сердца отдали Ему, не к тому, чтобы мы половину души отдали Ему. Он хочет от нас не того, чтобы наполовину только служили Ему.

Господь требует, чтобы все сердце наше, всю душу нашу, всю жизнь отдали Ему. Только при этом Господь обещает все то, что мы так хорошо помним, когда что-либо просим у Господа, и всегда забываем, когда речь идет о наших обязанностях перед ним.

«Не заботьтесь о завтрашнем дне», — сказал Господь.

Но тут же прибавил:

«Ищите же прежде Царствия Божьего и правды Его и это все приложится вам».

Ты хочешь, чтобы Господь одел тебя, как лилию, и питал, как птицу небесную, — так ищи прежде Царствия Божия и тогда все необходимое для твоего земного существования будет дано тебе.

Ты запомнил слова Господа:

«У вас и волосы все сочтены».

Но не забыл ли другие слова, сказанные тут же:

«Кто исповедует Меня перед людьми, того и Я исповедую перед Отцом Моим Небесным». Но можешь ли ты, желающий такого попечения Божьего о твоей жизни, можешь ли ты по совести сказать, что исповедуешь Господа перед людьми?

Только тот воистину отдает свою жизнь Господу, кто каждый час, каждую минуту своей жизни может сказать: «Да будет воля Твоя».

Как достигнуть такого состояния духа? Многими трудами достигается оно. Святые подвижники учат, что необходимо, прежде всего, отречение от своей воли. Отсюда краеугольный камень монашества — послушание.

Четвертая ступень Лестницы и раскрывает этот путь. В слове четвертом Св. Иоанн говорит: «О блаженном и приснопамятном послушании». Что есть послушание?

«Послушание есть совершенное отречение от своей души, действиями телесными показуемое... Послушание есть... добровольная смерть, жизнь, чуждая любопытству, беспечалие в бедах, неуготовляемое пред Богом оправдание, бесстрашие смерти, безбедное плавание, путешествие спящих. Послушание есть гроб собственной воли и воскресение смирения... Послушай, как мертвый не противоречит и не рассуждает ни о добром, ни о злом худом; ибо за все должен отвечать тот, кто благочестиво умертвил душу его. Послушание есть отложение рассуждения и при богатстве рассуждения».

Когда мы имеем многое возразить против того, что повелевает духовный отец, нужно отложить все рассуждения, — ибо согласие не есть послушание. Монастырское послушание, или послушание старцу и есть послушание без мотивов, без рассуждений, без возражений.

Конечно, священник-духовник не то же, что старец, но и ему должно оказывать добровольное послушание, поскольку во всякое духовничество входит элемент старчества.

«Начало умерщвления и духовной воли, и членов тела бывает прискорбно; середина иногда бывает с прискорбием, иногда без прискорбия, а конец уже без всякого ощущения и возбуждения скорби».

Когда человек вступает на путь послушания, вначале ему трудно подчинять волю свою чужой воле. Отсюда скорбь и смятение духа. В середине пути бывает по-разному. Одни быстро усваивают привычку к послушанию, другие — с трудом, отсюда у них эта середина проходит без скорби, у других в скорбях. А к концу все люди радостно несут подвиг послушания.

Святой Афанасий Великий называет послушание «добровольным мученичеством». И мученический путь вначале труден. В середине допускает колебания. А в конце светел и радостен.

«Отцы псалмопения называют оружием, молитву — стеною, непорочные слезы — умывальницею, а блаженное послушание назвали исповедничеством, без которого никто из страстных не узрит Господа».

Что это значит? Это значит, что многообразны средства, которыми пользуемся мы в борьбе за наше спасение: псалмопение — подобно оружию в этой борьбе с темными силами; молитва создает стену, которою мы, как крепостными стенами, ограждаем себя от суеты мирской; непорочные наши слезы — это умывальница, в которой мы омываемся от наших грехов. Велико значение и псалмопения, молитвы, и слез. Но послушания не могут заменить они. Послушание есть исповедничество Господа. Свидетельство бесстрастия. Путь самоотречения, без которого никто не узрит Господа.

Послушание дается не сразу. На пути сего подвига есть свои обольщения.

«Находящийся в повиновении, когда победит следующие два обольщения врагов, пребывает уже рабом Христовым и вечным послушником».

О первом обольщении:

«Дьявол старается находящихся в повиновении иногда осквернять телесными нечистотами, делает их окаменелыми сердцем и сверх обычая, тревожными; иногда наводит на них некоторую сухость и бесплодие, лень к молитве, сонливость, помрачение, чтобы внушить им, будто они не только никакой пользы не получили от своего повиновения, но еще и вспять идут, и таким образом отторгнуть от подвигов послушания. Ибо он не попускает их разуместь, что часто промыслительное отнятие многих наших духовных благ бывает для нас причиною глубочайшего смиренномудрия, которым душа обладает».

Как часто на исповеди духовнику приходится слышать о таких душевных состояниях. Почти полторы тысячи лет назад писаны эти слова Св. Иоанна Лествичника, но законы духовной жизни одинаковы для всех времен и народов. Духовные немощи и обольщения и тогда были такими же, как и ныне. И ныне пребывающие в послушании и под руководством старцев или простых духовников встающие на путь жизни подвергаются такому же нападению врага. Они вдруг начинают испытывать усилие страстей, или начинают чувствовать окаменелость сердца. То внезапная тревога охватывает их, то сухость, то лень, пропадает почти совсем желание молиться. Враг вкладывает ему мысль, что пока он не исполнял послушания, не шел по этому пути он был лучше. Лучше молился, был чище сердцем, духовнее, ревностнее работал Господу. А вот как встал под руководство — так и потерял все.

Знай — это искушение. Вражеский навет, попускаемый промыслительно, ибо такое временное лишение нас духовных благ бывает для нас причиною глубочайшего смиренномудрия.

Обольщение второе противоположно первому:

«Видел я послушников, исполненных сердечного умиления, кротких, воздержанных, усердных, свободных от брани страстей и ревностных к деланию, которые сделались таковыми через покров отца своего. Бесы, приступившие к ним тайно, вложили в них мысль, будто они уже сильны к безмолвию и могут достигнуть через него совершенства бесстрастия. Обольщенные сим они пустились из пристани в море, но когда буря постигла их, они, не имея кормчего, потерпели бедственное крушение в этом скверном соленом море».

Это значит, что иной раз слишком быстрые успехи поражают послушника, ему начинает казаться, что он уже достиг высоты, на которой не требуется послушания. Из тихой пристани выходит он на безбрежный простор своеволия. Здесь бесы стерегут его, и начатый под руководством так успешно путь жизни духовной кончается страшным кораблекрушением. Чаще всего именно здесь впадает человек в прелесть, то есть в горделивое самообольщение.

Но, как и во всем, не надо быть и в послушании человеком с двоящимися мыслями.

«Кто иногда слушает, а иногда не слушает отца, тот подобен человеку, который к больному своему глазу в одно время прикладывает целебную мазь, а в другое — известь».

То слушаться, то не слушаться своего духовника, а особенно старца, это значит, то лечить, то засорять зрение своей души. Духовное зрение наше не может быть чистым, если мы к духовным очам нашим то будем прикладывать духовную мазь послушания, то известь своеволия.

«Тем, которые взяли на себя о Господе попечение о нас, должны мы веровать без всякого собственного попечения, хотя бы повеления их и не согласны были с нашим мнением, и казались противными нашему спасению, ибо тогда вера наша к ним искушается как бы в горниле смирения. Признак истинной веры в том и состоит, чтобы без сомнения покоряться повелевающим даже тогда, когда мы видим, что повеления их противны нашим ожиданиям».

Здесь все с большей и большей ясностью открывается нам, какое послушание требует подвижник. Заметим, что речь идет о послушании монастырском, о руководстве старческим, где послушание является нарочитым подвигом. Духовник в миру не может взять на себя такого руководства, ибо не может руководить всею жизнью духовного своего сына. Но в объеме и его духовного руководства надлежит все же пребывать в послушании и мирянам, ибо без послушания отцу — нет сыновьего отношения, и, значит, нет никакого руководства.

Вот почему в завершение наставления о послушании Св. Иоанн говорит слова страшные, дерзновенные, говоря которые святой подвижник предостерегает, чтобы словами этими «не ужасались».

«Не ужасайся и не дивись, когда скажут тебе, что лучше согрешить перед Богом, нежели пред отцом своим; потому что, если мы прогневали

Бога, то наставник наш может Его с нами примирить; а когда мы наставника ввели в смущение, тогда уже никого не имеем, кто бы за нас ходатайствовал».

Вот последняя степень самоотречения. За тебя, послушника, даст пред Господом ответ твой отец духовный, которому вверил ты душу свою.

Сомневаешься ли ты в великом значении послушания? Спроси об этом тех, кто имел и лишился этого блага.

«Пользу послушания возвестят тебе те, которые отпали от него; ибо они тогда только узнали, на каком стояли небе».

Воистину так! Ведь мы вообще умеем ценить только то, что у нас отнимается. Пока тело наше здорово, мы не замечаем и не ценим этого блага. А когда заболеем тяжкою болезнью, думаем, что были бы счастливы, если бы исцелились от нее.

Пребывать в послушании в смысле духовном — как бы пребывать на небе. Отпавшие от него лишились этого неба и только после того, как лишились, поняли, на какой высоте стояли и куда низвергнуты.

Мы внимаем с вами словам Св. Иоанна о блаженном и приснопамятном послушании.

И чудится мне вопрос, который встает у многих из вас: «Ведь здесь идет речь о монастыре, здесь речь идет о настоятеле, о старце, но кого слушаться в миру?»

Скорбь великая в том, что вопрос этот основателен, сомнение понятно и что вина в этом двоякая — вина мирян и пастырей.

Долгие, долгие годы иной раз живет человек, не оглядываясь на свою жизнь. Но вот разразится беда, оглянется человек и ужаснется: да куда я зашел? Нечто подобное испытывается нами, когда мы после всех церковных потрясений оглядываемся на жизнь церковную: Боже! Да куда же мы зашли? Я не знаю книги более страшной для совести каждого из нас, чем «Книга Правил Святых Апостолов, Святых Соборов, Вселенских и Поместных, и Святых отец».

Читая именно эту книгу, видишь, как мы ушли «в сторону», что мы забыли. Это имеет прямое отношение и к вопросу, кого слушаться. Духовный отец, пастырь, превратился в требоисполнителя. А миряне исповедуются раз в год и считают, что чаще исповедоваться почти грешно. Но можно ли руководить духовной жизнью человека, которого видишь раз в год? И как при таких условиях возможно послушание? Как может

пастырь взять на себя ответственность пред Господом за человеческую душу? И обращаются ли к пастырю за «руководством»? Не обращаются ли к нему только тогда, когда надо крестить, венчать, хоронить или отслужить молебен или панихиду? Но разве пастырство только в этом? О, конечно, пастырь не старец, но ведь ему вверены души мирян. Он должен пасти свою паству, то есть вести ее ко спасению, а для этого он должен назидать и просматривать души духовных своих чад. Без этого нет настоящего пастырства.

Вина и мирян и пастырей не есть вина вчерашнего дня. Это вина вековая, глубоко коренящаяся в церковной жизни.

Надо общими усилиями изыть этот грех. Тогда ясен будет вопрос — кого слушаться в миру. Пусть мы, священники, станем отцами. Пусть вы, миряне, почувствуете себя детьми. Тогда вы легко найдете кого слушаться: ибо дети должны слушаться отцов своих.

http://www.reshma.nov.ru/alm/duh_br/mon_mir.htm

Преподобный Макарий Оптинский

НАСТАВЛЕНИЯ

Свойство милостыни есть сердце, сторающее любовью о всякой твари и желающее ей блага. Милостыня состоит не в одном подаении, но в сострадании, когда видим человека в каком-либо злострадании и, если можем помочь ему в чем-либо, помогаем.

К нашему спасению нужна не одна вера, но и дела. Слова апостола Павла: «От дел закона не оправдится всяка плоть», — относятся к ветхозаветным заповедям. Учение же, что оправдание обретается одной верой — без дел, есть лютеранское, не православное. Но кто на дела свои надеется даже при вере — заблуждается... Спасение доставляют нам заслуги Спасителя.

Чтобы исправить сердце свое по заповедям Божиим, надо просить насие Его помощи, потому что без Него не можем творить ничего.

Желающие себя исправить, но побеждающиеся страстями, промыслительно искус сей приемлют, чтобы смиряли себя, хотя бы невольно, и этим привлекли к себе Божию благодать.

Смущаться и отчаиваться от стужения страстей показывает знак гордости духовной. Должно и в самых поползновениях не радовать врага

смущением и отчаянием, но паче снисходить во глубину смирения, видя точно свою немощь, представляя оную пред Господом и принося покаяние. Лучше всего каяться и смиряться, нежели отчаиваться; покаянием и смирением привлечете на себя благодать Божию и помощь Его.

В житейских волнах, при общении с людьми дается нам средство к занятию своею душою, т. е. исполнению заповедей Божиих. Как же мы их исполним, не имея с людьми общения?

Учение Господа и самая жизнь Его – есть кротость и смирение, чему и заповедал нам поучаться от Него. Всех наших зол причина – гордость, а всех благ ходатай – смирение.

Как можно мимолетное чувство умиления и слез считать уже любовью Божией? Ум тайно увлекается сим и стяжает высокоумие и гордость, и всего одного лишается, а смирения тут не бывало. Бог показал вам, что есть благодать Его с нами и отнял, да не превозносимся; впрочем, не лишил совершенно, но скрыл от нас, чтобы мы смиренно к Нему припадали. Ему угодно иногда попускать на нас протяжную тьму и мрак духовный, холодность и окаменение, чтобы мы считали себя последними и худшими всех и не искали бы духовных утешений, считая себя оных недостойными; в этом-то и состоит совершенная, смиренная преданность Спасителю. Он шел скорбным путем и даже в молитве Своей к Отцу Своему произнес: Прискорбна есть душа Моя до смерти [Мф. 26, 38], но предавался воле Его и нам повелел идти путем креста, а не отрады. Вы, думая найти в утешительных чувствах любовь Божию, ищите не Бога, а себя, т.е. своего утешения, а прискорбного пути уклоняетесь, считая себя будто погибшими не имея духовных утешений. Напротив, лишение оных нас смиряет, а не возвышает.

Тебя смущает зрение в себе совершенного неисполнения всех заповедей, и боишься, что вся жизнь пройдет только в намерении, какой же будет конец; прочти у св. Исаака Сирина в 34-м слове: «Награда бывает не деланию заповедей, но смирению, и когда (делание) сила первых оскудеет, то смирение, вместо их, приятно бывает».

При исполнении добродетелей скрепляйте каждую смирением, которое святой Дорофей называет брением (известкой); так как камни или кирпичи кладутся в созидании дома и связуются брением, крепко бывает строение, а без брения рассыплется; так и добродетели без смирения не приносят пользы.

Причина нашего неисправления и падения есть не одно нерадение, но и паче – возношение. И так как всех зол виновна гордость, так всех благих податель смирение. Видите, отчего мы падаем и не совершаем дел добродетелей? – от возношения.

Чтение отеческих книг очень нужно и полезно к познанию воли Божией, ибо отцы, читая слово Божие, в Святом Писании нам преданное, исполнили оное и прошли деятельной жизнью, оставя нам пример в своих учениях. Не читая оных, не знаете образа жизни и борьбы, и думая, что читая сами слово Божие, можете оное исполнять и не смиряетесь, а читая отцов, познаете путь, тщитесь к исполнению, но, не достигая меры их, познаете свою немощь и смиряетесь, и получаете милость Божию, которая особенно на смиренных простирается.

Правосудие Божие, дабы здесь еще очистить человека от грехов, посылает и внешние прискорбия через людей, яко оружия, дабы более прийти в чувство и познать, что мы, прегрешившие пред Богом, достойны еще больших наказаний, и чрез терпение очиститься. Не должно изыскивать причин, справедливо ли, или напрасно обижают нас люди; когда прегрешаем пред Богом, то сия есть важная причина, побудившая Промысл Его воздвигнуть на нас бурю скорбей.

Долг кающегося христианина есть благодарить Бога наказующего его здесь, дабы в будущем веке не быть наказану вечно, и потому оскорбляющим должно прощать не только по заповеди: Любите враги ваша [Мф. 5, 44] и: Оставьте и оставится вам [Мф. 6, 14], но вменять их своими благодетелями, потому что чрез них сподобляемся получить прощение грехов своих.

По заповеди церковной и апостольскому завещанию вы должны уважать священников, яко служителей алтаря и тайнств Божиих, ибо без них невозможно спастися и, по силе своей, сколько можете уделяйте им, на их нужды, ибо служащие алтарю с алтарем делятся [1 Кор. 9, 13]. Судить же их в их погрешностях совсем не ваше дело; овца пастыря не судит, каков бы он ни был. Судить священника значит судить Самого Христа; как можно сего берегитесь!

Обещавшиеся увести себя Богу и оставившие таковое намерение не получают счастливой судьбы.

http://www.p-blagovest.narod.ru/Reading/Reading-4/Ioann_Zl-How.htm

СЕТИ МИРОДЕРЖЦА

Под знамением святого креста веду вас, братия, на духовное зрелище. Руководителем нашим да будет великий в угодниках Божиих Антоний, пустынножитель египетский.

Он, по действию Божественного откровения, увидел некогда сети диавола, распростертые по всему миру для уловления человеков в погибель. Увидев, что этих сетей бесчисленное множество, с плачем спросил он Господа: «Господи! кто же может миновать эти сети, и получить спасение»?

Погружаюсь задумчиво в рассматривание сетей диавола. Они расставлены вне и внутри человека. Одна сеть близко присоединена к другой; в иных местах сети стоят в несколько рядов; в других сделаны широкие отверстия, но которые ведут к самым многочисленным изгибам сетей, избавление из которых кажется уже невозможным. Глядя на многокозненные сети, рыдаю горько! Невольно повторяется во мне вопрос блаженного пустынножителя: «Господи! кто же может избавиться этих сетей»?

Расставлены сети для ума моего в различных книгах именующих себя светом, а содержащих в себе учение тьмы, написанных под явным, или прикрытым влиянием мрачного и всезлобного миродержца, из источника — разума, поврежденного грехопадением, во лжи человечестей, в коварстве козней лщения [Еф. 4, 14], по выражению Апостола, писателями, которые без ума дмятся от ума плоти своя [Кол. 2, 18]. Ближний мой, в любви к которому я должен искать спасения, соделывается для меня сетью, уловляющею меня в погибель, когда ум его уловлен сетями учения, мудрования лживых и лстивых. Мой собственный ум носит на себе печати падения, покрыт покрывалом мрака, заражен ядом лжи: сам он, обольщаемый миродержителем, расставляет для себя сети. Еще в раю стремился он неразборчиво и неосторожно к приобретению знания, для него гибельного, убийственного! По падении он сделался неразборчивее, опрометчивее: с дерзостью упивается чашею знания ядовитого, и тем решительно уничтожает в себе вкус и вождение к Божественной чаше знания спасительного.

Для сердца моего сколько сетей! Вижу сети грубые и сети тонкие. Которые из них назвать более опасными, более страшными? недоумеваю. Ловец искусен, — и кто ускользнет от сетей грубых, того он уловляет в сети тонкие. Конец ловитвы — один: погибель. Сети прикрыты всячески, с отличным искусством. Падение облечено во все виды торжества; человекоугодие, лицемерство, тщеславие — во все виды добродетели. Обман, темная прелесть, носят личину духовного, небесного. Любовь душевная, часто порочная, прикрыта наружностью любви святой; сладость ложная, мечтательная, выдается за сладость духовную. Мiroдержец всеми средствами старается удержать человека в его падшем естестве: и этого довольно, без грубых грехопадений, чтоб соделать человека чуждым Бога. Грехопадения грубые вполне заменяются, по верным расчетам ловца, гордостным мнением о себе христианина, довольствующегося добродетелями падшего естества и вдавшегося в самообольщение, — этим отчуждившегося от Христа.

Для тела сколько сетей! оно само — какая сеть! как пользуется им миродержец! Посредством тела, снисходя его унижительным наклонностям и пожеланиям, мы приближаемся к подобию скотов бессловесных. Какая пропасть! какое удаление, какое ниспадение от Божественного подобия! В эту глубокую, страшно далекую от Бога пропасть мы низвергаемся, когда предаемся грубым плотским наслаждениям, называемым, по их греховой тяжести, падениями. Но и менее грубые плотские наслаждения не менее пагубны. Ради их оставляется попечение о душе, забывается Бог, небо, вечность, назначение человека. Мiroдержитель старается содержать нас в непрестанном развлечении, омрачении, посредством наслаждений телесных! Чрез чувства, эти двери в душу, которыми она сообщается с видимыми миром, он непрестанно вводит в нее чувственное наслаждение, неразлучные с ним грех и плен. Гремит в знаменитых земных концертах музыка, выражающая и возбуждающая различные страсти; эти страсти представлены на земных театрах, взволнованы в земных увеселениях: человек всеми возможными средствами приводится к наслаждению убившим его злом. В упоении им он забывает спасающее его добро Божественное и кровь Богочеловека, которою мы искуплены.

Вот слабое начертание сетей, расставленных миродержцем для уловления христиан. Начертание слабое, но едва ли оно не навело на вас,

братия, справедливого ужаса, едва ли в душе вашей не родился вопрос: «Кто же может избежать этих сетей»?

Картина страшная еще не кончена! еще, еще возбуждается кисть моя, водимая Словом Божиим, к живописи.

Что гласит Слово Божие? Оно возвещает предсказание, сбывающееся в глазах наших, предсказание, что во времена последние, по причине умножения беззакония иссякнет любви многих [Мф. 24, 12]. Неложное Слово Божие, более твердое нежели небо и земля, возвещает нам умножение в последние времена сетей диавольских и умножение числа погибающих в этих сетях.

Точно! гляжу на мир, — вижу: сети диавола умножились, в сравнении с временами первенствующей Церкви Христовой, умножились до бесконечности. Умножились книги, содержащие лжеучение; умножились умы, содержащие и сообщающие другим лжеучение; умалились, умалились до крайности последователи святой Истины; усилилось уважение к добродетелям естественным, доступным для иудеев и язычников; явилось уважение к добродетелям прямо языческим, противным самому естеству, взирающему на них, как на зло; умалилось понятие о добродетелях христианских, не говорю уже как умалилось, почти уничтожилось, исполнение их на самом деле; развилась жизнь вещественная; исчезает жизнь духовная; наслаждения и попечения телесные пожирают все время; некогда даже вспомнить о Боге. И это все обращается в обязанность, в закон. От умножения беззакония иссякнет любви многих, и тех, которые удержались бы в любви к Богу, если б зло не было так всеобщее, если б сети диавола не умножились до такой бесчисленности.

Справедлива была печаль блаженного Антония. Тем справедливее печаль христианина нынешних времен, при зрении сетей диавольских; основателен плачевный вопрос: «Господи! кто же из человеков может миновать эти сети и получить спасение?»

На вопрос преподобного пустынножителя последовал от Господа ответ: «Смиренномудрие минует эти сети, и они не могут даже прикоснуться к нему».

Божественный ответ! как он отъемлет от сердца всякое сомнение, изображает в кратких словах верный способ победы над супостатом

нашим, способ расторжения, уничтожения многоплетенных его козней, устроенных при помощи многолетней и многозлой его опытности.

Оградим смирением ум, не позволяя ему стремиться безразборчиво, опрометчиво к приобретению знаний, как бы новость их и важность их заглавий ни приманивали нашей любознательности. Охраним его от испытания лжеучений, прикрытых именем и личиною христианского учения. Смирим его в послушание Церкви, низлагая всякое помышление, взимающееся на разум Христов [2 Кор. 10, 5], на разум Церкви. Прискорбен сначала для ума тесный путь послушания Церкви; но он выводит на широту и свободу разума духовного, пред которым исчезают все мнимые несообразности, находимые плотским и душевным разумом в точном повиновении Церкви. Не дозволим ему чтения о духовных предметах другого, кроме как в книгах, написанных писателями истинной Церкви, о которых сама Церковь засвидетельствовала, что они — органы Святого Духа. Читающий святых писателей неприметно приобщается обитающему в них и глаголющему ими Святому Духу; читающий сочинителей еретических, хотя бы они своим еретическим сонмищем и украшены были прозванием святых, приобщается лукавому духу прелести: за непослушание Церкви, в котором — гордость, он впадает в сети миродержителя.

Как поступить с сердцем? — Привьем к этой дикой маслине сучец от маслины плодовой, привьем к нему свойства Христовы, приучим его к смирению евангельскому, будем принуждать насильно к принятию воли Евангелия. Увидев его разногласие с Евангелием, — непрерывное противоречие, непокорность Евангелию, увидим в этом противодействии, как в зеркале, наше падение. Увидев падение наше, восплачем о нем пред Господом, Создателем нашим и Искупителем, возболим печалью спасительною; доколе будем пребывать в этой печали, доколе не узрим исцеления нашего. Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничтожит [Пс. 50, 19], преданием его в ловитву врагу. Бог — Создатель наш и полный Владыка: Он может воссоздать сердце наше, — и претворит Он сердце, неотступно воющее Ему плачем и молитвою, из сердца грехолюбивого в сердце боголюбивое, святое.

Будем хранить телесные чувства наши, не впуская чрез них грех в клеть душевную. Обуздаем любопытное око и любопытное ухо; возложим жестокую узду на малый член тела, но производящий сильные потрясения,

на язык наш; смирим бессловесные стремления тела воздержанием, бдением, трудами, частым воспоминанием о смерти, внимательною, постоянною молитвою. Как непродолжительны телесные наслаждения! каким смрадом они оканчиваются! Напротив того тело, огражденное воздержанием и хранением чувств, омовенное слезами покаяния, освященное частыми молитвами, зиждется таинственно в храм Святого Духа, содейвающего все покушения врага на человека безуспешными.

«Смиренномудрие минует все сети диавольские, и они даже не могут прикоснуться к нему». Аминь.

Святитель Игнатий Брянчанинов. Аскетические опыты: В 2 тт. Т.1. Минск: Лучи Софии, 2001. С. 317-321.

Святитель Игнатий Брянчанинов

О ЛЮБВИ К БОГУ

Люби Бога так, как Он заповедал любить Его, а не так, как думают любить Его самообольщенные мечтатели.

Не сочиняй себе восторгов, не приводи в движение своих нервов, не разгорячай себя пламенем вещественным, пламенем крови твоей. Жертва благоприятная Богу — смирение сердца, сокрушение духа. С гневом отвращается Бог от жертвы, приносимой с самонадеянностью, с гордым мнением о себе, хотя б эта жертва была всесожжением.

Гордость приводит нервы в движение, разгорячает кровь, возбуждает мечтательность, оживляет жизнь падения; смирение успокаивает нервы, укрощает движение крови, уничтожает мечтательность, умерщвляет жизнь падения, оживляет жизнь о Христе Иисусе.

Послушание пред Господом паче жертвы благи, и покорение паче тука овня, говорил Пророк царю израильскому, дерзнувшему принести Богу неправильную жертву [1 Цар. 15, 22]: желая принести Богу жертву любви, не принеси ее своевольно, по влечению необдуманному; принеси со смирением, в то время и на том месте, когда и где заповедал Господь.

Духовное место, на котором одним заповедано приносить духовные жертвы — смирение.

Господь отметил верными и точными признаками любящего и нелюбящего. Он сказал: Аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет. Не любяй Мя, словес Моих не соблюдает [Ин. 14, 23-24].

Ты хочешь научиться любви Божией? удаляйся от всякого дела, слова, помышления, ощущения, воспрещенных Евангелием. Враждою твоею к греху, столько ненавистному для всеяго Бога, покажи и докажи любовь твою к Богу. Согрешения, в которые случится впасть по немощи, врачуй немедленным покаянием.

Но лучше старайся не допускать к себе и этих согрешений строгою бдительностью над собою.

Ты хочешь научиться любви Божией? тщательно изучай в Евангелии заповедания Господа и старайся исполнить их самым делом, старайся обратить евангельские добродетели в навыки, в качества твои. Свойственно любящему с точностью исполнять волю любимого.

Возлюбих заповеди Твоя паче злата и топазия: сего ради ко всем заповедом Твоим направляхся, всяк путь неправды возненавидех [Пс. 118, 127-128], говорит Пророк. Такое поведение необходимо для соблюдения верности к Богу. Верность — неперменное условие любви. Без этого условия любовь расторгается.

Постоянным уклонением от зла и исполнением евангельских добродетелей — в чем заключается все евангельское нравоучение — достигаем любви Божией. Этим же самым средством пребываем в любви к Богу: аще заповеди Моя соблюдете, пребудете в любви Моей [Ин. 15, 10], сказал Спаситель.

Совершенство любви заключается в соединении с Богом; преуспеяние в любви сопряжено с неизъяснимым духовным утешением, наслаждением и просвещением. Но в начале подвига ученик любви должен выдержать жестокую борьбу с самим собою, с глубоко поврежденным естеством своим: зло, природнившееся грехопадением естеству, сделалось для него законом, воюющим и возмущающим против Закона Божия, против закона святой любви.

Любовь к Богу основывается на любви к ближнему. Когда изгладится в тебе памятозлобие: тогда ты близок к любви. Когда сердце твое осенится святым, благодатным миром ко всему человечеству: тогда ты при самых дверях любви.

Но эти двери отверзаются одним только Духом Святым. Любовь к Богу есть дар Божий в человеке, приготовившем себя для принятия этого дара чистотою сердца, ума и тела. По степени приготовления бывает и степень дара: потому что Бог и в милости своей — правосуден.

Любовь к Богу вполне духовна: рожденное от Духа, дух есть [Ин. 3, 6].

Рожденное от плоти плоть есть [Ин. 3, 6]: плотская любовь, как рождаемая плотью и кровью, имеет свойства вещественные, тленные. Она непостоянна, переменчива: огонь ее вполне в зависимости от вещества.

Слыша от Писания, что Бог наш огонь [Евр. 12, 29], что любовь есть огонь, и ощущая в себе огонь любви естественной, не подумай, чтоб этот огонь был один и тот же. Нет! эти огни враждебны между собою и погашаются один другим. Служим благоугодно Богу с благоговением и страхом; ибо Бог наш огонь подаяй есть [Евр. 12, 28-29].

Естественная любовь, любовь падшая, разгорячает кровь человека, приводит в движение его нервы, возбуждает мечтательность; любовь святая прохлаждает кровь, успокаивает и душу и тело, влечет внутреннего человека к молитвенному молчанию, погружает его в упоение смирением и сладостью духовною.

Многие подвижники, приняв естественную любовь за Божественную, разгорячили кровь свою, разгорячили и мечтательность. Состояние разгорячения переходит очень легко в состояние исступления. Находящихся в разгорячении и исступлении многие сочли исполненными благодати и святости, а они несчастные жертвы самообольщения.

Много было таких подвижников в Западной Церкви, с того времени как она впала в папизм, в котором богохульно приписываются человеку Божеские свойства, и воздается человеку поклонение, подобающее и приличествующее единому Богу; много эти подвижники написали книг из своего . разгоряченного состояния, в котором исступленное самообольщение представлялось им божественною любовью, в котором расстроенное воображение рисовало для них множество видений, льстивших их самолюбию и гордости.

Сын Восточной Церкви! уклонись от чтения таких книг, уклонись от последования наставлениям самообольщенных. Руководствуясь Евангелием и святыми Отцами истинной Церкви, восходи со смирением к духовной высоте любви Божественной чрез посредство делания заповедей Христовых.

Твердо знай, что любовь к Богу есть высший дар Святого Духа, а человек только может приготовить себя чистотою и смирением к принятию этого великого дара, которым изменяются и ум, и сердце, и тело.

Тщетен труд, бесплоден он и вреден, когда мы ищем преждевременно раскрыть в себе высокие духовные дарования: их подает милосердый Бог в свое время, постоянным, терпеливым смиренным исполнителям евангельских заповедей.

Святитель Игнатий Брянчанинов. Аскетические опыты: В 2 тт. Т.1. Минск: Лучи Софии, 2001. С. 51-54.

Святитель Игнатий Брянчанинов

СЛОВО О РАЗЛИЧНЫХ СОСТОЯНИЯХ ЕСТЕСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПО ОТНОШЕНИЮ К ДОБРУ И ЗЛУ

Состояний естества человеческого в отношении к добру и злу – три.

1. *О состоянии естества в отношении к добру и злу, по сотворении человека.* В состоянии по сотворении, человеческое естество было вовсе непричастно злу. В нем жило и действовало одно цельное добро. Никакого опытного понятия о зле человечество не имело. Оно знало только, что существует зло, что опытное познание зла пагубно для человечества. Теоретическое, поверхностное познание о зле не могло иметь никакого вредного влияния на человеческое естество, как познание мертвое, равновесное незнанию в отношении к внутренней и внешней деятельности человека. Падение человека совершилось при посредстве деятельного, опытного познания зла; падение человека заключается в деятельном, опытном познании зла, в усвоении себе зла...

2. *О состоянии по падении человека.* В падшем естестве человеческом добро смешано со злом. Прившедшее в человека зло так смешалось и слилось с природным добром человека, что природное добро никогда не может действовать отдельно, без того, чтобы не действовало вместе и зло. Человек вкушением греха, то есть опытным познанием зла, отравлен. Отрава проникла во все члены тела, во все силы и свойства души: поражены недугом греховным и тело, и сердце, и ум... Отделение собственными усилиями прившедшего зла от природного добра сделалось для человека невозможным. Зло проникло в самое начало человека: человек зачинается в беззакониях, рождается во грехах. С самого рождения своего человек не имеет ни одного дела, ни одного слова, ни одного помышления, ни одного чувствования, ниже на кратчайшую минуту, в

которых бы добро было без большей или меньшей примеси зла. Это засвидетельствовано Священным Писанием, которое говорит о падших человеках, что между ними *несть праведен никтоже: вси уклонишася, вкупе непотребна быша. Несть творяй благостыню, несть до единого* [Рим. 3, 10-12]. Указывая на свое падшее естество, святой Апостол Павел говорит: *не живет во мне, сиречь в плоти моей, доброе* [Рим. 7, 18]. Здесь под именем *плоти* Апостол понимает не собственно тело человеческое, но плотское состояние всего человека: его ума, сердца и тела... Превосходно описывает Апостол смешение добра со злом в падшем человеке, предоставленном собственным усилиям к творению добра, причем по необходимости зло проникает из естества, искажает его добро, и низлагает замыслы ума тщетно покушающегося ввести в душевный храм истинное служение Богу. Закон, говорит Апостол, *духовен есть: аз же плотян есмь, продан под грех. Ежже бо содеваю, не разумею: не ежже бо хощу, сие творю, но ежже ненавижду, то соделоваю. Аще ли, ежже не хощу аз, сие творю, уже не аз сие творю, но живой во мне грех. Обретаю, убо закон, хотящу ми творити доброе, яко мне злое прилежит. Соуслаждаюся бо закону Божию по внутреннему человеку: вижду же ин закон во удах моих, противувоюющ закону ума моего и пленяющ мя законом греховным сущим во удах моих. Окаянен аз человек: кто мя избавит от тела смерти сея? Тем же сам аз умом моим работаю Закону Божию, плотию же закону греховному* [Рим. 7, 14-25]...

В обществе падшего человечества некоторые люди называются добрыми. Так называются они неправильно, относительно. В этом обществе называется добрым тот человек, который делает наименее зла, а злым тот, который делает наименее добра. Впрочем, злой человек может до того преуспеть во зле, что вся деятельность его обращается в непрерываемый ряд злодеяний. В точном смысле доброго человека - нет. Нет человека, который бы в падшем состоянии своем делал чистое добро, не оскверненное злом: *никтоже благ, токмо един Бог* [Мк. 10, 18], говорит Слово Божие.

3. *О состоянии по искуплении человека.* Искуплением обновлено человеческое естество. Богочеловек обновил его Собою и в Себе. Такое обновленное Господом естество человеческое прививается, так сказать, к естеству падшему посредством Крещения. Крещение, не уничтожая естества, уничтожает его состояние падения, не делая естества иным,

изменяет его состояние, приобщив человеческое естество естеству Божию [2 Пет. 1, 4].

Милосердие Божие живописно изобразило в видимой природе многие таинственные учения христианства. Оживление всех произрастений весной служит образом воскресения человеков; действие некоторых лекарств, сперва обнаруживающих болезни и как бы усиливающих ее, а потом уже исцеляющих, служит образом духовного подвига, которым сперва обличает в человеке тайные его страсти, приводит их в движение, а потом мало помалу уничтожает. Действие Крещения над человеком имеет также свое разительное подобие. Пойдем в сад и посмотрим там, что делает садовник с яблонями, чтобы доставить им способность приносить вкусные плоды. Всякая яблоня, выросшая из семени, взятого хотя бы из лучшего яблока, может приносить только кислые, горькие и вредные плоды, негодные для употребления: по этой причине всякая яблоня, выросшая из семени, называется дикой. Наше падшее естество подобно дикой яблоне. Оно может приносить только горький, зловредный плод: добро, смешанное со злом и отравленное злом, погубляющее того, кто это добро, сделавшееся злом от примеси зла, признает добром, достойным Бога и человека. Садовник, чтобы превратить дику яблоню в благородную, без пощады отсекает все ее ветви, оставляет один ствол. К оставшемуся стволу он прививает сучок с благородной яблони; этот сучок срастается со стволом и корнем, начинает пускать от себя ветки во все стороны, ветками заменяются отсеченные ветви; природное дерево заменяется древом искусственным, привитым; привитое дерево держится, однако, на природном стволе, тянет соки из земли посредством природных корней - словом, жизнь свою неразрывно соединяет с жизнью природного дерева. Такое дерево начинает приносить превосходные плоды, которые принадлежат природному дереву, и вместе вполне отличаются от плодов, приносимых природным деревом в его диком состоянии. Потом, во все время существования дерева в саду, садовник тщательно наблюдает, чтобы из ствола и от корня не пошли отрасли, принадлежащие природному дереву, потому что они опять будут приносить свой негодный плод, и, привлекая в себя соки, отнимут их у привитых ветвей, отнимут у этих ветвей силу приносить свой прекрасный плод, высушат, погубят их. Для сохранения достоинства, здоровья и силы в яблоне необходимо, чтобы все ее ветви произрастали единственно из привитого сучка. Подобное обряды

прививания благородного сучка к дикой яблоне совершается в таинстве Крещения с крещаемым человеком; подобное поведению садовника относительно привитой яблони должно совершаться относительно крещеного человека. В крещении не отсекается наше бытие, имеющее началом зачатие в беззакониях и рождение во грехах: отсекается тело греха, отсекается плотское и душевное состояние естества, могущее производить добро лишь в смешении со злом, к бытию, к жизни, к существу человека прививается обновленное Богочеловеком естество человеческое. Все помыслы, чувствования, слова, дела крещеного должны принадлежать обновленному естеству, как преподобный Марк Подвижник сказал: «Благое не может быть веруемо или действуемо, как только во Христе Иисусе и Святом Духе» (О законе духовном, глава 2). Крещеный никак не должен допускать в себе действие падшего естества, должен немедленно отвергать всякое его влечение и побуждение, хотя бы они и казались по наружности добрыми, он должен исполнять единственно заповеди евангельские и помышлениями, и чувствами, и словами, и делами. К такому образу мыслей приводят завещания, данные Господом Его ученикам и последователям: *Будите во Мне, и Аз в вас. Якоже розга не может плода сотворити о себе, аще не будет на лозе, тако и вы, аще во Мне, не пребудете. Аз есмь лоза, вы же рождие: и иже будет во Мне и Аз в нем, той сотворит плод мног, яко без Мене не можете творити ничесоже. Аще кто во Мне не пребудет, извержется вон, якоже розга, и изсшет: и собирают ю и во огонь влагают, и сгарает. Будете в любви Моей. Аще заповеди Моя соблюдете, пребудете в любви Моей* [Ин. 15, 4-10]. Что может быть яснее, определеннее? Только соблюдающий со всей тщательностью евангельские заповеди, как подобает исполнять заповеди, данные Богом, может пребывать в любви к Богу - не в той любви, которая принадлежит падшему естеству, но в той, которая есть дар Святого Духа, которая изливается в обновленного человека действием Святого Духа [Рим. 5, 5], и соединяет человека с Богом. Небрегуший о заповедях, последующий влечениям падшего естества, нарушает любовь, расторгает соединение. Призвав народ с учениками Своими, повествует Евангелие, Господь объявил им: *Иже хочет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой, и по Мне грядет. Иже бо аще хочет душу свою спасти, погубит ю: а иже погубит душу свою Мене ради и Евангелия, той спасет ю* [Мк. 8, 34-35]. Очевидно, что здесь требуется отвержение не

бытия, а отвержение падшего естества, его воли, его разума, его правды. Грех и состояние падения так усвоились нам, так слились с существованием нашим, что отречение от них сделалось отречением от себя, погублением души своей. Для спасения души соделалось совершенной необходимостью погубление души, для спасения себя сделалось совершенною необходимостью отречение от себя, от своего падшего я, не сознающего в падении. Доколе это я существует, доколе Христос не может принести нам никакой пользы.

• Все, которые понуждали себя исполнять евангельское учение, опытно знают, как противоположны и враждебны Евангелию разум, правда и воля падшего естества. Примирение и соглашение - невозможны. Отвержение падшего естества есть неизбежная, осязательная необходимость спасения. Совершает это отвержение тот, кто непрестанно изучает Евангелие и старается оживлять его в себе всей деятельностью своей. Евангелие есть учение Христово. Учение Христово, как учение Божие, есть закон. Точное исполнение закона, изреченного Богом, Творцом и Икупителем, есть непременный долг искупленных созданий. Небрежение об изучении и исполнении закона есть отвержение Законодателя. Святой Апостол Павел сказал: *Елицы во Христа крестистесь во Христа облекостесь* [Гал. 3, 27]...

Изменение, производимое святым Крещением в человеке вполне ясно, вполне ощущается, однако это изменение остается для большей части христиан неизвестным: мы крещаемся в младенчестве, с детства предаемся занятиям, принадлежащим преходящему миру и падшему естеству, помрачаем в себе Духовный Дар, преподанный святым Крещением, как помрачается сияние солнца густыми тучами. Но дар не уничтожается, он продолжает пребывать в нас во все время земной жизни нашей. Так не уничтожается и продолжает существовать солнце, закрытое облаками. Лишь крещеный человек оставит деятельность падшего естества, начнет омыwać свои согрешения слезами покаяния, распнет плоть со страстями и похотями, вступит в поприще деятельности Нового Человека - дар Духа снова начинает обнаруживать свое присутствие в крещеном, развиваться, преобладать. Очищение покаянием есть последствие и действие благодати, насажденной Крещением. Покаяние есть возобновление, возвращение состояния, произведенного Крещением... При Крещении мы рождаемся водой и Духом, при покаянии возрождаемся слезами и Духом.

Как уклонение от состояния, принадлежащего естеству обновленному, и ниспадение в состояние, принадлежащее естеству падшему, совершается при посредстве оставления деятельности, принадлежащей естеству обновленному, иначе, от оставления жительства по евангельским заповедям, и посредством уклонения в деятельность, принадлежащую падшему естеству - так, наоборот, возвращение от состояния, принадлежащего естеству падшему, к состоянию, принадлежащему естеству обновленному, совершается посредством решительного и полного отвержения деятельности по разуму и воле падшего естества, посредством решительного и полного восприятия деятельности по учению и завещанию Богочеловека. При этом открывается внутренняя борьба в человеке, потому что предшествовавшая покаянию жизнь по собственной воле и разуму лишила человека духовной свободы, предала в плен греху и диаволу. Кающийся усиливается поступать по евангельским заповедям, а грех и диавол, получившие власть, произвольно им переданную предшествовавшим жильством, стараются удержать пленника в плене, в оковах, в темнице! Опытное познание плена через ощущения плена и насилия, опытное познание душевной смерти через ощущение смерти, усиливают и упрочивают плач кающегося. «Борьба эта, - говорит преподобный Марк Подвижник, - междоусобная. Она не извне, и не с братией нашей мы должны бороться. Она внутри нас, и никто из человеков не может вспомоществовать нам в ней. Одного имеем мы помощника: таинственно окровленного в нас Крещением Христа, непобедимого и не могущего быть подавленным (уничтоженным). Он будет укреплять нас, если мы по силе будем исполнять Его заповеди» (Слово 5. Советы ума душе). Здесь преподобный подвижник не отвергает руководства советами и наставлениями духовных и опытных человеков - нет! Он советует непременно и тщательно прибегать к совету духовных отцов и братьев! (Слово 1) Здесь он хочет показать, что невидимое торжество наше во внутренней брани зависит единственно от воли и действия благодати, насажденной в нас Крещением, действующей сообразно нашему произволению, являемому и доказываемому исполнением евангельских заповедей, и сообразно непостижимому изволению Божию о человеке. По этой причине одни, при обильном и постоянном человеческом руководстве, приносят самый скудный плод; другие, услышав самое краткое наставление, в краткое время

обнаруживают быстрый успех духовными дарованиями своими. «Знай наверно, - сказал святой Исаак Сирий, - что всякого блага, действующего в тебе мысленно и втайне, были ходатаями Крещение и Вера, которыми ты призван Господом нашим Иисусом Христом на благие дела Его» (Слово к иноку Николаю), а не на мнимые благие дела падшего естества...

Благодать святого Крещения посредством покаяния возводит христианина в духовную свободу, в ту свободу, которую он уже имел при исшествии из купели Крещения... От нашего небрежения о сохранении драгоценного Дара, доставляемого нам Крещением, от деятельности по незаконному закону падшего естества, власть греха вкрадывается в нас не приметно: не приметно мы теряем свободу духовную. Самый тяжкий плен остается для многих невидным, признается удовлетворительнейшей свободой. Наше состояние плена и рабства обнаруживается для нас только тогда, когда мы приступим к исполнению евангельских заповедей, тогда разум наш с ожесточением восстает против разума Христова, а сердце дико и враждебно взирает на исполнение воли Христовой, как бы на смерть свою и на убийство свое; тогда опытно познаем мы горестную потерю свободы, свое страшное падение; тогда усматриваем всю глубину этого падения, нисходящую до пропастей адских. Не должно приходить в уныние и расслабление от такого зрелища: должно с мужеством и решительностью предаться покаянию, как всесильному врачу, имеющему повеление и власть от Бога врачевать и исцелять все грехи, как бы эти грехи ни были велики и многочисленны, как бы навык к грехам ни был застарелым и укрепившимся. Христос дал Себя нам и вошел в нас посредством святого Крещения, потом утаил Себя в нас, когда мы не представили нашего произволения, чтобы Он обитал в нас и управлял нами, Христос непременно явит Себя в нас, если мы истинным покаянием докажем решительное произволение, чтобы Он обитал в нас. *Се, стою при дверех*, говорит Он, *и толку: аще кто услышит глас Мой и отверзет двери, вниду к нему и вечеряю с ним, и той со Мною. Побеждающему дам сести со Мною на престоле Моем, якоже и Аз победих и сдох со Отцем Моим на Престоле Его* [Апок. 3, 20-21]. Голос Христов – Евангелие.

Мы видим, что многие из грешников, принеся покаяние, достигли в высшей степени христианского совершенства. Они восстановили в себе Дар Крещения не только в той степени, в какой он дается, но и в той, в какой он развивается впоследствии от жительства по евангельским

заповедям. Стяжав, возвратив себе духовную свободу, они не остановились на этом, не удовлетворились этим, они не перестали от покаяния и плача, возвративших им свободу. Познанная ими на опыте немощь и удобоползновенность человека, его способность скоро изменяться, постоянно возбуждали их к плачу. *Не веши что родит находяй* (наступающий) *день* [Притч. 27, 1], говорили они ежедневно сами себе устами Писания: по причине чистоты их открылось им, что *заповедь Господня широка зело* [Пс. 118, 96]. Сравнивая с необъемлемо обширной заповедью необъемлемого Господа свое исполнение заповеди, они признавали это исполнение вполне недостаточным. Свое исполнение евангельских заповедей они называли и признавали осквернением заповедей. Они омывали свои добродетели, как бы грехи, потоками слез. Так никогда не плачет ослепленный грешник об ужаснейших грехах своих, как плачут рабы Христовы о своих добродетелях.

Святитель Игнатий Брянчанинов. Аскетические опыты: В 2 тт. Т.2. Минск: Лучи Софии, 2001. С.365-416.

Святитель Игнатий Брянчанинов

О ЛЮБВИ К БЛИЖНЕМУ

Что можешь быть прекраснее, насладительнее любви к ближнему?

Любить — блаженство; ненавидеть — мука.

Весь закон и пророки сосредоточиваются в любви к Богу и ближнему [Мф. 22, 40].

Любовь к ближнему есть стезя, ведущая в любовь к Богу: потому что Христос благоволил таинственно облечься в каждого ближнего нашего, а во Христе — Бог ! [1 Ин.]

Не подумай, возлюбленный брат, чтоб заповедь любви к ближнему была так близка к нашему падшему сердцу: заповедь — духовна, а нашим сердцем овладели плоть и кровь; заповедь — новая, а сердце наше — ветхое.

Естественная любовь наша повреждена падением; ее нужно умертвить — повелевает это Христос — и почерпнуть из Евангелия святую любовь к ближнему, любовь во Христе.

Свойства нового человека должны быть все новые; никакое ветхое свойство нейдет ему.

Не имеет цены пред Евангелием любовь от движения крови и чувствований плотских.

И какую может она иметь цену, когда при разгорячении крови дает клятву положить душу за Господа, а чрез несколько часов, при охлаждении крови, дает клятву, что не знает Его? [Мф. 26, 33, 35, 74].

Евангелие отвергает любовь зависящую от движения крови, от чувств плотского сердца. Оно говорит: *Не мните яко приидох вовреци мир на землю: не приидох вовреци мир, но меч. Приидох бо разлучити человека на отца своего и дочь на мать свою, и невесту на свекровь свою. И врази человеку домашнии его* [Мф. 10, 34-36]. Падение подчинило сердце владычеству крови, и, посредством крови, владычеству миродержителя. Евангелие освобождает сердце из этого плена, из этого насилия, приводит под руководство Святого Духа.

Святой Дух научает любить ближнего свято. Любовь, возженная, питаемая Святым Духом — огонь. Этим огнем погашается огонь любви естественной, плотской, поврежденной грехопадением.

«Говорящий, что можно иметь ту и другую любовь, обольщает сам себя», сказал святой Иоанн Лествичник (Слово 3, гл. 16).

В каком падении наше естество? Тот, кто по естеству способен с горячностью любить ближнего, должен делать себе необыкновенное принуждение, чтоб любить его так, как повелевает любить Евангелие.

Пламеннейшая естественная любовь легко обращается в отвращение, в непримиримую ненависть [2 Цар. 13, 15]. Естественная любовь выражалась и кинжалом.

В каких язвах — наша любовь естественная! Какая тяжкая на ней язва — пристрастие! Обладаемое пристрастием сердце способно ко всякой несправедливости, ко всякому беззаконию, лишь бы удовлетворить болезненной любви своей.

Мерила льстивая мерзость пред Господом, вес же праведный приятен Ему [Притч. 11, 1].

Естественная любовь доставляет любимому своему одно земное; о небесном она не думает.

Она враждует против Неба и Духа Святого; потому что Дух требует распятия плоти.

Она враждует против Неба и Духа Святого: потому что находится под управлением духа лукавого, духа нечистого и погибшего.

Приступим к Евангелию, возлюбленный брат, поглядимся в это зеркало! глядясь в него, свергнем ризы ветхие, в которые облекло нас падение, украсимся ризою новою, которая приготовлена нам Богом.

Риза новая — Христос. *Елицы во Христа креститесь, во Христа облекостесь* [Гал. 3, 27].

Риза новая — Дух Святой. *Облечетесь силою выше* [Лк. 24, 49], сказал о этой ризе Господь.

Облекаются христиане в свойства Христовы, действием всеблагого Духа.

Возможно для христианина это одеяние. *Облецытесь Господом нашим Иисус Христом, и плоти угодия не творите в похоти* [Рим. 13, 14], говорит Апостол.

Сперва, руководствуясь Евангелием, откинь вражду, памятозлобие, гнев, осуждение и все, что прямо противодействует любви.

Евангелие велит молиться за врагов, благословлять клянущих, творить добро ненавидящим, оставлять ближнему все, что бы он ни сделал против нас.

Постарайся, желающий последовать Христу, исполнять все эти заповедания самым делом.

Очень недостаточно: только с удовольствием прочитав веления Евангелия, и удивиться высокой нравственности, которую они в себе содержат. К сожалению, многие этим удовлетворяются.

Когда приступишь к исполнению велений Евангелия: тогда с упорством воспротивятся этому, исполнению владыки твоего сердца. Эти владыки: твое собственное плотское состояние, при котором ты подчинен плоти и крови, и падшие духи, которым подвластная страна — плотское состояние человека.

Плотское мудрование, его правда и правды падших духов потребуют от тебя, чтоб ты не уронил чести своей и других вечных преимуществ, защитил их. Но ты с мужеством выдержи невидимую борьбу, водимый Евангелием, водимый Самим Господом.

Пожертвуй всем для исполнения евангельских заповедей. Без такого жертвования ты не можешь быть исполнителем их. Господь сказал ученикам Своим: *Аще кто хочет по Мне идти, да отвержется себе* [Мф. 16, 34].

Когда с тобою Господь, — надейся на победу: Господь не может не быть победителем.

Испроси себе у Господа победу; испроси ее постоянною молитвою и плачем. И придет неожиданно действие благодати в твое сердце: ты ощутишь внезапно сладостнейшее упоение духовною любовию ко врагам.

Еще предстоит тебе борьба! еще нужно тебе быть мужественным! Взгляни на предметы твоей любви: они очень тебе нравятся? к ним очень привязано твое сердце? — Отрекись от них.

Этого отречения требует от тебя Господь, законоположитель любви, не с тем, чтоб лишить тебя любви и любимых, но чтоб ты, отвергнув любовь плотскую, оскверненную примесью греха, соделался способным принять любовь духовную, чистую, святую, которая — верховное блаженство.

Ощутивший любовь духовную, с омерзением будет взирать на любовь плотскую, как на уродливое искажение любви.

Как отречься от предметов любви, которые как бы приросли к самому сердцу? — скажи о них Богу: «Они, Господи, Твои; а я — кто? немощное создание, не имеющее никакого значения.

Сегодня я еще странствую на земле, могу быть полезным для любимых моих чем-нибудь; завтра, может быть, исчезну с лица ее, и я для них — ничто!

Хочу, или не хочу, — приходит смерть, приходят прочие обстоятельства, насильственно отторгают меня от тех, которых я считал моими, и они уже — не мои. Они и не были по самой вещи моими; было какое-то отношение между мною и ими; обманываясь этим отношением, я называл, признавал их моими. Если б они были точно мои, — навсегда остались бы принадлежать мне.

Создания принадлежат одному Создателю: Он — их Бог и Владыка. Твое, Господь мой, отдаю Тебе: себе присвоил я их неправильно и напрасно».

Для них вернее быть Божиими. Бог вечен, вездесущ, всемогущ, безмерно благ. Тому, кто Его, Он — самый верный, самый надежный Помощник и Покровитель.

Свое Бог дает человеку: и делаются человеку человеки своими, на время по плоти, на веки по духу, когда Бог благоволит дать этот дар человеку.

Истинная любовь к ближнему основана на вере в Бога: она — в Боге. *Вси едино будут*, вещал Спаситель мира ко Отцу Своему: *якоже Ты, Отче, во Мне, да и Аз в Тебе, да и тии в Нас едино будут* [Ин. 17, 21].

Смирение и преданность Богу убивают плотскую любовь. Значит: она живет сомнением и неверием.

Делай, что можешь полезного и что позволяет закон, твоим любимым; но всегда поручай их Богу, и слепая, плотская, безотчетливая любовь твоя обратится мало-помалу в духовную, разумную, святую.

Если же любовь твоя — пристрастие противозаконное, то отвергни ее, как мерзость.

Когда сердце твое не свободно, — это знак пристрастия.

Когда сердце твое в плену, — это знак страсти безумной, греховной.

Святая любовь — чиста, свободна, вся в Боге.

Она действие Святого Духа, действующего в сердце, по мере его очищения.

Отвергнув вражду, отвергнув пристрастия, отрекшись от плотской любви, стяжи любовь духовную; *уклонися от зла, и сотвори благо* [Пс. 33, 15].

Воздавай почтение ближнему как образу Божию, — почтение в душе твоей, невидимое для других, явное лишь для совести твоей. Деятельность твоя да будет таинственно сообразна твоему душевному настроению.

Воздавай почтение ближнему, не различая возраста, пола, сословия, — и постепенно начнет являться в сердце твоём святая любовь.

Причина этой святой любви — не плоть и кровь, не влечение чувств, — Бог.

Лишенные славы христианства не лишены другой славы, полученной при создании: они — образ Божий.

Если образ Божий будет ввергнут в пламя страшное ада, и там я должен почитать его.

Что мне за дело до пламени, до ада! Туда ввергнут образ Божий по суду Божию: мое дело сохранить почтение к образу Божию, и тем сохранить себя от ада.

И слепому, и прокаженному, и поврежденному рассудком, и грудному младенцу, и уголовному преступнику, и язычнику окажу почтение, как образу Божию. Что тебе до их немощей и недостатков! Наблюдай за собою, чтоб тебе не иметь недостатка в любви.

В христианине воздай почтение Христу, Который сказал в наставление нам и еще скажет при решении нашей участи вечной: *Еже сотвористе меньшему сих братий Моих, Мне сотвористе* [Мф. 25, 40].

В обращении твоём с ближними содержи в памяти это изречение Евангелия, и соделаешься наперсником любви к ближнему.

Наперсник любви к ближнему входит ею в любовь к Богу.

Но если ты думаешь, что любишь Бога, а в сердце твоём живет неприятное расположение хотя к одному человеку: то ты — в горестном самообольщении.

Аще кто речет, говорит святой Иоанн Богослов: *яко люблю Бога, а брата своего ненавижу, ложь есть...* Сию заповедь имамы от Него, да любяй Бога любит и брата своего [1 Ин. 4, 20-21].

Явление духовной любви к ближнему — признак обновления души Святым духом: *Мы ведем*, говорит опять Богослов, *яко преидохом от смерти в живот, яко любим братию; не любяй бо брата пребывает в смерти* [1 Ин. 3, 14].

Совершенство христианства — в совершенной любви к ближнему.

Совершенная любовь к ближнему — в любви к Богу, для которой нет совершенства, для которой нет окончания в преуспевании.

Преуспевание в любви к Богу — бесконечно: потому что *любовь есть бесконечный Бог* [Ин. 4, 16]. Любовь к ближнему — основание в здании любви.

Возлюбленный брат! Ищи раскрыть в себе духовную любовь к ближним: войдя в нее, войдешь в любовь к Богу, во врата воскресения, во врата царства небесного.

Святитель Игнатий Брянчанинов. Аскетические опыты: В 2 тт. Т.1. Минск: Лучи Софии, 2001. С. 45-50.

Святитель Игнатий Брянчанинов

ВОСЕМЬ ГЛАВНЫХ СТРАСТЕЙ С ИХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ И ОТРАСЛЯМИ

1. Чревообъядение

Объядение, пьянство, нехранение и разрешение постов, тайноядение, лакомство, вообще нарушение воздержания. Неправильное и излишнее

любление плоти, ее живота и покоя, из чего составляется самолюбие, от которого нехранение верности к Богу, Церкви, добродетели и людям.

2. Любодеяние

Блудное разжжение, блудные ощущения и пожелания тела, блудные ощущение и пожелание души и сердца (скокание), принятие нечистых помыслов, беседа с ними, услаждение ими, соизволение им, медление в них. Блудные мечтания и пленения. Осквернение истицанием. Нехранение чувств, в особенности осязания, в чем дерзость, погубляющая все добродетели. Сквернословие и чтение сладострастных книг. Грехи блудные естественные: блуд и прелюбодеяние. Грехи блудные противоестественные: малакия, мужеложство, скотоложство и им подобные.

3. Сребролюбие

Любление денег, вообще любление имущества движимого и недвижимого. Желание обогатиться. Размышление о средствах к обогащению. Мечтание богатства. Опасение старости, нечаянной нищеты, болезненности, изгнания. Скупость. Корыстолюбие. Неверие Богу, неупование на Его Промысл. Пристрастия или болезненная излишняя любовь к разным тленным предметам, лишаящая душу свободы. Увлечение суетными попечениями. Любление подарков. Присвоение чужого. Лихва. Жестокосердие к нищей братии и ко всем нуждающимся. Воровство. Разбой.

4. Гнев

Вспыльчивость, приятие гневных помыслов; мечтание гнева и отмщения, возмущение сердца яростью, помрачение ею ума: непристойный крик, спор, бранные, жестокие и колкие слова, ударение, толкание, убийство. Памятозлобие, ненависть, вражда, мщение, оклеветание, осуждение, возмущение и обида ближнего.

5. Печаль

Огорчение, тоска, отсечение надежды на Бога, сомнение в обетованиях Божиих, неблагодарение Богу за все случающееся, малодушие, нетерпеливость, несамоукорение, скорбь на ближнего, ропот, отречение от креста, покушение сойти с него.

6. Уныние

Леность ко всякому доброму делу, в особенности к молитве. Оставление церковного и келейного правила. Оставление непрестанной

молитвы и душеполезного чтения. Невнимание и поспешность в молитве. Небрежение. Неблагоговение. Праздность. Излишнее успокоение сном, лежанием и всякого рода негою. Перехождение с места на место. Частые выходы из кельи, прогулки и посещения друзей. Празднословие. Шутки. Кошуны. Оставление поклонов и прочих подвигов телесных. Забвение грехов своих. Забвение заповедей Христовых. Нерадение. Пленение. Лишение страха Божия. Ожесточение. Нечувствие. Отчаяние.

7. Тщеславие

Искание славы человеческой. Хвастовство. Желание и искание земных почестей. Любление красивых одежд, экипажей, прислуги и келейных вещей. Внимание к красоте своего лица, приятности голоса и прочим качествам тела. Расположение к наукам и искусствам гибнущим сего века, искание успеть в них для приобретения временной, земной славы. Стыд исповедовать грехи свои. Скрытие их пред людьми и отцем духовным. Лукавство. Словооправдание. Прекословие. Составление своего разума. Лицемерие. Ложь. Лесть. Человекоугодие. Зависть. Уничтожение ближнего. Переменчивость нрава. Притворство. Бессовестность. Нрав и жизнь бесовские.

8. Гордость

Презрение ближнего. Предпочтение себя всем. Дерзость. Омрачение, дебелость ума и сердца. Пригвождение их к земному. Хула. Неверие. Прелесть. Лжеименный разум. Непокорность Закону Божию и Церкви. Последование своей плотской воле. Чтение книг еретических, развратных и суетных. Неповиновение властям. Колкое насмешничество. Оставление христоподражательного смирения и молчания. Потеря простоты. Потеря любви к Богу и ближнему. Ложная философия. Ересь. Безбожие. Невежество. Смерть души.

Таковы недуги, таковы язвы, составляющие собою великую язву, ветхость ветхого Адама, которая образовалась из его падения. Об этой великой язве говорит святой пророк Исаия: *от ног даже до главы несть в нем целости: ни струп, ни язва, ни рана палящаяся: несть пластыря приложить, ниже елея, ниже обязания* [Ис. 1, 6]. Это значит, по изъяснению Отцов, что язва – грех – не частная, не на одном каком-нибудь члене, но на всем существе: объяла тело, объяла душу, овладела всеми свойствами, всеми силами человека. Эту великую язву Бог назвал смертью, когда, воспрещая Адаму и Еве вкушение от древа познания добра и зла,

сказал: *воньже аще день снете от него, смертию умрете* [Быт. 2, 17]. Тотчас по вкушению плода запрещенного, праотцы почувствовали вечную смерть: во взорах их явилось ощущение плотское; они увидели, что они наги. В познании наготы тела отразилось обнажение души, потерявшей красоту непорочности, на которой почивал Дух Святой. Действует в глазах плотское ощущение, а в душе стыд, в котором совокупление всех греховных ощущений: и гордости, и нечистоты, и печали, и уныния, и отчаяния! Великая язва – смерть душевная; неисправима ветхость, происшедшая после потери Божественного подобия! Великую язву Апостол называет *законом греховным, телом смерти* [Рим. 7, 23-24], потому что умерщвленные ум и сердце вполне обратились к земле, служат раболепно тленным пожеланиям плоти, омрачились, отяготели, сами соделались плоть. Эта плоть уже неспособна к общению с Богом! [Быт. 6, 3]. Эта плоть не способна наследовать блаженство вечное, небесное! [1 Кор. 15, 50]. Великая язва разлилась на весь род человеческий, соделалась достоянием злосчастливым каждого человека.

Рассматривая великую мою язву, взирая на умерщвление мое, исполняюсь горькой печали! Недоумеваю, что мне делать? – Последую ли примеру ветхого Адама, который, увидев наготу свою, спешил скрыться от Бога? Стану ли, подобно ему, оправдываться, возлагая вину на вины греха? Напрасно – скрываться от Всевидящего! Напрасно – оправдываться пред Тем, *Кто всегда побеждает, вегда судити Ему* [Пс. 50, 6].

Облекусь же вместо смоковничьих листьев в слезы покаяния; вместо оправдания принесу искреннее сознание. Облеченный в покаяние и слезы, предстану пред Бога моего. Но где найду Бога моего? В раю ли? Я изгнан оттуда, – и херувим, стоящий при входе, не выпустит меня! Самою тягостью плоти моей я пригвожден к земле, моей темнице!

Грешный потомок Адама, ободрись! Воссиял свет в темнице твоей: Бог нисшел в дольную страну твоего изгнания, чтоб возвести тебя в потерянное тобою твое горнее отечество. Ты хотел знать добро и зло: Он оставляет тебе это знание. Ты хотел сделаться *яко Бог*, и от этого сделался по душе подобным диаволу, по телу подобным скотам и зверям: Бог, соединяя тебя с Собою, соделывает тебя богом по благодати. Он прощает тебе грехи. Этого мало! Он изъемлет корень зла из души твоей, самую заразу греховную, яд, ввергнутый в душу диаволом, и дарует тебе врачевство на весь путь твоей земной жизни, для исцеления от греха,

сколько бы раз ты ни заразился им, по немощи твоей. Это врачество – исповедание грехов. Хочешь ли совлечься ветхого Адама, ты, который святым крещением уже облечен в Нового Адама, но собственными беззакониями успел оживить в себе ветхость и смерть, заглушить жизнь, соделать ее полумертвою? Хочешь ли ты, поработившийся греху, влекомый к нему насилием навыка, возвратить себе свободу и праведность? – погрузись в смирение! Победи тщеславный стыд, научающий тебя лицемерно и лукаво притворяться праведным и тем хранить, укреплять в себе смерть душевную. Извергни грех, вступи во вражду с грехом искренней исповедью греха. Это врачевание должно предварять все прочие; без него врачевание молитвой, слезами, постом и всеми другими средствами будет недостаточным, неудовлетворительным, непрочным. Поди, горделивый, к духовному отцу твоему, – у ног его найди милосердие Отца Небесного! Одна, одна исповедь искренняя и частая может освободить от греховных навыков, соделать покаяние плодоносным, исправление прочным и истинным.

Святитель Игнатий Брянчанинов. Аскетические опыты: В 2 тт. Т.1. Минск: Лучи Софии, 2001. С. 90-92.

Святитель Игнатий Брянчанинов

О ДОБРОДЕТЕЛЯХ, ПРОТИВОПОЛОЖНЫХ ВОСЬМИ ГЛАВНЫМ ГРЕХОВНЫМ СТРАСТЯМ

1. Воздержание

Удержание от излишнего употребления пищи и питья, в особенности от употребления в излишестве вина. Хранение точное постов, установленных Церковью. Обуздание плоти умеренным и постоянным одинаковым употреблением пищи, от чего начинают ослабевать вообще все страсти, а в особенности самолюбие, которое состоит в бессловесном люблении плоти, живота и покоя ее.

2. Целомудрие

Уклонение от всякого рода блудных дел. Уклонение от сладострастных бесед и чтения, от произношения скверных, сладострастных, двусмысленных слов. Хранение чувств, особенно зрения и слуха, а еще более осязания. Скромность. Отвержение помыслений и мечтаний блудных. Молчание. Безмолвие. Служение больным и увечным.

Воспоминание о смерти и аде. Начало целомудрия – неколеблущийся ум от блудных помыслов и мечтаний: совершенство целомудрия – чистота, зрящая Бога.

3. Нестяжание

Удовлетворение себя одним необходимым. Ненависть к роскоши и неге. Милосердие к нищим. Любление нищеты евангельской. Упование на Промысл Божий. Последование Христовым заповедям. Спокойствие и свобода духа. Беспечительность. Мягкость сердца.

4. Кротость

Уклонение от гневливых помыслов и от возмущения сердца яростью. Терпение. Последование Христу, призывающему ученика своего на крест. Мир сердечный. Тишина ума. Твердость и мужество христианские. Неощущение оскорблений. Незлобие.

5. Блаженный плач

Ощущение падения, общего всем человекам, и собственной нищеты духовной. Сетование о них. Плач ума. Болезненное сокрушение сердца. Прозябающие от них легкость совести, благодатное утешение и радование. Надежда на милосердие Божие. Благодарение Богу в скорбях, покорное их переносение от зрания множества грехов своих. Готовность терпеть. Очищение ума. Облегчение от страстей. Умерщвление миру. Желание молитвы, уединения, послушания, смирения, исповедания грехов своих.

6. Трезвение

Усердие ко всякому доброму делу. Неленостное исправление церковного и келейного правила. Внимание при молитве. Тщательное наблюдение за всеми делами, словами и помышлениями своими. Крайняя недоверчивость к себе. Непрестанное пребывание в молитве и Слове Божиим. Благоговение. Постоянное бодрствование над собою. Хранение себя от многого сна, изнеженности, празднословия, шуток и острых слов. Любление ночных бдений, поклонов и прочих подвигов, доставляющих бодрость душе. Редкое, по возможности, исхождение из кельи. Воспоминание о вечных благах, желание и ожидание их.

7. Смирение

Страх Божий. Ощущение его при молитве. Боязнь, рождающаяся при особенно чистой молитве, когда особенно сильно ощущаются присутствие и величие Божии, чтоб не исчезнуть и не обратиться в ничто. Глубокое познание своего ничтожества. Изменение взора на ближних, причем они,

без всякого принуждения, кажутся так смирившимся, превосходнее его по всем отношениям. Явление простодушия от живой веры. Ненависть к похвале человеческой. Постоянное обвинение и укорение себя. Правота и прямота. Беспристрастие. Мертвость ко всему. Умиление. Познание таинства, сокровенного в кресте Христовом. Желание распять себя миру и страстям, стремление к этому распятию. Отвержение и забвение льстивых обычаев и слов, скромных по принуждению, или умыслу, или навыку притворяться. Восприятие буйства евангельского. Отвержение премудрости земной, как непотребной для неба. Презрение всего, что в человеке высоко и мерзость пред Богом [Лк. 16, 15]. Оставление словооправдания. Молчание пред обижающими, изученное в Евангелии. Отложение всех собственных умствований и приятие разума евангельского. Низложение всякого помысла, взимающегося на разум Христов. Смирномудрие, или духовное рассуждение. Сознательное во всем послушание Церкви.

8. Любовь

Изменение во время молитвы страха Божия в любовь Божию. Верность к Господу, доказываемая постоянным отвержением всякого греховного помысла и ощущения. Несказанное, сладостное влечение всего человека любовью к Господу Иисусу Христу и к поклоняемой Святой Троице. Зрение в ближних образа Божия и Христа; проистекающее от этого духовного видения предпочтение себе всех ближних и благоговейное почитание их о Господе. Любовь к ближним братская, чистая, ко всем равная, беспристрастная, радостная, пламенеющая одинаково к друзьям и врагам. Восхищение в молитву и любовь ума, сердца и всего тела. Несказанное наслаждение тела радостью духовною. Упоение духовное. Расслабление телесных членов при духовном утешении. Бездействие телесных чувств при молитве. Разрешение от немоты сердечного языка. Прекращение молитвы от духовной сладости. Молчание ума. Просвещение ума и сердца. Молитвенная сила, побеждающая грех. Мир Христов. Отступление всех страстей. Поглощение всех разумений превосходящим разумом Христовым. Богословие. Познание существ бестелесных. Нemoшь греховных помыслов, немогущих изобразиться в уме. Сладость и обильное

утешение при скорбях. Зрение устроений человеческих. Глубина смирения и уничиженнейшего о себе мнения... Конец бесконечен!

Святитель Игнатий Брянчанинов. Аскетические опыты: В 2 тт. Т.1. Минск: Лучи Софии, 2001. С. 95-97.

Святитель Феофан Затворник

КАК НАЧИНАЕТСЯ В НАС ХРИСТИАНСКАЯ ЖИЗНЬ?

Надобно нам уяснить себе, когда и как начинается истинно христианская жизнь для того, чтобы видеть, положено ли в нас начало жизни сей, и, в случае, если не положено, знать, как положить оное, на сколько это от нас зависит.

То не решительный еще признак истинной жизни во Христе, если кто-нибудь именуется христианином и принадлежит к Церкви Христовой. *Не всяк глаголяй Ми: Господи, Господи, внидет в Царствие* [Мф. 7, 21]. *И не еси бо сущий от Израйля, суть Израиль* [Рим. 9, 6]. Можно быть в числе христиан, и не быть христианином. Это всякий знает.

Есть момент, и момент весьма заметный, резко обозначающийся в течении жизни нашей, - когда кто начинает жить по-христиански. Это тот момент, когда в нем начинают качественно отличаться черты жизни христианской. Христианская жизнь есть ревность и сила пребывать в общении с Богом деятельном, по вере в Господа нашего Иисуса Христа, при помощи благодати Божией, исполнением святой воли Его, во славу пресвятого имени Его. Существо жизни христианской состоит в Богообщении о Христе Иисусе Господе нашем, - в Богообщении, в начале обычно сокровенном не только от других, но и от себя. Видимое же, или ощущаемое внутри нас свидетельство о ней есть жар деятельной ревности, исключительно о христианском Богоугождении, с полным самоотвержением и ненавидением всего тому противного. Так, когда начинается сей жар ревности, тогда полагается начало христианской жизни; и в ком он постоянно действует, тот живет по-христиански.

На этой отличительной черте надобно остановить немного подолее наше внимание.

Огня приидох вовреци на землю, - говорит Спаситель, - и как желал бы Я, чтобы он возгорелся [Лк. 12, 49]. Это говорит Он о христианской жизни, и говорит потому, что видимое ее свидетельство составляет

возжигаемая в сердце Духом Божиим ревность о Богоугодии, похожая на огонь, ибо как огонь сжигает то вещество, в котором внедряется, так и ревность о жизни по Христе сжигает душу, которая восприняла ее. И как во время пожара пламя охватывает все здание, так и воспринятый огонь ревности объемлет и наполняет все существо человека.

В другом месте Господь говорит: *всяк огнем осолится* [Мк. 9, 49]. И это есть указание на огонь духа, ревностию проникающего все существо наше. Как соль, проникая удобообразуемое вещество, предохраняет его от гниения, так и дух ревности, проникая все наше существо, изгоняет грех, растлевающий нашу природу и по душе, и по телу, из всех даже малейших его вместилищ и хранилищ, и тем спасает нас от нравственной порчи и растления.

Апостол Павел заповедует: *Духа не угашать* [1 Фес. 5, 19], *быть тщанием не ленивыми, духом гореть* [Рим. 12, 11], - заповедует сие всем христианам, чтобы помнили, что горение духа, или неленостное тщание, есть неотъемлемое свойство христианской жизни. В другом месте о себе говорит он: *задняя убо забывая, в предняя же простираясь, со усердием гоню к почести вышняго звания Божия о Христе Иисусе* [Флп. 3, 13-14]; и другим внушает: *также тещите, да постигнете* [1 Кор. 9, 24]. Значит, в жизни христианской, вследствие жара ревности, есть некоторая быстрота и живость духовная, с которою берутся за дела Богоугодные, попирая себя и охотно принося в жертву Богу всякого рода труды, без жаления себя.

Утверждаясь на таком понятии, легко можно заключить, что холодное исполнение уставов Церкви, равно как регулярность в делах, устанавливаемая расчетливым рассудком, исправность, степенность и честность в поведении еще не суть решительные указатели, что качественно в нас истинно христианская жизнь. Все это хорошо, но коль скоро не носит в себе духа жизни о Христе Иисусе, не имеет никакой пред Богом цены. Такого рода дела будут тогда как бы бездушные истуканы. И часы хорошие идут исправно; но кто скажет, что в них есть жизнь?! Так и тут: *часто имя только имеют, что живы, будучи на деле мертвы* [Апок. 3, 1]. Эта добропорядочность поведения больше всего вводит в обольщение. Истинное его значение зависит от внутренних расположений, в которых возможны значительные отклонения от существенной правды при делах правых. Как, удерживаясь внешне от дел греховных, можно питать к ним привязанность или соуслаждение в сердце, так равно, делая дела правые

внешне, можно не иметь к ним расположения сердечного. Только истинная ревность как добро хочет совершать во всей полноте и чистоте, так и грех преследует до малейших его оттенков. Первого ищет она как насущного хлеба, с последним поступает как с врагом смертельным. Враг врага ненавидит не только в лице его собственном, но ненавидит родных его и знаемых, даже вещи его, цвет ему любимый, вообще все, что сколько-нибудь напоминает о нем. Тоже и ревность о Богоугождении истинная: преследует грех в малейших о нем напоминаниях или намеках; ибо ревнует о решительной чистоте. Не будь этого, сколько нечистоты может залечь в сердце!

И какого успеха можно ожидать, когда нет стремительной ревности о христианском Богоугождении? В чем нет труда, то будет еще исполняться; но коль скоро потребуется в чем-либо усиленный труд, или какое-либо самопожертвование, - тотчас последует отказ, по невозможности совладать с собою. Ибо тогда не на что будет опереться, чтобы подвинуть себя на доброе дело: саможаление подорвет все опоры. Если же примешается другое какое побуждение, кроме указанного, то оно и доброе дело сделает недобрым. Согладала и при Моисее убоялись оттого, что себя жалели. Мученики охотно шли на смерть оттого, что их сжигал внутренний огонь. Истинный ревнитель не законное только делает, но и совет, и всякое благое, внушение, тайно печатлеемое в душе; делает не представляющееся только, но бывает изобретателем на добро, весь в заботах об одном добре прочном, истинном, вечном. «Везде потребно нам, - говорит святой Иоанн Златоуст (беседа 31 на Деян.), - усердие и многое разжжение души, готовое ополчиться против самой смерти; ибо иначе невозможно Царствие получить».

Дело благочестия и Богообщения есть дело многотрудное и многоболезненное; особенно на первых порах. Где взять сил, чтобы подъять все эти труды? При помощи благодати Божией - в одушевленной ревности. Купец, воин, судья, ученый проходят службу многозаботливую и многотрудную. Чем поддерживают они себя в трудах своих? - Воодушевлением и любовью к своему делу. Не иным чем можно поддерживать себя и на пути благочестия. А без сего мы будем находить в служении Богу томность, тяготу, скуку, вялость. И тихход идет, но с болезнью, тогда как для быстрой серны или проворной белки движение и переход составляют удовольствие. Богоугождение ревностное есть

отрадное, окрыляющее дух шествие к Богу. Без него можно испортить все дело. Надо все делать во славу Божию, наперекор живущему в нас греху; а без сего мы будем все исполнять только по привычке, по требованию приличия, потому что так издавна делалось, и так делают другие. Надо делать все; а в противном случае мы иное сделаем, а иное нет, и притом без всякого сокрушения и даже памяти о пропусках. Надо все делать со вниманием и осмотрительностью, как главное дело; а иначе мы будем делать, как пришлось.

Итак, ясно, что без ревности христианин плохой христианин, - вялый, расслабленный, безжизненный, ни тепел, ни хладен, - и жизнь такая не жизнь. Сие ведая, потщимся явить себя истинными ревнителями добрых дел, чтобы быть истинно угодными Богу, не имея скверны или порока, или нечто от таковых.

Итак, верное свидетельство о жизни христианской есть огонь деятельной ревности о Богоугождении. Спрашивается теперь, как возжигается сей огонь? Кто его производители?

Такая ревность производится действием благодати, однако же и не без участия свободной нашей воли. Жизнь христианская не есть жизнь естественная. Таково же должно быть и ее начало, или первое ее пробуждение. Как в семени растительная жизнь пробуждается тогда, как к сокрытому в нем ростку проникает влага и теплота, и чрез них - всевосстанавливающая сила жизни, так и в нас жизнь Божественная пробуждается, когда проникает в сердце Дух Божий и полагает там начало жизни по духу, очищает и собирает воедино омраченные и разбитые черты образа Божия. Пробуждается желание и свободное искание (действием извне), потом нисходит благодать (чрез Таинства) и, сочетавшись со свободою, рождает мощную ревность. И никто не думай сам собою родить такую силу жизни, об ней должно молиться и быть готовым принять ее. Огонь ревности с силою - это благодать Господня. Дух Божий, сходя в сердце, начинает действовать в нем не снедающе только, но и вседействующею ревностью.

Иным приходит на мысль: зачем это действие благодати? Неужели мы сами не можем делать добрых дел? Вот мы сделали то и то доброе дело. Поживем, и еще что-либо сделаем. Редкий, может быть, не останавливался на этом вопросе. Иные говорят, что мы не можем сами собою ничего доброго делать. Но здесь дело не об отдельных добрых делах, а о

перерождении всей жизни, о жизни новой, о жизни в целом ее составе - такой, которая приводит к спасению. При случае нетрудно что-нибудь сделать даже очень хорошее, как делали и язычники. Но пусть кто намеренно определит себя на неопустительное доброделание, определит порядок его по указанию Слова Божия, - и это не на один месяц или год, но на всю жизнь, - и положит неуклонно пребывать в сем порядке, и потом, когда пребудет верен тому, - пусть хвалится своею силою; а без сего не лучше ли заградить уста свои. Мало ли бывало и бывает опытов самодельного начинания и устройства христианского жития? И все они оканчивались и оканчиваются ничем. Постоит немного человек в новоизбранном порядке - и бросает. И как иначе? Нет сил. Только вечной силе Божией свойственно поддерживать нас неизменными в расположении среди непрерывных приливов изменений временных. Потому надобно преисполниться сею силою, испросить ее и принять по чину, - и она приподнимет нас и извлечет из этого тревобления временного.

Обратитесь еще к опыту и посмотрите, когда приходят такие помышления самодовольства? Когда человек бывает в покойном состоянии, когда его ничто не смущает, ничто не прельщает и не влечет ко греху, тогда он готов на самое святое и чистое житие. Но чуть движение страсти или соблазн - куда все обеты?! Не говорит ли себе часто человек, ведущий невоздержанную жизнь: теперь не буду больше. Но насыщение страсти прошло, новый позыв восстает, и он опять является во грехах. Хорошо рассуждать о перенесении обид, когда все идет по нашей воле не наперекор самолюбию. Тут, пожалуй, странным покажется чувство оскорбления или серчания, какому предаются другие. Но случись самим быть в подобном положении, тогда и один взгляд, не только слово, выведет из себя. Так можно в самонадеянности мечтать о возможности самому собою, без высшей помощи, вести жизнь христианскую, когда покоен дух. Но когда зло, слегшееся на дне сердца, возматется, как прах ветром, тогда в собственном опыте найдет каждый осуждение своей заносчивости. Когда помысл за помыслом, желание за желанием, - одно другого хуже - начинают тревожить душу, тогда забудет всякий про себя и невольно воззовет с Пророком: *воды внидоша до души моея: углебох в тимении глубины* [Пс. 68, 2]. *О, Господи, поспеши же!* [Пс. 117, 25].

Не бывает ли часто так: мечтает иной в самоуверенности пребывать в добре. Но вот воображено лицо или вещь, родилось желание, возбудилась

страсть: человек увлечен и пал. После сего оставалось бы только посмотреть на себя и сказать: как это худо! Но вот представился случай к развлечению, и он снова готов забыться. Далее, кто-нибудь оскорбил: началась брань, укоры, суд; представилась неправая, но выгодная сделка, - берется и за то: одного унизил, с другим поделился, третьего столкнул с места, - и все это после того, как хвалился возможностью самому, без особой помощи свыше, вести себя свято. Где же сила? - *Дух бодр, плоть же немощна* [Мф. 26, 41]. Видишь добро и творишь зло: *хотящу ми творити доброе, яко мне злое прилежит* [Рим. 7, 21]. Мы в плену: искупи нас, Господи!

Один из первых вражеских наветов на нас есть помысл самонадеянности, т.е. если не отвержение, то нечувствование нужды в благодатной помощи. Враг как бы так говорит: «Не ходи туда - к свету, где хотят тебе дать какие-то новые силы! - Ты у меня и так хорош». Человек и предается покою. А враг между тем - где подкинет камень (неприятности), где наведет на скользкое место (прелести страстей), где усеет цветами закрытые силки (светлая обстановка). Не оглядываясь, человек стремится все далее и далее, и не догадывается, что ниспадает все ниже и ниже, пока, наконец, не низойдет на самое дно зла - к преддверию ада. Не нужно ли в таком случае крикнуть ему, как первому Адаму: «Человек, где ты? Куда ты зашел?» Вот это-то воззвание и есть действие благодати, которое заставляет грешника в первый раз осмотреться на себя.

Итак, желаешь начать жить по-христиански, взыщи благодати. Минута, когда низойдет благодать и сочетается с твоею волею, будет минутою рождения жизни христианской - сильной, твердой, многоплодной.

Где обрести и как принять благодать, начинающую жизнь? Стяжание благодати и освящение ею нашего естества совершается в Таинствах. Здесь мы предлагаем действию Божию, или предносим Богу свою непотребную природу, - и Он действием Своим претворяет ее. Богу угодно было, для поражения гордого ума нашего, в самом начале истинной жизни, сокрыть силу Свою под сению вещества простого. Как это бывает, не постигаем, но опыт всего христианства свидетельствует, что иначе не бывает. Таинств, преимущественно относящихся к началу жизни христианской, два: Крещение и Покаяние. Потому и правила касательно начала жизни

истинно христианской собираются одни вокруг Крещения, а другие - вокруг Покаяния.

Святитель Феофан Затворник. Путь ко спасению. М.: Благовест, 2001. С. 8-17.

Святитель Феофан Затворник

В БУРНЫХ ВОЛНАХ ЮНОСТИ

Река жизни нашей пересекается волнистой полосой юности. Это время воскипания телесно-духовной жизни. Надобно иметь очень твердую опору, чтобы устоять в это время от напора волн. Начинаются первые собственные движения - начатки пробуждения сил, и влиянием своим они вытесняют все, что прежде было положено на мысль и сердце. Прежнее станет для юноши мечтой, предрассудком; только настоящие чувства истинны, только они имеют значение. Но если он, прежде пробуждения своих сил, связал себя обязательством исповедания и жизни христианской, - тогда все возбуждения, как уже вторичные, будут слабее и легче уступят требованию первых уже потому, что те старше, прежде испытаны и избраны сердцем, а главное - скреплены обетом. Юноша решительно хочет держать всегда свое слово.

Когда своеволие юношеской мысли на все кидает тень сомнения, когда сильно тревожат его возбуждения страстей, когда вся душа наполняется искусительными помыслами и движениями, - юноша в огне. Кто даст ему каплю росы для прохлады, подаст руку помощи, если из сердца не выйдет голос за истину, за добро и чистоту? А он не выйдет, если любовь к ним не поселена прежде. Даже советы в этом случае не помогут: их тогда не к чему привить.

Юноша живет сам по себе, и кто исследует все движения и уклонения его сердца? Это то же, что исследовать путь птицы в воздухе или бег корабля в воде! Все потребности так называемой природы в живом возбуждении, каждая подает голос, ищет удовлетворения. Что же будет с юношей, если он не приучен влагать в некоторый строй свои движения, не подчиняет их некоторым высшим требованиям?

Какими мы выходим из лет юношеских, зависит от того, какими вступаем в них. В юность каждый ввергается, как вода в водопад: вода, падающая с утеса, кипит внизу и клубится, а потом идет уже тихо разными

протоками. Из юности выходят три порядка людей: одни сияют добротой и благородством, другие омрачены нечестием и развратом, третьи - склоняются то на добро, то на зло, как испорченные часы, которые то идут верно, то бегут или отстают.

Кто заранее скрепил себя обязательством, тот как бы укрылся в крепком, не пропускающем в себя воды кораблике, или провел по водовороту спокойный желоб. Без этого же и доброе воспитание не всегда спасет.

И сама по себе юность опасна; но к этому присоединяются еще два влечения, свойственные этому возрасту, от которых юношеские возбуждения приобретают большую силу и опасность. Это жажда впечатлений и склонность к общению. Надо подчинить правилам эти влечения, чтобы вместо добра они не принесли зла.

Жажда впечатлений сообщает стремительность и разнообразие действиям юноши. Ему хочется все испытать самому, все видеть, все слышать, везде побывать. Ему не сидится дома, не стоит на одном месте, не внимает одному предмету. Его стихия - развлечения. Но этого ему мало: он не довольствуется личным испытанием, а хочет усвоить и как бы перенести на себя впечатления других, изведать, что чувствовали, как действовали другие сами по себе или в подобных ему обстоятельствах. Затем он кидается на книги и начинает читать; перебирает одну книгу за другою, часто не разбирая содержания их; у него главное - найти так называемый эффект, какого бы рода он ни был и чего бы ни касался. Ново, изобразительно, остро - самая лучшая для него рекомендация книге. Склонность к легкому чтению - та же жажда впечатлений, только в другом виде. Действительность часто кажется юноше как бы навязываемой ему со стороны, связывает его и заключает в слишком определенных границах, а он ищет свободы. Он часто отрывается от действительного, уходит в свой созданный мир и там начинает действовать на славу. Фантазия строит ему целые истории, где большей частью герой - он сам. Юноша только вступает в жизнь; перед ним заманчивое будущее, со временем и ему там надобно быть: что же он будет? Нельзя ли приподнять эту завесу и посмотреть? Фантазия, подвижная в эти годы, не медлит удовлетворением. Так воспитывается мечтательность.

Мечты, легкое чтение, развлечения, все это - почти одно по духу: от жажды впечатлений, жажды нового, разнообразного. Ничем нельзя лучше

заморить добрых семян, положенных прежде на сердце юноши, как ими. Молодой цвет, посаженный на таком месте, где со всех сторон дуют на него ветры, потерпит немного и засохнет; трава, по которой часто ходят, не растет; часть тела, которую подвергают долгому трению, немеет. То же бывает с сердцем и добрыми расположениями в нем, если предаться мечтам, пустому чтению или развлечением. Кто долго стоял на сыром ветре, тот, зайдя в затишье, чувствует, что все в нем будто не на своем месте; то же бывает и в развлекшейся душе. Возвратившись из рассеяния в себя, юноша находит в душе своей все в извращенном порядке; а главное - некоторым покрывалом забвения задерживается все доброе, и на первом плане стоят одни прелести, оставленные впечатлением, а не то, что было и чему всегда следует быть: расположения поменялись главенством. Отчего, возвратившись в себя после какого-нибудь рассеяния, душа начинает тосковать? Оттого, что находит себя окраденной. Рассеянный сделал душу свою большой дорогой, по которой, через воображение, как тени, проходят соблазнительные предметы и манят душу за собой; а когда она таким образом как бы отторгается от себя, тайно подходит диавол, уносит доброе семя и полагает злое. Так учит Спаситель, когда объясняет, кто похищает посеянное при пути и кто есть высеявший плевелы. То и другое враг человек творит.

Как хорошо подчинить себя в юности строгой дисциплине и быть под руководством! Тех юношей, кому не позволяют распоряжаться самим своим поведением до возмужалости, можно назвать счастливыми. И всякому юноше надо радоваться, если он поставлен в таких обстоятельствах. Сам юноша, очевидно, дойти до этого едва ли может; но он покажет много ума, если поверит совету быть больше дома за делом, не мечтать и не читать пустого. Развлечение пусть отклонит трудолюбием, мечтательность - серьезными занятиями под руководством, которому особенно должно быть подчинено чтение, и в выборе книг, и в образе чтения.

Вторая склонность - склонность к общению - обнаруживается в потребности товарищества, дружбы и любви. Все они в истинном порядке хороши, но вставить их в этот порядок надо не юноше.

Юношеский возраст - время живых чувств. Они у сердца - как прилив и отлив у берегов моря. Все занимает его, все удивляет. Природа и общество открыли перед ним свои сокровища. Но чувства не любят быть

скрытыми в себе, и юноша хочет делиться ими. Он имеет нужду в лице, которое могло бы разделять его чувства - в товарище и друге. Потребность благородная, но она может быть и опасною! Кому вверяешь свои чувства, тому даешь некоторым образом власть над собою. Как же надобно быть осторожным в выборе близкого лица! Встретишь такого, который далеко-далеко может завести от прямого пути. Разумеется, добрый естественно стремится к добру и отклоняется от недоброго - есть на это некоторый вкус у сердца. Но как часто простосердечию случается быть завлеченным хитростью! Справедливо всякому юноше советуют быть осторожным в выборе друга. Хорошо не заключать дружбы, пока не испытаешь друга. Еще лучше иметь первым другом отца, или того, кто во многом заменяет отца или кого из родных - опытного и доброго. Для положившего жить по-христиански первый Богом данный друг - это духовный отец; с ним беседуй, ему поверяй тайны, взвешивай и поучайся. Под его руководством, при молитве, Бог пошлет, если нужно, и другого друга.

Не столько, впрочем, опасности в дружбе, сколько в товариществе. Редко видим друзей, но больше знакомых и приятелей. А здесь сколько возможно и сколько бывает зла! Есть кружки приятельские с очень недобрыми правилами. Склонившись к ним, не заметишь, как объединишься с ними в духе, подобно тому, как незаметно наполнишься смрадом в смрадном месте. Они сами часто теряют сознание непотребства своего поведения и спокойно грубеют в нем. Если и пробуждается в ком это сознание, он не имеет сил отстать. Каждый опасается объявить о том, ожидая, что его после всюду будут преследовать колкостями, и говорит: «Так и быть, может быть, пройдет». Избави, Господи, всякого от этих глубин сатанинских. Для решившихся работать Господу одно товарищество с благочестивыми, ищущими Господа; от других же надо удаляться и искренно с ними не обращаться, последуя примеру святых Божиих.

Самый верх опасности для юноши - от обращения с другим полом. Тогда как в первых соблазнах юноша только сбивается с прямого пути, здесь он кроме того теряет себя. В первом своем пробуждении дело это смешивается с потребностью прекрасного, которая со времени пробуждения своего заставляет юношу искать себе удовлетворения. Между тем прекрасное мало-помалу начинает в душе его принимать образ, и обыкновенно человеческий, потому что мы не находим ничего краше

его... Созданный образ носится в голове юноши. С этого времени он ищет будто прекрасного, т. е. идеального, не земного, а между тем встречается с дочерью человеческою и ею уязвляется. Этого-то уязвления больше всего надлежит избегать юноше, потому что это есть болезнь, и болезнь тем опаснейшая, что больному хочется болеть до безумия.

Как отвлечь эту язву? Не ходи тем путем, которым доходят до уязвления. Этот путь имеет три поворота.

1. Сначала пробуждается у юноши какое-то горестное чувство неизвестно о чем и отчего; это - чувство одиночества. Из этого чувства рождается другое - некоторая жалость, нежность и внимание к себе. Прежде он жил, как бы не замечая сам себя. Теперь он обращается к себе, осматривает себя и находит, что он не из последних: начинает чувствовать свою красоту, нравиться себе. С этих пор юноша обращается к внешнему миру.

2. Это вступление во внешний мир воодушевляется уверенностью, что он должен нравиться другим. В этой уверенности он смело и победительно выходит на поприще действия, начинает бродить, искать знакомств, по тайному влечению чего-то ищущего сердца, и при этом старается блистать умом, приятностью в обращении, предупредительным вниманием, вообще всем, чем надеется нравиться. Вместе с тем он дает всю волю преимущественно органу душеобщения - глазу.

3. В этом настроении он похож на пороха, подставленный под искры, и скоро встречается со своей болезнью. Взором очей или голосом особенно приятным, как стрелою пораженный, он стоит сначала в ошолоблении, и опомнившись, находит, что все его внимание и сердце обращены к одному предмету и влекутся к нему с непреодолимою, силою. Сердце начинает с этих пор снестись тоскою; юноша уныл, погружен в себя, занят чем-то важным, ищет, как будто что потерял, и что ни делает - делает для одного лица и как бы в присутствии его. Он точно потерянный, сон и еда не идут ему на ум, обычные дела забыты и приходят в расстройство; ему ничто не дорого. Он болен лютой болезнью, которая щемит сердце, стесняет дыхание, сушит самые источники жизни. Вот постепенный ход уязвлений! И само собою видно, чего должно опасаться юноше, чтобы не впасть в эту беду. Не ходи этою дорогою! Прогоняй предвестников - неопределенную грусть и чувство одиночества. Делай им наперекор: стало грустно - не мечтай, а начни делать что-нибудь серьезное со вниманием - и пройдет.

Стала зарождаться жалость к себе или чувство своего хорошества - поспеши отрезвить себя и отогнать эту блажь какой-нибудь суровостью или жестокостью к себе, особенно выяснением здравого понятия о ничтожности того, что лезет в голову. Случайное или намеренное унижение в этом случае - как вода на огонь. Подавить и прогнать это чувство надобно озаботиться особенно потому, что тут начало движения. Остановись тут - дальше не пойдешь: не родится ни желание нравиться, ни искание нарядов и щегольства, ни охоты на посещения. Прорвутся эти - и с ними борись. Надежная в этом случае ограда - строгая дисциплина во всем, труд телесный и еще более головной. Усиль занятия, сиди дома, не развлекайся. Нужно выйти - храни чувства, бегай другого пола, главное же - молись.

Святитель Феофан Затворник. Путь ко спасению. М.: Благовест, 2001. С. 50-60.

Святитель Феофан Затворник

О ТРОЯКОМ ВИДЕ КРЕСТА ЧЕЛОВЕЧЕСКАГО

«Мне же да не будет хвалиться, токмо о кресте Господа нашего Иисуса Христа», - говорит св. Апостол Павел [Гал. 6, 14]. Всякий крест есть скорбь, теснота, уничижение, как же хвалиться им? И вот, однако, он хвалится им, как и все Апостолы, а за ним и другие богомудрые мужи.

О, когда бы и нам даровал Господь такой смысл и расположение, чтоб понять и ощутить силу креста и начать хвалиться им! Этого нельзя не пожелать пред Крестом, который износится и предлагается ныне нашему покаянию. Господь совершил спасение наше крестною смертию Своею, на кресте растерзал Он рукописание грехов наших, крестом примирил нас Богу и Отцу, чрез крест низвел на нас дары благодатные и все благословения небесные. Но таков Крест Господень в нем самом.

Каждый же из нас становится причастным спасительной силе его не иначе, как чрез свой собственный крест, который, когда соединяется с Крестом Христовым, силу и действие последнего переносит на нас, становится как бы каналом, чрез который из Креста Христова переливается на нас «всякое даяние благо и всяк дар совершен». Из этого видно, что собственные каждого кресты в деле спасения столько же необходимы, сколько необходим Крест Христов. И вы не найдете ни

одного спасенного, который не был бы крестоносцем. По сей причине каждый всесторонне обложен крестами, чтоб не затрудняться исканием крестоношения и недалеко быть от спасительной силы Креста Христова. Можно сказать так: осмотришь около себя и в себе, усмотри крест свой, понеси его, как следует, соединенно со Крестом Христовым, и будешь спасен.

Хотя и нехотя, всякий несет крест свой, и крест большею частию не простой, а сложный; но не всякий смотрит на него чрез Крест Христов, не всякий обращает его в устроение спасения своего, не у всякого потому крест бывает спасительным.

Крестов много, но видов их три: первый вид - кресты внешние, слагающиеся из скорбей и бед и вообще из горькой участи земного пребывания; второй - кресты внутренние, рождающиеся из борьбы со страстями и похотями ради добродетели; третий - кресты духовно-благодатные, возлагаемые совершенною преданностью в волю Божию. Кресты внешние самые многосложные и разнообразные. Они находятся на всех путях наших и встречаются на каждом почти шагу. Сюда относятся: скорби, беды, несчастья, болезни, потери близких, неудачи по службе, всякого рода лишения и ущербы, семейные неприятности, неблагоприятность внешних отношений, оскорбления, обиды, напраслины - и вообще доля земная у всякого больше или меньше нелегкая. У кого нет какого-либо из сих крестов? И не быть нельзя. Не избавляет земное. Они срослись с земным пребыванием нашим с той минуты, как заключился рай земной, и не отступят от него до той поры, когда отверзется рай небесный. Зачем так устроил Господь, что на земле никого нет без горестей и тяготы? Затем, чтоб не забывал человек, что он изгнанник, и жил бы на земле не как родич на родной стороне, а как странник и пришелец на стране чужой, и искал возвращения в истинное отечество свое. Как только согрешил человек, тотчас изгнан из рая и вне рая обложен скорбями и лишениями и всякого рода неудобствами, чтоб помнить, что он не на своем месте, а состоит под наказанием, и заботился искать помилования и возвращения в свой чин.

Но зачем, скажешь, у меня больше, а у другого меньше? Зачем меня тяготят беды, а другому во всем почти счастье? Я раздвигаясь от скорби, а другой утешается? Уж если общая это участь, всем бы без исключений и раздавать ее. Да так ведь она и раздается. Присмотришься и увидишь. Тебе

ныне тяжело, а другому вчера было или завтра будет тяжело; ныне же ему отдохнуть позволяет Господь. Зачем смотришь на часы и дни? Смотри на всю жизнь от начала до конца и увидишь, что всем бывает тяжело, и очень тяжело. Найди, кто ликует целую жизнь?

Тебе тяжело. Но разве это случайность беспричинная? Восклони несколько главу твою и помяни, что есть Господь, отечески о тебе пекущийся и глаз с тебя не спускающий. Если постигло тебя горе, то не иначе как с Его согласия и воли. Никто, как Он, послал его тебе. А Он очень точно знает что, кому, когда и как послать; и когда посылает, во благо того самого посылает, кто подлежит горю. Так осмотришь, и увидишь благие о тебе намерения Божии в постигшей тебя скорби. Или грех какой хочет очистить Господь, или от греховного дела отвести, или прикрыть меньшим горем от большего, или случай тебе дать терпение и верность Господу показать, чтоб на тебе потом показать славу милосердия Своего. Что-нибудь из сего, конечно, идет к тебе. Отыщи же, что именно, и приложи то к ране своей, как пластырь, - и утолится жгучесть ее. Если, впрочем, и не увидишь ясно, что именно хочет даровать тебе Бог чрез постигшее тебя горе, общее неразмышляющее верование воздвигни в сердце своем, что все от Господа, и что все, идущее от Господа, есть во благо нам; и толкуй мятущейся душе: так Богу угодно. Терпи! Кого наказует Он, тот у Него, как сын!

Наипаче же останови внимание на твоём нравственном состоянии и соответственной вечной участи. Если ты грешен, как, конечно, и есть, то радуйся, что пришел огонь скорби поглотить грехи твои. Ты все смотришь на горе с земли. А ты перенесись в другую жизнь. Стань на суде. Воззри на огонь вечный, уготованный за грехи. И оттуда посмотри на свое горе. Если там придется быть осуждаему, каких горестей не пожелал бы ты перенести здесь, чтоб только не подпасть сему осуждению? Пожелал бы, чтоб каждый день теперь резали и жгли, нежели там неопisanному и непрестающему подпасть мучению. Не лучше ли, чтоб там не испытать сего, теперь и не столь большое горе, чтоб избавиться вечного огня?

Так, общую ли несешь горькую долю или частные испытываешь горести и скорби, благодушно терпи, благодарно приемля их от руки Господней как врачевство от грехов, как ключ, отверзающий дверь в царство небесное. А роптать не ропщи, другому не завидуй и бессмысленному гореванию не предавайся. Ибо в горе так бывает, что

иной досадовать и роптать начинает, иной совсем теряется и падает в отчаяние, а иной погрузится в свое горе и только горюет, не двигая мыслью своею окрест и не возводя сердца своего горе - к Богу. Все таковые не пользуются посылаемыми им крестами, как следует, и пропускают время благоприятное и день спасения. Господь в руки подает содеяние спасения, а они отвергают его. Постигли беда и горе. Уже несешь крест. Сделай же, чтоб сие несение было во спасение, а не на пагубу. Для сего не горы представлять требуется, а малое произвести изменение в помышлениях ума и расположениях сердца. Возбуди благодарность, смирись под крепкую руку, покайся, исправь жизнь.

Внутренние кресты встречаются нам во время борьбы со страстями и похотями. Св. Апостол говорит: «Иже Христовы суть, плоть распяша со страстями и похотями» [Гал. 5, 24]. Распять страсти значит обессилить их, подавить, искоренить. Поборет человек страсть какую несколько раз, обессилит ее, поборет еще несколько, подавит; еще поборет и совсем искоренит с помощью Божиею. Как сия борьба трудна, прискорбна и болезненна, то она есть воистину крест, внутри нас водруженный. У борющегося со страстями иногда будто руки пригвождаются, терновый венец на голову надевается, сердце живое прободается. Так ему бывает тяжело и больно!

Труду и болезненности нельзя не быть: ибо страсти хоть суть чужие нам, но, пришедши совне, так приросли к телу и душе, что корнями своими проникли во все составы их и силы. Стань вырывать, и больно. Больно, зато спасительно, и спасительность сия не иначе достается, как чрез болезненность.

Какая страсть не болезненна? Гнев жжет, зависть сушит, похоть расслабляет, скупость есть и спать не дает, гордость оскорбленная убийственно снедает сердце, и всякая другая страсть: ненависть, подозрительность, сварливость, человекоугодие, пристрастие к вещам и лицам - свое причиняет нам терзание, так что жить в страстях то же, что ходить по ножам или угольям босыми ногами, или быть в положении человека, у которого змии сосут сердце. И опять, у кого нет страстей? У всякого есть. Коль скоро есть самолюбие, все страсти есть: ибо оно - мать страстей и без дочерей своих не бывает. Только не у всякого все в одинаковой степени: у одного одна страсть, у другого другая преобладает и управляет другими. А когда есть у всякого страсти, есть и мучение от

них. Всякого мучат и распинают страсти - только не на спасение, а на пагубу.

Так, нося страсти, терзаешься ими и гибнешь. Не лучше ли же взяться за себя и самому в себе устроить страдание, тоже по поводу страстей, но не на пагубу, а во спасение. Стоит только обратить нож, вместо того чтоб, удовлетворяя страстям, себя поражать им - поражать им страсти, начав борьбу с ними и во всем им попереча. И тут будет боль и страдание сердца; но боль целительная, за которой тотчас последует отрадное успокоение, как бывает, когда целительный пластырь попадает на рану.

Загорелось пристрастие, трудно погасить, но когда погасишь, свет Божий увидишь, а не погасишь, будешь ходить, как убитый. Так в отношении ко всякой страсти. И страсть мучит, и борьба с ней скорбь причиняет. Но первое губит, а второе спасает и исцеляет. Всякому страстному надо сказать: ты гибнешь на кресте страстей. Разори этот крест и устрой другой - крест борьбы с ним. И будет тебе распинание на нем во спасение!

Крест есть древо жизни. Райское древо жизни осталось в раю; на земле вместо него водружено древо креста. Цель же и этого одна: вкусит человек - и жив будет. Приди, прильпни к нему устами твоими и пей из него жизнь. Прильпнешь ко кресту, когда, отвергнув саможаление, возревнуешь о самораспятии, а пить жизнь из него станешь, когда вступишь в борьбу со страстями. Каждое одоление страсти будет то же, что прием живительных соков из креста живоносного. Учащай, скорее напоишься и исполнишься жизни. Дивно свойство самораспятия! Оно будто отнимает, но, отнимая, дает; оно будто отсекает, но, отсекая, прививает; оно будто убивает, но, убивая, живит. Точно Крест Христов, коим смерть поправа и живот дарован!

Осталось еще изъяснить вам третий вид креста, спасительного для нас, - крест преданности в волю Божию. Полное о нем учение превосходит силы мои. На крест сей восходят уже совершеннейшие христиане. Они и знают его, и говорить о нем могли бы ясно, полно и с силою. Другим же где говорить так? А не помянуть нельзя, чтоб кто из вас, одолевши одну-другую страсть и несколько успокоившись от тревог их внутри, не подумал, что уже все сделал, что должно и что ожидается от христиан.

И при этом не все еще сделано. Кто даже совсем себя очистил от страстей, не совершил еще главного действия христианского, а только

приготовился к нему. Очистил ты себя от страстей: принеси же теперь себя чистого Богу в жертву чистую и непорочную, каковая одна и приличествует Ему Пречистому. Посмотри на Голгофу. Там крест благоразумного разбойника есть крест очищения себя от страстей, Крест Господень есть крест жертвы чистой и непорочной. И он есть плод преданности в волю Божию - беспрекословной, полной, безвозвратной. Кто вознес на крест Спасителя нашего? Сия преданность. В саду Гефсиманском молился Господь наш Иисус Христос, да мимо идет чаша; но решительное о сем определение изрек так: *«Обаче не якоже Аз хощу, но якоже Ты»* [Мф. 26, 39]. Под крестом тварь вся содрогается и жизнь умершие приемлют, а Он неподвижен пребывал на кресте: ибо предал дух Свой Богу. Таковы и все возросшие в мужа совершенна, достигшие в меру возраста исполнения Христова. Они все бывают распяты на воле Божией. На ней пригвождено всякое их своеличное движение, и мысль, и желание. Или сих последних, в обыкновенном смысле и виде, совсем нет у них: свое все у них умерло, пожерто будучи волею Божиею. Что движет их, это есть Божие мановение, Божие внушение, которое им только одним ведомым образом печатляясь в сердцах их, определяет всю их деятельность. Св. Апостол Павел в отношении к себе изображает сие состояние так: *«Христови сораспялся. Живу же не ктому аз, но живет во мне Христос»* [Гал. 2, 20]. Как только сораспался он Христу, - он, Апостол, муж совершеннейший, перестал уже жить сам, но стал жить в нем Христос. Или он стал в таком положении, о коем пишет в другом месте: *«Бог есть действующий в вас, и еже хотети, и еже деяти о благоволении»* [Флп. 2, 13]. Это верх совершенства христианского, до которого только способен достигнуть человек. Оно есть предначатие будущего состояния по воскресении, когда Бог будет всяческая во всех. Почему все удостаивающиеся достигнуть его нередко состоят в противоречии со всеми порядками земного пребывания и - или терпят гонения и муки, или становятся и почитаются юрдами, или удаляются в пустыни. Но во всех сих видах внешней участи их внутреннее их одно: едины, с Единым Богом пребывая в сердце, Им Единым живут и действуют, сокрываясь во внутреннейшем, глубочайшем безмолвии, при совершенном отсутствии всяких движений своих.

Больше не умею вам сказать ничего о сем. И это сказано, чтоб только намекнуть вам, что вот где конец, вот где надобно нам быть и чего

достигнуть; и чтоб, зная сие, вы расположились все, что ни имеете и ни делаете доброго, считать ни во что, если не дошли до сей, нам определенной и от нас ожидаемой высоты духовной жизни. Многим думается, что христианство то же, что и другие виды жизни; а оно не то. Начинается оно покаянием, сплет борьбою со страстями, завершается чрез сораспятие Христу чистого внутреннего человека погружением в Бога. *«Умросте, - говорит Апостол, - и живот ваш сокровен есть со Христом в Боге»* [Кол. 3, 3]. Тут все совершается внутри, незримо для людей, и ведомо только совести и Богу. Внешнее тут ничто. Оно есть, конечно, приличная оболочка, но не решительный свидетель, и тем не менее, производитель внутреннего. Внешнее исправное поведение как часто бывает прекрасно наружностью гроба, полного костей!

Сие ведая, братие, на Голгофе у крестов и начнем применять себя к ним и их к себе, какой к кому придется. Симон Киринейский, несший крест Господа, есть образ тех крестоносцев, кои подвергаются скорбям и лишениям. Кого изображает благоразумный разбойник распятый и кого Господь на кресте, я только что сказал пред сим: первый изображает борющихся со страстями, а Господь - мужей совершенных, распявшихся в богопреданности. А крест злого разбойника кого изображает? Изображает тех, кои работают страстям. Страсти их мучат, терзают, распинают на смерть, не давая никакой отрады и никакой благой надежды. По сим признакам примеряя всякий к себе кресты и сам себя по ним определяя, кто ты - Симон ли Киринейский, или благоразумный разбойник, или подражатель Христу Господу, или разбойник злой по страстям, тебя снедающим?

Каким себя найдешь, такого и конца себе ожидай. Я только прибавлю: выбросьте вы из головы, будто можно путем утешной жизни стать тем, чем подобает нам быть во Христе. Утехи, если бывают у истинных христиан, то совершенно случайно; отличительный же характер жизни их суть страдания и болезнования, внутренние и внешние, произвольные и невольные. Многими скорбями подобает внити в царствие и в то, которое внутрь является. Первый шаг здесь - перелом воли от худа на добро, составляющий сердце покаяния, отражается смертельною болью от раны сокрушения, из которой потом сочится кровь во все продолжение борения со страстями и которая закрывается уже по стяжании чистоты, возводящей христианина на крест сораспятия со Христом в воле Божией. Все - скорби,

и болезни, и тяготы. Можно сказать так: утешность есть свидетельство не прямого пути, а скорбность - свидетельство пути правого.

Помышляя о сем, несите свой крест с радостью!

Святитель Феофан Затворник. Три слова о несении крести. М.: Православное братство «Споручницы грешных», 1996. С. 3-15.

Святитель Феофан Затворник

ЛЮБОВЬ - ВЕНЕЦ ЖИЗНИ ХРИСТИАНСКОЙ

Законник некий приступил ко Господу и спросил Его: как наследовать живот вечный? Законник, то есть человек, изучающий данный Богом закон и почивающий на нем, и сам бы должен был знать об этом; потому-то Господь и спросил его: да как об этом написано в законе, прочитай-ка. Законник прочитал: «Возлюбиши Господа Бога твоего от всего сердца твоего и от всея души твоея, и всею крепостию твоею, и всем помышлением твоим, яко сам себе». Тогда Господь сказал ему: «Право отвечал еси; сие твори, и жив будеши»; подтвердил, то есть ответ его удостоверил, что о другом пути к вечному животу и спасению и спрашивать нечего: его нет и быть не может. Люби Бога и ближнего - вот и все!

Какой краткий катехизис! Какое несложное законоположение! Только два слова: люби Бога, люби ближнего; даже меньше - одно слово: люби, потому что кто истинно любит Бога, тот в Боге уже любит и ближнего, и кто истинно любит ближнего, тот любит уже Бога. Зачем же, скажут, такая сложность дел и от лица Божия, и от людей? Зачем эти уставы, освящения, таинства, эта немалая система учений? Зачем эти тесные врата и узкий путь? Зачем подвиги, которыми подвизаются внити в узкие врата, и всеоружия, которые должно воспринять идущие в живот, эти посты, бдения, молитвы и проч.? Затем, чтоб возвести нас к любви. Любовь есть свет и плод в духовной спасительной нашей жизни. Много труда, много подвигов надо иметь, чтоб принести этот плод. Как в дереве плоду предшествует цвет, цвет - лист и ветви, ветви - ствол, стволу - корень, корню - семя, и сколько пройдет времени, пока из семени произрастет дерево и дерево даст плод: так и в духовной жизни - сначала на землю сердца падает семя спасительного слова; из этого семени выходит росток с листьями и ветвями, потом образуется дерево, дерево дает плод, а плод этот есть

любовь. Она извлекается из целого состава спасительных дел и трудов, и потом все собою одушевляет и исполняет.

Любовь, в своем истинном виде, есть рай духовный. Она есть теплое, мирное, благожелательное, живое, приснодвижущееся и радостотворное расположение, не как гость, на время посещающий нашу душу, но расположение постоянное, твердое, глубоко укорененное, существенно неотъемлемое, как, например, дыхание или биение сердца. В ком внедрено это чувство или эта сила, тот блаженствует в себе глубоким, невозмутимым блаженством. Пусть он и в постоянном труде, но ни труда, ни скорбей, ни препятствий не видит и не ощущает; ибо самые трудности в путях любви не умаляют, а возвышают любовь, как ветер не гасит, а больше и больше усиливает и расширяет пламя огня.

Да, любовь есть рай, но рай потерянный. Входишь внутрь себя и не находишь его там; видишь, что на поле сердца не растет это дерево жизни. Отчего же? Оттого, что сердце все заросло злыми деревьями страстей, заглушающих любовь. Где страсть, там нет места любви. Любовь милосердствует: как же она будет в сердце, когда там качествует окамененное равнодушие к страданиям других? Любовь не завидует: как же она будет в сердце, когда там живет завистность? Любовь не превозносится и не гордится: как же она будет в сердце, когда там властвуют гордость и тщеславие? Любовь «не ищет своих си»: как же она будет в сердце, в котором исходное начало деятельности - самолюбие? Любовь не бесчинствует: как же она будет в сердце, полном страстей бесчиния? Любовь не радуется о неправде: как же она будет в сердце, склонном к злоречию, пересудам и клеветам? Искорените прежде эти злые деревья страстей, и на месте их произрастет одно многоветвистое дерево, дающее и цвет, и плод любви. Но только начните искоренять страсти, и вы неизбежно вступите в путь тесный и прискорбный, встретитесь с необходимостью облекаться во всеоружие подвигов и лишений, должны будете проходить все освятительные, исправительные и руководительные законоположения Церкви Божией; то есть, прежде чем вступите в единство любви, должны будете подъять многие труды и обращать силы свои на многие занятия, пройти как бы лес, чтобы вступить в отрадную, усеянную цветами поляну любви.

Очевидно, что путь к этому не близок и не легок. Потому, слушая разглагольствие новейших филантропов, не поддавайтесь легкомысленно

обольстительному кличу: «Все, дескать, прочь! Довольно одной любви!» Подождите отбрасывать все прочь. Прежде пройдите терпеливо все предлагаемое вам правилами благочестивой жизни во св. Церкви, все от мала до велика; чрез это только достигнете истинной любви. Когда же любовь истинная придет, то сама научит вас, что сделать со всем тем, что считает ненужным незрелая и неопытная филантропия. Если б слово наше к себе самим было так сильно, что стоило бы только сказать: буду отселе любить Бога и ближних, - и любовь тотчас воцарилась бы в нашем сердце, - было бы хорошо; а то на деле бывает большей частью совсем иначе. Мысль и язык говорят: буду любить, а сердце идет наперекор этим словам и помышлениям, и когда представляются дела любви, оно отказывается от них, даже в минуты увлечения филантропическими идеями. Отчего это? Оттого, что сердце такое закалено эгоизмом, гордостью, чувственностью, корыстью, которых не прогонишь одними новомодными фразами. Потому-то апостол, когда пишет о любви, говорит: «Гоните любовь» [1 Тим. 6, 11] - то есть усиленно стремитесь к любви, или: «Стяжите любовь» [Кол. 3, 14] - употребите то есть напряженный труд к приобретению ее и молитесь, чтобы Бог даровал вам дух любви [2 Тим. 1, 7], потому что «любовь от Бога есть» [Ин. 4, 7], изливается в сердца наши Духом Святым [Рим. 5, 5]; а дар Духа надо заслужить и привлечь: одними словами этого не достигнешь.

Святитель Феофан Затворник. Богоугодная жизнь вообще. Л.: Нева-Ладога-Онега, 1991. С. 63-68.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский

САМОПОЗНАНИЕ

Господи Царю, даруй ми зрети моя прегрешения!
(Молитва св. Ефрема Сирина)

*Искуси мя Боже, и увещь сердце мое: истяжи мя, и
разумей стези моя: и виждь, аще путь беззакония во мне, и
настави мя на путь вечен. [Пс. 138, 23-24]*

С тех пор, как согрешил первый человек, люди до того омрачены грехом в самом средоточии своего существа в сердце, что не имеют весьма часто сознания и чувства вседеприсутствия Божия и думают, что четыре стены и потолок закрывают их от Того, Кто все наполняет, Кто зрит, и

Того, Кто таится в сокровенном месте. *Аще утаится кто в сокровенных, Аз не узрю ли его? Еда небо и землю не Аз наполняю?* [Иер. 23, 24] *Наг есмь и скрылся!* [Быт. 3, 10] Ан нет.

Следи за своим сердцем всю жизнь и присматривайся, и прислушивайся к нему, что препятствует к соединению его с всеблаженным Богом? Это да будет наука наук, и ты при помощи Божией легко можешь замечать, что тебя отдаляет от Бога и что приближает к Нему, соединяет с Ним. Об этом рассказывает само сердце, то соединяющееся с Богом, то отторгаемое от Него. Больше всего лукавый стоит между нашим сердцем и Богом - он-то отдаляет от нас Бога разными страстями или похотию плоти, или похотию очес и гордостью житейской.

Испытывай себя чаще: куда зрят очи твоего сердца - к Богу ли и к жизни будущего века, к примерным, блаженным и светносным силам небесным и святым, водворенным на небесах, или - к миру, к земным благам: пище, питью, одежде, жилищу, к людям грешным и суетным их занятиям? О, если бы очи наши были устремлены выну к Богу! А то мы только в нужде и беде обращаем очи свои ко Господу, во время же благоденствия очи наши обращены к миру и суетным его делам. А что принесет мне, скажешь, это взирание ко Господу? Глубокий мир и спокойствие твоему сердцу, свет уму твоему, святое рвение воле твоей и избавление от сетей вражних. *Очи мои выну ко Господу*, говорит Давид и приводит причину того: *яко Той, говорит, исторгнет от сети нозе мои* [Пс. 24, 15]. *Господь речет мир на обращающия сердца к нему* [Пс. 84, 9].

Грех закрывает сердечные очи: вор думает, что Бог не видит; блудник, предаваясь сквернодействию, думает, что Бог его не видит; сребролюбивый, объедало, пьяница думают, что они утаиваются со своими пристрастиями. Но Бог видит и судит. *Наг есмь и скрылся* [Быт. 3, 10]. Так говорит своими делами всякий грешник, скрывающийся от вседеприсущего Бога.

Величайшее, постоянное заблуждение нашего сердца, с которым нам нужно бороться непрерывно - во всю жизнь, это - тайный помысел его, будто мы можем быть без Бога и вне Бога где-нибудь, когда-нибудь, хотя бы одно мгновение. Надобно непрерывно утверждать его в Боге, от Которого оно постоянно мысленно отвращается, и великий успех в христианской жизни стяжал тот, кто может искренно воскликнуть с Анною, матерью Самуила: *утвердися сердце мое в Господе, вознесся рог*

мой в Боге моем, расширишася уста моя на враги моя, возвеселился о спасении Твоем [1 Цар. 2, 1].

Надо омываться от грязи, а молитва есть омовение от духовной грязи, т.е. от грехов, особенно - слезная.

Мы грешим помышлением, словом и делом. Чтобы сделаться чистыми образами Пресвятой Троицы, мы должны стараться о святости своих помышлений, слов и дел. Мысль соответствует в Боге - Отцу, слова - Сыну, дела Духу Святому - всесовершающему. Грехи помышления в христианине - немаловажное дело, потому что все угождение наше Богу заключается, по свидетельству св. Макария Египетского, в помышлениях: ибо помышления суть начало, от них происходят слова и деятельность - слова, потому что они или дают благодать слышавшим, или бывают словами гнилыми и служат соблазном для других, растлевают мысли и сердца других; дела тем более, потому что примеры сильнее всего действуют на людей, увлекая к подражанию им.

О, если бы мы обращали внимание на последствия наших грехов или добрых наших дел! Как мы были бы тогда осторожны, бегая греха, и как были бы ревностны на добро; ибо мы ясно видели бы тогда, что всякий грех, вовремя не исторгнутый, навыком укрепившийся, пускает глубоко свои корни в сердце человека и иногда до смерти смущает, уязвляет и мучит его, пробуждаясь, так сказать, и оживая в нем при всяком удобном случае, напоминаясь сделанный некогда грех, и таким образом оскверняя его мысль, чувство и совесть. Нужны тучи слез, чтобы отмыть застарелую грязь греха: так она прилипчива и едка! Напротив, всякое доброе дело, сделанное когда-либо искренно, бескорыстно, или повторением перешедшее в навык, радует наше сердце, составляет отраду нашей жизни при сознании, что мы не совсем напрасно прожили нашу жизнь, исполненную грехов, что мы похожи на людей, а не на зверей, что и мы по образу Божию сотворены, и в нас есть искра божественного света и любви, что хотя некоторые добрые дела будут противовесом худым нашим делам на весах неумытной правды Божией.

Сердце чисто, так и весь человек чист; сердце не чисто - и весь человек не чист: *от сердца бо исходят помышления злая, прелюбодения, любодения, татьбы, лжесвидетельства, хулы...* [Мф. 15, 19]. Но святые все постом, бдением, молитвою, богомыслием, чтением слова Божия, мученичеством, трудами и потами стяжали чистое сердце, и вселился в них

Дух Святой, очистил их от всякой скверны и освятил их освящением вечным. Старайся и ты более всего об очищении сердца. *Сердце чисто созижди во мне, Боже* [Пс. 50, 12].

Как я поврежден грехом! что-нибудь худое, злое, нечистое тотчас мыслится и чувствуется в сердце, а доброе, хорошее, чистое, святое часто только мыслится и говорится, а не чувствуется. Увы мне! еще зло ближе к моему сердцу, чем добро. Кроме того, зло только подумал или почувствовал, и тотчас готов его сделать, и сделаешь скоро и удобно, если не имеешь страха Божия, - а добро, еже *хотети прилежит мне, а еже содеяти не обретаю* [Рим. 7, 18] в себе силы, и задуманное доброе дело часто откладывается в долгий, долгий ящик.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Мысли христианина о покаянии и святом причащении. М.: Синодальная библиотека, 1990. С. 3-9.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский

ЗАКОН ЛЮБВИ

Якоже хотите да творят вам человецы, и вы творите им такожде. [Лк. 6, 31]

Богоглаголивый евангелист Лука в ныне читанном Евангелии предаёт нам наставление и заповедь Господа нашего Иисуса Христа, как мы должны поступать с людьми в общежитии, чтобы нам и Богу и людям угодить, и себе приобрести доброе имя и незазорную совесть и сподобиться обещанного, нетленного Отечества Небесного за благоразумное поведение наше в отечестве земном [Лк. 6, 31-36].

Какие премудрые, возвышенные, спасительные, истинно божественные наставления и заповеди! Но так не согласна с ними ежедневная обыденная жизнь наша! Господь научает нас обращаться с людьми так, как мы желали бы, чтобы с нами обращались люди, т. е. простосердечно, доброжелательно, сочувственно, терпеливо. Он мерилом наших отношений к людям поставил нас самих, а эта мера, этот масштаб есть любовь, ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее [Еф. 5, 29]. Но в общежитии часто бывает напротив; отношения людей друг к другу бывают весьма часто неправильные, превратные, не отличающиеся духом простоты и искренности, любви и благорасположения, миролюбия, кротости и снисхождения, чистоты и

святости, сочувствия и милосердия и христианского терпения. Они нередко отличаются духом неискренности и двуличности, холодности и высокомерия, лукавства и недоброжелательства или нечистоты и сладострастия, низкого эгоизма и корыстности.

Корень, или причина, источник такого или другого обращения людей одних с другими находится в сердце человека, ибо благий человек от благого сокровища сердца своего износит благая и лукавый человек от лукавого сокровища сердца своего износит лукавая [Мф. 12, 35], и происходит или от природных его качеств, или от воспитания счастливого или превратного, от различных страстей, наклонностей, привычек, например, к некоторым удовольствиям, от добрых или худых примеров, от жизненной обстановки, от большей или меньшей обеспеченности материальной или от среды, в которой кто живет, от положения в обществе, от разных житейских уроков или искушений, оттого, наконец, насколько кто проникнулся или не проникнулся духом Христовым, евангельским, церковным.

Так, мерилom отношений к другим у иных людей бывают простота и искренность, доброжелательство, любовь ко всем - это наилучшая сторона отношений одних к другим, но нередко характером отношений одних к другим бывают хитрость, подозрительность, неприязнь, грубость, зависть, крайнее самолюбие, корысть, лицепрятие, суетность, тщеславие, честолюбие, сладострастие или крайнее высокоумие, т. е. высокое о себе мнение, ищущее унижить других. Это другой, противоположный первому вид отношений людских.

Вообще говоря, между людьми больше можно приметить отношений друг к другу неискренних, чем чистосердечных, потому что все сердца заражены больше или меньше нечистотой греха, покрыты тлею страстей. Ибо кто похвалится чисто имети сердце, говорит Писание? Так, иных слова бывают мягки, как елей, а между тем они стрелы язвительные. Итак, по учению Спасителя нашего, мерой наших отношений к другим должна быть правильная любовь наша к самим себе; как желаем, чтобы поступали с нами люди, так будем поступать и мы с ними, т. е. просто, чистосердечно, кротко, с любовью, неподозрительно, снисходительно, сочувственно, терпеливо.

Сам Господь предлагает Себя в образец нам, на который мы должны непрестанно взирать и, взирая, всегда поучаться. Научитесь от Меня, -

говорит Он, - ибо Я кроток и смирен сердцем [Мф. 11, 29]. Апостол Павел говорит: Старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа [Евр. 12, 14]. Еще он научает: Любовь да будет непритворна. Будьте братолюбивы друг к другу с нежностью; в почтительности друг друга предупреждайте; в нуждах святых, т. е. братьев христиан, принимайте участие; ревнуйте о странноприимстве. Благословляйте гонителей ваших; благословляйте, а не проклинайте. Радуйтесь с радующимися и плачьте с плачущими. Будьте единомысленны между собою; не высокоумствуйте, но последуйте смиренным; не мечтайте о себе; никому не воздавайте злом за зло, но пекитесь о добром пред всеми человеками. Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми. Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь. Итак, если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напой его. Не будь побежден злом, но побеждай зло добром. Всякая душа да будет покорна высшим властям [Рим. 12, 9-21; 13, 1].

Вот какие правила обращения христиан между собой начертал апостол Павел в послании своем к римлянам. Они для всех нас обязательны. Где высшее побуждение поступать нам таким образом друг с другом? В образе и подобии Божию, по которому человек сотворен, и в том, что мы чада единого Отца Небесного, члены Христовы, ветви единой лозы Христа, овцы единого словесного стада Его; вкушаем единого животного хлеба Христа, пьем из одной чаши божественную Кровь Его; напоены все единым Духом Святым; ждем одного нетленного, вечного наследия. Вот побуждение к взаимному, искреннему, любовному обращению!

Если любите любящих вас, - говорит Господь в нынешнем Евангелии, - какая вам за то благодарность? ибо и грешники, т. е. идолопоклонники, любящих их любят. И если делаете добро тем, которые вам делают добро, какая вам за то благодарность? ибо и грешники то же делают, т. е. доколе пользуются благодеяниями, а это значит любить только себя, ибо в благодетелях любят только благодеяния или пользу себе.

И если взаймы даете тем, от которых надеетесь получить обратно, какая вам за то благодарность? ибо и грешники дают взаймы грешникам, чтобы получить обратно столько же, и в этом случае вы любите только себя, свои выгоды, а не пользу ближнего, не удовлетворяете его нужде

совершенно. Если же этих естественных добродетелей христиане не исполняют, то они хуже гораздо и язычников, которые естеством законное творят [Рим. 2, 14], не имея благодатных сил; христиане же, как известно, получили все божественные, сверхъестественные силы от Бога к животу и благодетельности [2 Пет. 1, 3], к исполнению всех Христовых заповедей.

Посмотрись, христианин, в это зеркало божественных заповедей и познай, каков ты, любишь ли ты хоть тех, кои тебя любят, или даже и их иногда не любишь? Делашь ли добро благотворителям твоим? Даешь ли в долг тем, которые возвращают долг? Не уклоняешься ли по корыстолюбию и недоверию? Многие хотят довольствоваться только любовью к любящим и не хотят понудить себя любить ненавидящих или враждебно к ним настроенных; с такой любовью языческой, христианин, останешься на Страшном суде в стыде. Но вы любите врагов ваших, - продолжает Господь, - благотворите и займы давайте, не ожидая ничего; и будет вам награда великая, и будете сынами Всевышнего; ибо Он благ и к неблагодарным и злым. Трудное дело, по-видимому, предписывает нам Спаситель наш, заповедуя любить врагов наших и делать им добро; растленное сердце человеческое скажет: это невозможно, это противно природе и здравому смыслу! Трудное дело, правда, только для растленного сердца, не обновленного и не укрепленного благодатью, но для сердца, возрожденного благодатью, это дело легкое, ибо Господь помогает верующему во всем; и мы в жизни святых видим тому много примеров.

Но кому займы давать, не ожидая ничего? Людям бедным, несостоятельным, для которых возвращение долга крайне трудно и часто невозможно. А люди состоятельные должны непременно возвращать долг, и заимодавцы нимало не погрешают, если ищут получения долга честным способом или судом. В противном случае было бы вредное потворство людям недобросовестным, думающим легко разжиться на чужой счет. Итак, будьте милосерды, - сказал Господь, - как и Отец ваш милосерд. От христиан, Своих чад по благодати, Господь требует милосердия, подобного милосердию Отца Небесного. И в самом деле, если христиане - чада Отца Небесного, искупленные кровью Сына Его, - им обещаны нетленные, бесконечные блага в Небесном Отечестве, то они должны являть в этой жизни братичь своей любовь и милосердие, соответственные величию к ним любви и милосердия Божия и беспредельному величию обещанных им нетленных благ, величайших почестей и венцов небесных.

Возлюбленные! Если так возлюбил нас Бог, то и мы должны любить друг друга, - говорит святой апостол Иоанн Богослов [1 Ин. 4, 11]. Аминь.
<http://www.pravoslavie.ru/put/031011153625.htm?item=6r1550r031011153625>

Святой праведный Алексей Мечев

ИСПОВЕДЬ ВНУТРЕННЕГО ЧЕЛОВЕКА, ВЕДУЩАЯ КО СМирЕНИЮ

Внимательно обращая взор мой на самого себя и наблюдая ход внутреннего моего состояния, я опытно уверился, что я не люблю Бога, не имею любви к ближнему, не верю ничему религиозному и преисполнен гордостью и сластолюбием...

1. *Я не люблю Бога.* Ибо, если бы я любил Его, то непрестанно размышлял бы о Нем с сердечным удовольствием; каждая мысль о Боге доставляла бы мне отрадное наслаждение. Напротив, я гораздо охотнее размышляю о житейском, а помышление о Боге составляет для меня труд и сухость. Если бы я любил Его, то собеседование с Ним через молитву питало бы меня, наслаждало и влекло к непрерывному общению с Ним; но напротив, я не только не наслаждаюсь молитвою, но еще при занятии ею чувствую труд, борюсь с неохотою, расслабляюсь леностию и готов с охотою чем-нибудь маловажным заняться, чтобы только сократить или перестать от молитвы. В пустых занятиях мое время летит неприметно, а при занятии Богом, при поставлении себя в Его присутствие, каждый час мне кажется годом. Кто кого любит, тот в продолжении дня беспрестанно о нем мыслит, воображает его, заботится о нем, и при всех занятиях любимый друг его не выходит из его мыслей; а я в продолжении дня едва ли отделяю и один час, чтобы глубоко погрузиться в размышление о Боге и воспламенить себя к Его любви, а двадцать три часа охотно приношу ревностные жертвы страстным моим идолам!.. В беседах о предметах суетных, о предметах низких для духа, я бодр, я чувствую удовольствие, а при рассуждении о Боге я сух, скучлив и ленив. Если же невольно бываю увлечен другими к беседе божественной, то стараюсь скорее переходить к беседе, льстящей страстям моим. Неутомимо любопытствуя о новостях, о гражданских постановлениях, о политических происшествиях; алчно ищу удовлетворения моей любознательности в науках светских, в художествах, в приобретениях, а поучение в Законе Господнем, познании о Боге, о

религии не производит на меня впечатления, не питает души моей, и сие я почитаю не токмо не существенным занятием христианина, но как бы сторонним и побочным предметом, коим я должен заниматься разве только в свободное время, на досуге...

2. *Я не имею любви к ближнему.* Ибо не только не могу решиться для блага ближнего положить душу мою (по Евангелию), но даже и не пожертвую моею честью, благом и спокойствием для блага ближнего. Если бы я любил его по Евангельской заповеди, как самого себя, то несчастье бы его поражало бы и меня, благополучие его приводило бы и меня в восхищение. А, напротив, я выслушиваю любопытнее несчастные повести о ближнем, не сокрушаюсь, а бываю равнодушным или, что еще преступнее, нахожу как бы удовольствие в оном и худые поступки брата моего не покрываю любовью, но с осуждением их разглашаю. Благосостояние честь и счастье его не восхищают меня, как собственные, но производят во мне как бы зависть или презрение.

3. *Я не верю ничему религиозному* - ни бессмертию, ни Евангелию. Если бы я был твердо убежден, и несомненно верил, что за гробом есть жизнь вечная с возмездием за дела земные, то я беспрестанно размышлял бы об этом; самая мысль о бессмертии ужасала бы меня, и я проводил бы жизнь свою, как пришелец, готовящийся вступить в свое отечество. Напротив, я и не думаю о вечности и конец настоящей жизни почитаю как бы пределом моего существования. Тайная мысль гнездится во мне: кто знает, что будет после смерти? Если и говорю, что верю бессмертию, то это говорю только по разуму, а сердце мое далече отстоит от твердого убеждения в оном, что открыто свидетельствуют поступки мои и постоянная забота о благоустройстве чувственной жизни. Когда бы Святое Евангелие, как слово Божие, было с верою принято в мое сердце, я бы беспрестанно занимался оным, изучал бы его, наслаждался бы им и с глубоким благоговением даже взирал бы на него. Премудрость, благодать и любовь, в нем сокрытые, приводили бы меня в восхищение, я наслаждался бы поучением в Законе Божием день и ночь, питался бы им, как повседневною пищею, и сердечно влекся бы к исполнению его правил, ничто земное не сильно было бы отклонить меня от оного. Напротив, если я изредка читаю или слушаю слово Божие, и то или по необходимости, или по любознательности, и при сем, не входя в глубочайшее внимание, чувствую сухость, незанимательность и, как бы обыкновенное чтение,

оставляю без всякого плода и охотно готов заменить его чтение светским, в коем нахожу более удовольствия, более новых занимательных предметов.

4. Я преисполнен гордости и чувственного себялюбия. Все поступки мои сие подтверждают: видя в себе доброе, желаю поставить его на вид, или превозношусь им перед другими, или внутренне люблюсь собой. Хотя и показываю наружное смирение, но приписываю все своим силам и почитаю себя превосходнейшим других или, по крайней мере, не худшим. Если замечу в себе порок, стараюсь извинить его, покрыть личиною необходимости или невинности. Сержусь на неуважающих меня, почитаю их не умеющими ценить людей. Дарованиями тщеславлюсь; неудачи в предприятиях почитаю для себя оскорбительными, ропщу и радуюсь несчастьем врагов моих. Если я стремлюсь к чему-либо доброду, то имею целью или похвалу, или своекорыстное духовное, или светское утешение.

Словом, я непрестанно творю из себя собственного кумира, которому совершаю непрерывное служение, ища во всем услаждения чувственных и пищи для сластолюбивых своих страстей и похотений.

Пастырь добрый. Жизнь и труды праведного старца Алексия Московского. М., 2007. С. 16-17.

Преподобный Силуан Афонский

ПОУЧЕНИЯ

Воля Божия

Когда нет добрых наставников, то должно смиренно предаться воле Божией. И тогда Господь будет умудрять нас Своею благодатью, ибо Господь так много нас любит, что и выразить невозможно.

Великое благо - предаться на волю Божию. В душе тогда один Господь, и нет другой мысли, и она чистым умом молится Богу, и чувствует любовь Божию, хотя и страдает телом. Когда душа всецело предалась на волю Божию, тогда Сам Господь начинает руководить ею, и душа непосредственно учится от Бога, а раньше наставлялась учителями и Писанием. Но это редко бывает, чтобы Учитель душе был Сам Господь Своею благодатью Святого Духа, и мало кто знает об этом, а только тот, кто живет по воле Божией.

Горделивый не хочет жить по воле Божией: он любит управлять собой сам; и не понимает того, что не хватает у человека разума без Бога управлять собой. И я, когда жил в миру и не знал еще Господа и Его Святого Духа, не знал, как нас любит Господь, полагался на свой разум; но когда Духом Святым познал я Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия, то душа моя предалась Богу, и все, что случается со мной скорбного, принимаю и говорю: «Господь смотрит на меня, чего мне бояться?» А раньше я не мог так жить.

Драгоценнее всего на свете - знать Бога и хотя бы отчасти разуметь волю Его. Познавшая Бога душа - во всем должна предаться на волю Божию и жить пред Ним в страхе и любви. В любви, потому что Господь есть любовь. В страхе, потому что должно бояться, как бы не оскорбить Бога каким-либо плохим помыслом.

Как узнать, живешь ли ты по воле Божией? - Вот признак: если ты скорбишь о какой-либо вещи, то значит не вполне предался воле Божией, хотя тебе, быть может, и кажется, что ты живешь по воле Божией. Кто живет по воле Божией, тот не заботится ни о чем. И если ему нужна какая-либо вещь, то он и себя и вещь предает Богу; и если не получит нужную вещь, то все равно остается покоен, как если бы имел ее. Душа, которая предалась воле Божией, ничего не боится: ни грозы, ни разбойников, ничего. Но что ни случится - она говорит: «Так Богу угодно». Если болен, - думает: «Значит мне нужна болезнь, иначе бы Бог не дал мне ее». И так сохраняется мир в душе и теле.

Всякая душа, смущенная чем-нибудь, должна спросить Господа, и Господь вразумит. Но это, главным образом, в час беды и смущения, а так обычно надо спрашивать духовника, ибо это смирение. Господь дал на землю Духа Святого, и в ком Он живет, тот ощущает рай в себе. Быть может ты скажешь: почему же у меня нет такой благодати? - Потому что ты не предался воле Божией, а живешь по своей.

Всегда надо молиться, чтобы Господь вразумил, что надо сделать, и Господь не оставит нас заблуждаться. Адам не был мудр, чтобы спросить Господа о плоде, который дала Ева, и потому потерял рай. Давид не спросил Господа: «Хорошо ли будет, если я возьму себе жену Урия?» - и пал в грех убийства и прелюбодеяния. Так и все святые, которые согрешили, согрешили потому, что не призвали Бога на помощь, чтобы

вразумил их. Преподобный Серафим Саровский сказал: «Когда я говорил от своего ума, то бывали ошибки».

Если ты говоришь или пишешь о Боге, то молись и проси у Господа помощи и вразумления, и Господь будет тебе содействовать и вразумлять. И если у тебя есть недоумение, то сделай три поклона и скажи: «Господи, Ты видишь, Милостивый, душа моя в недоумении, и я боюсь погрешить, вразуми меня, Господи». И Господь непременно вразумит, потому что он очень близок к нам. Если же ты усомнишься, то не получишь просимого. Так Господь сказал Петру: «Почто усомнился еси, малове́ре?» [Мф. 14, 31], когда тот стал утопать в волнах. Так и душа, когда усомнится, то начинает утопать в плохих помышлениях.

Итак, только Господь всеведущ, нам же всем, кто бы ни был, надо молиться Богу о вразумлении, а также спрашивать духовного отца, чтобы не делать ошибок.

О смирении

Научиться Христову смирению - есть великое благо; с ним легко и радостно жить, и все бывает мило сердцу. Только смиренным являет Себя Господь Духом Святым, а если не смиримся, то не узрим Бога. Смирение есть свет, в котором мы можем узреть Свет Бога, как поется: «Во свете Твоем узрим свет».

Если бы мы были смиренны, то Господь, по Своей любви, все показал бы нам, открыл бы все тайны, но горе наше в том, что мы не смиренны, гордимся и тщеславимся всякими пустяками, и тем мучаем и самих себя и других.

Господь не являет Себя гордой душе. Гордая душа, хотя бы все книги изучила, никогда не познает Господа, ибо она гордостью своею не дает в себе места благодати Святого Духа, а Бог познается только Духом Святым. Гордость не дает душе вступить на путь веры. Неверующему я даю такой совет: пусть он скажет: «Господи, если Ты есть, то просвети меня, и я послужу Тебе всем сердцем и душою». И за такую смиренную мысль и готовность послужить Богу, Господь непременно просветит.

Господь, хотя и милостив, но за гордость томит душу голодом, и не дает ей благодати, доколе не научится смирению. Гордый боится укоризны, а смиренный - нисколько. Кто стяжал Христово смирение, тот всегда желает укорять себя, и радуется поношениям, и скорбит, когда его хвалят. Но это еще первоначальное смирение, а когда душа познает

Господа Духом Святым, какой Он смиренный и кроткий, тогда видит себя хуже всех.

Господь сказал: «Научитесь от Меня, яко кроток есть и смирен сердцем». Есть много родов смирения. Один послушлив и во всем себя укоряет, - и это смирение. Иной кается во грехах своих и почитает себя мерзким перед Богом, - и это смирение. Но когда душа Духом Святым увидит Господа, какой Он кроткий и смиренный, тогда сама она смиряется до конца. И это совсем особое смирение, и никто не может его описать, и познается оно только Духом Святым. И если бы люди Духом Святым познали - какой наш Господь, то все бы изменились: богатые презрели бы свои богатства, ученые - свои науки, а правители - свою славу и власть, и все бы смирились, и жили бы в великом мире и любви, и на земле была бы великая радость.

Господь любит людей, но посылает скорби, чтобы люди познали немощь свою и смирились, и за смирение свое приняли Святого Духа, а с Духом Святым - все хорошо, все радостно, все прекрасно.

Иной много страдает от бедности и болезней, но не смиряется, и потому без пользы страдает. А кто смирится, тот всякой судьбой будет доволен, потому что Господь - его богатство и радость, и все люди будут удивляться красоте души его.

Ты говоришь: «У меня много горя». Но я тебе скажу, или лучше Сам Господь говорит: «Смирись», и увидишь, что твои беды превратятся в покой, так что ты и сам удивишься, и скажешь: «Почему же я раньше так мучился и скорбел?» Но теперь ты радуешься, потому что смирился, и пришла благодать Божия; теперь ты хотя бы один сидел в бедности, радость не оставит тебя, потому что на душе у тебя мир, о котором Господь сказал: «Мир Мой даю вам». Так всякой смиренной душе Господь дает мир.

Душа смиренного, как море, брось в море камень, он на минуту возмутит слегка поверхность и затем утонет в глубине его. Скорби утопают в сердце смиренного, потому что с ним сила Господня.

Раньше я думал, что Господь творил чудеса только по молитвам святых, но теперь узнал, что и грешному сотворит Господь чудо, как только смирится душа его, ибо когда человек научится смирению, тогда Господь слушает его молитвы.

Многие по неопытности говорят, что такой-то святой сделал чудо, но я узнал, что это Дух Святой, Который живет в человеке, творит чудеса. Господь хочет, чтобы все спаслись и вечно были с Ним, и потому слушает молитвы грешного человека ради пользы других или самого того, кто молится.

Где ты обитаешь, смиренная душа; и кто в тебе живет; и чему уподоблю тебя?

Ты горишь ярко, как солнце, и не сгораешь, но теплом своим согреваешь всех.

Тебе принадлежит земля кротких, по слову Господа.

Ты подобна цветущему саду, в глубине которого прекрасный дом, где любит обитать Господь.

Тебя любят небо и земля.

Тебя любят святые Апостолы, Пророки, Святители и Преподобные.

Тебя любят Ангелы, Серафимы и Херувимы.

Тебя, смиренную, любит Пречистая Матерь Господа.

Тебя любит и радуется о тебе Господь.

О покаянии

Слава Господу, что Он дал нам покаяние, которым мы все можем спастись, без исключения. Не спасутся только те, которые не хотят каяться, и в этом я вижу их отчаяние, и много я плачу, жалея их.

Всякая душа, потерявшая мир, должна покаяться, и Господь простит грехи, и будет тогда радость на душе и мир; и не надо других свидетелей, но Сам Дух свидетельствует, что грехи прощены. Вот знак прощения грехов; если ты возненавидел грех, то простил тебе грехи Господь.

Кто истинно кается, тот с готовностью терпит всякую скорбь: голод и наготу, холод и жар, болезни и нищету, унижения и изгнания, неправды и клеветы; ибо душа стремится к Господу и не заботится она о земном, но чистым умом молится Богу. А кто привязан к имениям и деньгам, тот никогда не может иметь чистый ум в Боге, потому что в глубине души его постоянно есть забота, что с ними сделать; и если он не покается чисто и не будет скорбеть, что оскорбил Бога, то так и умрет в страсти, не познав Господа.

Христос молился за распинавших Его: «Отче, не поставь им греха сего; не ведут бо, что творят». Архидиакон Стефан молился за тех, которые побивали его камнями, чтобы Господь не вменял им это в грех. И

мы, если хотим сохранить благодать, должны молиться за врагов. Если ты не жалеешь грешника, который будет мучиться в огне, то значит нет в тебе благодати Святого Духа, но живет в тебе злой дух, и покамест ты жив еще, старайся покаянием освободиться от него.

О пастырях

Великое лицо - иерей, служитель у Престола Божия. Кто оскорбляет его, тот оскорбляет Духа Святого, живущего в нем. Один смиренный и кроткий муж шел с женой и тремя детьми. Встретился им архиерей, который ехал в карете, и когда крестьянин стал с благоговением кланяться ему, то увидел благословляющего архиерея в благодатном огне.

Если бы люди видели, в какой славе служит священник, то упали бы от этого видения; и если бы сам священник видел себя, в какой небесной славе стоит он (совершая свое служение), то стал бы великим подвижником, чтобы ничем не оскорбить живущую в нем благодать Святого Духа.

Пишу эти строки, и радуется дух мой, что пастыри наши похожи на Господа Иисуса Христа. Но и мы овцы, хотя и малую благодать имеем, но все же похожи на Господа. Люди не знают этой тайны, но Иоанн Богослов ясно сказал: «Будем подобны Ему», и это не только после смерти, но еще и теперь, ибо Милостивый Господь дал на землю Духа Святого, и Дух Святой живет в Церкви нашей. Он живет в непорочных Пастырях; Он живет в сердцах верующих; Он учит душу подвигу. Он дает силы исполнять заповеди Господни и наставляет нас на всякую истину.

О послушании

Почему Святые Отцы послушание ставили выше поста и молитвы? - Потому, что от подвигов без послушания рождается тщеславие, а послушник все делает так, как ему сказано, и не имеет повода гордиться. Кроме того, послушливый отсекает свою волю во всем и слушает своего духовного отца, и потому ум его свободен от всякой заботы и он чисто молится. У послушливого на уме один Бог и слово старца, а у преслушника ум занят разными делами и осуждением старца, и потому не может он созерцать Бога.

Послушание нужно не только монахам, но и всякому человеку. Даже Господь был послушлив. Гордые и самочинные не дают в себе жить благодати, и потому никогда не имеют мира душевного, а в душу

послушливого легко входит благодать Святого Духа и дает ему радость и покой.

Кто носит в себе хотя бы малую благодать, тот с радостью подчиняется начальству. Он знает, что Бог управляет и небом, и землею, и преисподнею, и им самим, и его делами, и всем, что есть в мире, и потому всегда бывает покоен.

Послушанием человек предохраняется от гордости. За послушание дается молитва, за послушание дается и благодать Святого Духа. Вот почему послушание выше поста и молитвы.

Если бы падшие ангелы сохранили послушание, то пребыли бы на небесах и до сих пор славили бы Господа. И если бы Адам сохранил послушание, то и он, и род его пребыли бы в раю. Но и ныне возможно вернуть себе рай покаянием. Господь много нас любит, несмотря на наши грехи, лишь бы мы смирились и любили врагов. А кто не любит врагов, тот не может иметь мира, хотя бы его и в рай посадить.

Иеромонах Софроний. Старец Силуан. Фессалоники: Православный пчельник, 1994.

<http://www.fatheralexander.org/booklets/russian/siluan.htm>

Преподобный Серафим Вырицкий

ОТ МЕНЯ ЭТО БЫЛО

Думал ли ты когда-либо, что все, касающееся тебя, касается и Меня? Ибо касающееся тебя касается зеницы ока Моего. Ты дорог в очах Моих, многоценен, и Я возлюбил тебя, и поэтому для Меня составляет особую отраду воспитывать тебя.

Когда искушения восстанут на тебя, и враг придет, как река, Я хочу, чтобы ты знал, что От Меня это было. Что твоя немощь нуждается в Моей силе и что безопасность твоя заключается в том, чтобы дать Мне возможность бороться за тебя.

Находишься ли ты в трудных обстоятельствах, среди людей, которые тебя не понимают, которые не считаются с тем, что тебе приятно, которые тебя отстраняют, — От Меня это было. Я — Бог твой, располагающий обстоятельствами. Ты не случайно оказался на твоём месте, это то самое место, которое Я тебе назначил. Не просил ли ты, чтобы Я научил тебя смирению, - так вот смотри, Я поставил тебя как раз в ту среду, в ту школу,

где этот урок изучается. Твоя среда и живущие с тобою только выполняют Мою волю.

Находишься ли ты в денежном затруднении, тебе трудно сводить концы с концами, знай, что От Меня это было. Ибо Я располагаю твоими материальными средствами. Я хочу, чтобы Ты прибегал ко Мне и был бы в зависимости от меня. Мои запасы неистощимы. Я хочу, чтобы ты убеждался в верности Моей и Моих обетований. Да не будет того, чтобы тебе могли сказать о нужде твоей: «Вы не верили Господу Богу вашему» [Втор. 8, 12-13].

Переживаешь ли ты ночь скорбей, ты разлучен с близкими и дорогими сердцу твоему, — От Меня это было. Я — муж скорбей, изведавший болезни, Я допустил это, чтобы ты обратился ко Мне и во Мне мог найти утешение вечное.

Обманулся ли ты в друге твоём, в ком-нибудь, кому открыл сердце свое, — От Меня это было. Я допустил этому разочарованию коснуться тебя, чтобы ты познал, что лучший друг твой есть Господь. Я хочу, чтобы ты все приносил ко Мне и говорил Мне.

Наклеветал ли кто на тебя - предоставь это Мне и прильни ближе ко Мне, убежищу твоему, душою твоею, чтобы укрыться от «пререкания языков». Я изведу, как свет, правду твою и судьбу твою, яко полудне [см.: Пс. 36, 6].

Разрушились ли планы твои, поник ли ты душою и устал — От Меня это было. Ты создавал себе свои планы и принес их Мне, чтобы я благословил их. Но я хочу, чтобы ты предоставил Мне распоряжаться обстоятельствами твоей жизни, и тогда ответственность за все будет на Мне, ибо слишком тяжело для тебя это, и ты один не можешь справиться с ними, так как ты только орудие, а не действующее лицо.

Посетили ли тебя неожиданные неудачи житейские, и уныние охватило сердце твое, знай — От Меня это было. Ибо Я хочу, чтобы сердце твое и душа твоя были всегда пламенеющими пред очами Моими и побеждали бы именем Моим всякое малодушие.

Не получаешь ты долго известий от близких и дорогих тебе людей и по малодушию твоему впадаешь в отчаяние и ропот, знай — От Меня это было. Ибо этим томлением твоего духа Я испытываю крепость веры твоей в непреложность обетования, силу дерзновенной твоей молитвы о сих близких тебе. Ибо не ты ли вручил их Покрову Матери Моей Пречистыя,

не ты ли некогда возлагал заботу о них Моей промыслительной любви.

Посетила ли тебя тяжкая болезнь, временная или неисцельная, и ты оказался прикованным к одру своему — От Меня это было. Ибо Я хочу, чтобы ты познал Меня еще глубже в немощах своих телесных и не роптал бы за сие ниспосланное тебе испытание, не старался проникнуть в Мои планы спасения душ человеческих различными путями, но безропотно и покорно преклонил бы выю твою под благодать Мою к тебе.

Мечтал ли ты сотворить какое-либо особенное дело для Меня и вместо того слег на одр болезни и немощи — От Меня это было. Ибо тогда ты был бы погружен в дела свои и Я не мог бы привлечь мысли твои к Себе, а Я хочу научить тебя самым глубоким мыслям, что ты на службе у Меня. Я хочу научить тебя сознать, что ты — ничто.

Некоторые из лучших соратников Моих суть те, которые отрезаны от живой деятельности, чтобы им научиться владеть оружием непрестанной молитвы.

Призван ли ты неожиданно занять трудное и ответственное положение, иди полагаясь на Меня. Я вверяю тебе эти трудности, ибо за это благословит тебя Господь Бог твой во всех делах твоих, на всех путях твоих, всем, что будет делаться твоими руками. В сей день даю в руку твою этот сосуд священного елея. Пользуйся им свободно, дитя Мое. Каждое возникающее затруднение, каждое оскорбляющее тебя слово, каждая помеха в твоей работе, которая могла бы вызвать чувство досады и разочарования, каждое откровение твоей немощи и неспособности пусть будут помазаны этим елеем — От Меня это было.

Помни, что всякая помеха есть Божие наставление, и потому положи в сердце свое слово, которое Я объявил тебе в сей день, — От Меня это было. Храни их, знай и помни — всегда, что всякое жало притупится, когда ты научишься во всем видеть Меня. Все послано Мною для совершенствования души твоей, — От Меня это было.

Преподобный Серафим Вырицкий. От Меня это было. Киев: Оранта, 2005. С. 4-18.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
------------------	---

<i>Святитель Игнатий Брянчанинов. О чтении святых</i>	
отцов.....	4

РАЗДЕЛ I

<i>Тертуллиан. К мученикам.....</i>	7
<i>Священномученик Мефодий Патарский. О девстве.....</i>	9
<i>Святитель Василий Великий. О благодарении.....</i>	12
<i>Святитель Василий Великий. О том, что молитву должно</i> <i>предпочитать всему.....</i>	14
<i>Святитель Василий Великий. О посте.....</i>	19
<i>Святитель Василий Великий. О зависти.....</i>	21
<i>Святитель Василий Великий. О том, что подвижнику не</i> <i>должно домогаться почестей и отличий.....</i>	24
<i>Святитель Григорий Нисский. О молитве.....</i>	25
<i>Святитель Иоанн Златоуст. Увещание приходить в церковь.....</i>	27
<i>Святитель Иоанн Златоуст. О милостыне.....</i>	30
<i>Святитель Иоанн Златоуст. Безропотное терпение скорбей</i> <i>равно мученичеству.....</i>	34
<i>Святитель Иоанн Златоуст. Утешение в смерти близких.....</i>	36
<i>Святитель Иоанн Златоуст. О молитве.....</i>	39
<i>Святитель Иоанн Златоуст. Кем нужно считать себя в этом</i> <i>мире и как жить в нем?.....</i>	42
<i>Преподобный Ефрем Сирин. Различные виды Божия Промысла.....</i>	45
<i>Преподобный Ефрем Сирин. О восьми помыслах.....</i>	45
<i>Преподобный Ефрем Сирин. Об умилении.....</i>	46
<i>Преподобный Ефрем Сирин. Сказание о юродивой.....</i>	48
<i>Святитель Амвросий Медиоланский. Слово о взаимной любви</i> <i>христиан.....</i>	49
<i>Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин. Цель и конец</i> <i>подвижничества.....</i>	51
<i>Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин. О Божественной</i> <i>благодати и свободном произволении, как производителях</i> <i>духовной жизни.....</i>	52

<i>Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин. Общее очертание</i>	
страстей и борьбы с ними.....	56
<i>Блаженный Феодорит Кирский. О Божественной и святой любви.....</i>	60
<i>Преподобный Макарий Великий. О хранении сердца.....</i>	63
<i>Преподобный авва Дорофей. О совести.....</i>	70
<i>Преподобный авва Дорофей. О смиренномудрии.....</i>	73
<i>Преподобный Иоанн Лествичник. О многообразном тщеславии.....</i>	80
<i>Преподобный Иоанн Лествичник. О безумной гордости.....</i>	85
<i>Преподобный Исаак Сирич. Заповеди Господни.....</i>	89
<i>Преподобный Исаак Сирич. О грехах произвольных,</i>	
непроизвольных и совершаемых по какому-нибудь случаю.....	90
<i>Преподобный Исаак Сирич. Чудное житие святых мужей.....</i>	93
<i>Преподобный Исаак Сирич. Сердце милующее.....</i>	94
<i>Преподобный Максим Исповедник. Послание о любви.....</i>	95
<i>Преподобный Симеон Новый Богослов. О вере, и к тем,</i>	
которые говорят, что живущему в мире невозможно	
достигнуть совершенства в добродетелях.....	99
<i>Преподобный Симеон Новый Богослов. О духовном</i>	
руководителе.....	105
<i>Преподобный Григорий Синаит. О прелести.....</i>	112
<i>Преподобный Никодим Саятогорец. В чем состоит</i>	
христианское совершенство?.....	115

РАЗДЕЛ II

<i>Преподобный Нил Сорский. Как возникает в человеке грех?.....</i>	118
<i>Преподобный Максим Грек. О том, как должно входить в</i>	
святые Божии храмы.....	121
<i>Святитель Димитрий Ростовский. Остановись, человек!.....</i>	121
<i>Святитель Димитрий Ростовский. Нравоучение.....</i>	123
<i>Святитель Димитрий Ростовский. Слово о пьянстве.....</i>	124
<i>Святитель Иоанн (Максимович) Тобольский. Божественный</i>	
Промысл.....	128
<i>Святитель Тихон Задонский. Духовные наставления.....</i>	134
<i>Святитель Тихон Задонский. Ты чего стал?.....</i>	139
<i>Святитель Тихон Задонский. Счастье.....</i>	141

Беседа преподобного Серафима Саровского

с Н.А. Мотовиловым. О цели христианской жизни.....	145
Стихотворный диалог Пушкина и святителя Филарета.....	153
Преподобный Амвросий Оптинский. Монастырь в миру.....	154
Преподобный Макарий Оптинский. Наставления.....	161
Святитель Игнатий Брянчанинов. Сети миродержца.....	164
Святитель Игнатий Брянчанинов. О любви к Богу.....	168
Святитель Игнатий Брянчанинов. Слово о различных	
состояниях естества человеческого по отношению к добру и злу....	171
Святитель Игнатий Брянчанинов. О любви к ближнему.....	178
Святитель Игнатий Брянчанинов. Восемь главных страстей	
с их подразделениями и отраслями.....	183
Святитель Игнатий Брянчанинов. О добродетелях,	
противоположных восьми главным греховным страстям.....	187
Святитель Феофан Затворник. Как начинается в нас	
христианская жизнь?.....	190
Святитель Феофан Затворник. В бурных волнах юности.....	196
Святитель Феофан Затворник. О тройком виде креста	
человеческого.....	201
Святитель Феофан Затворник. Любовь – венец жизни	
христианской.....	208
Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Самопознание.....	210
Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Закон любви.....	213
Святой праведный Алексей Мечев. Исповедь внутреннего человека,	
ведущая к смирению.....	217
Преподобный Силуан Афонский. Поучения.....	219
Преподобный Серафим Вырицкий. От Меня это было.....	225

Учебное издание

ХРЕСТОМАТИЯ ПО ПРАВОСЛАВНОЙ ЭТИКЕ

Учебное пособие

Текст печатается в авторской редакции.

Подписано в печать 25.06.10 Формат 60х84/16 Бумага для множ. аппаратов.
Усл.печ.л. 13,7. Уч.-изд.л. 14,0. Тираж 100 экз. Заказ 1113
ФГАОУ ВПО «Российский государственный профессионально-
педагогический университет». Екатеринбург, ул.Машиностроителей, 11.

Отпечатано в ООО "ТРИКС". Свердловская область, г. Верхняя Пышма, ул. Феофанова, .

